

НИКОЛАЙ СЫЧЕВ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ»
(РУСО)

ДИАЛЕКТИКА КАПИТАЛА

**К МАРКСОВОЙ КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА**

**ТОМ I
КНИГА I**

Николай Сычев

**Диалектика капитала. К
марксовой критике политической
экономи. Процесс производства
капитала. Том 1. Книга 1**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 63.3

Сычев Н. В.

Диалектика капитала. К марксовой критике политической экономии. Процесс производства капитала. Том 1. Книга 1 / Н. В. Сычев — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-65-2

Издание представляет собой уникальное, фундаментальное исследование диалектики капитала (в контексте марксовой критики политической экономии), не имеющее аналогов ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. В концептуальном плане оно базируется на «Капитале» К. Маркса. В соответствии со структурой первого тома данного труда издание состоит из 2-х частей, включающих в себя восемь разделов. Первый посвящен товару, деньгам и рынку, второй – теориям капитала, третий – производству абсолютной прибавочной стоимости, четвертый – производству относительной прибавочной стоимости, пятый – производству абсолютной и относительной прибавочной стоимости, шестой – заработной плате, седьмой – процессу накопления капитала, восьмой – историческим условиям возникновения капитала (теоретическим и практическим аспектам). Дано систематическое обобщение обширного источниковедческого материала. Показан дискуссионный характер рассматриваемых вопросов, обосновано авторское видение путей их решения. Раскрываются главные тенденции развития ведущих школ, течений и направлений мировой экономической мысли. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов, всех интересующихся проблемами «Капитала» К. Маркса, политической экономии и истории экономических учений.

УДК 82-94

ББК 63.3

ISBN 978-5-907332-65-2

© Сычев Н. В., 2020

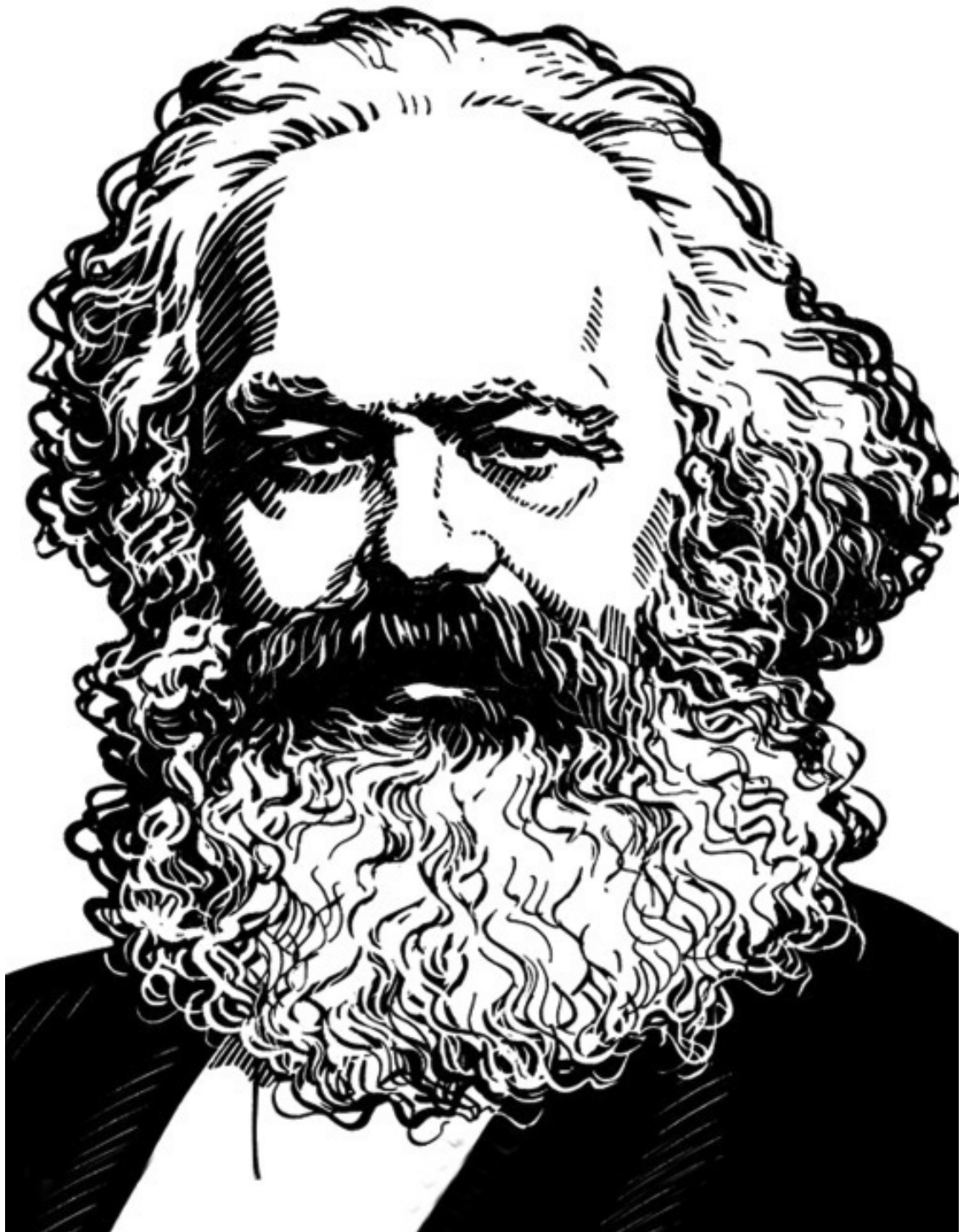
© Алисторус, 2020

Содержание

Книга 1	9
Предисловие	9
Предисловие к первому изданию	11
Раздел первый	27
Глава 1	27
§ 1. Двойственная природа товара: к постановке проблемы	27
§ 2 Трудовая теория стоимости	32
§ 3. Теория стоимости К. Маркса	50
§ 4 Теории факторов и издержек производства	60
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Николай Сычев
Диалектика капитала. К марксовой
критике политической экономии.
Процесс производства капитала.
Том 1. В 2-х книгах. Книга 1

Маркс был гений, мы, в лучшем случае, – таланты.
Ф. Энгельс

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Международного славянского института **И.М. Братищев**;

доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ **К.А. Хубиев**.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «РОССИЙСКИЕ УЧЁ-
НЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ» (РУСО)

© Сычев Н.В., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Книга 1

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя монография первоначально вышла в свет в 2019 году под другим названием, а именно «Диалектика «Капитала» К. Маркса, или логика развития капиталистической экономики». К сожалению, без согласования с автором, издательство, во-первых, не в полном объеме опубликовало эту монографию, а потому представленные в ней две части первого тома не охватывают всего материала; во-вторых, по собственному усмотрению исключило деление этих частей на разделы, а также неправомерно внесло «правку» в название пятой главы, в которой речь идет о социально-экономической теории капитала как господствующей экономической силы буржуазного общества, а не о «Капитале» как главном экономическом произведении К. Маркса; в-третьих, допустило публикацию текста слишком мелким шрифтом (с вкраплением целого ряда стилистических ошибок), трудно поддающегося чтению и осмыслению.

Заметим, в новом издании монографии эти недостатки устранены. Кроме того, уточнено ее название, которое, на наш взгляд, в большей мере соответствует концептуальному замыслу К. Маркса (с точки зрения применяемого им метода во всех трех томах «Капитала») и которое более эвристично по своему содержанию «Диалектика капитала: К марксовой критике политической экономии» (поясним, согласно этому четвертый том нашего исследования будет называться «Диалектика капитала в XX–XXI в. в.: Критика политической экономии»). В остальном в данной монографии представлен авторский текст, причем в полном объеме.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что она представляет собой политэкономическое произведение. Отличительные особенности последнего раскрыты в предисловии к первому изданию, в том числе и причины ликвидации политической экономии как общетеоретической дисциплины в постсоветской России.

К сказанному в этом предисловии следует добавить, что политическая экономия – это классовая наука, ибо она всегда выражала и выражает интересы определенного класса. В центре ее внимания находится фундаментальная проблема любой экономической системы – отношение между собственниками условий производства и непосредственными производителями, на основе которого складываются все другие экономические отношения. Поэтому многие исследователи совершенно справедливо объявляют вопрос о собственности основным вопросом политической экономии.

Но именно подобная постановка вопроса не соответствует идеологической ориентации господствующего класса, закрепившегося у власти после августовского переворота (1991). Более того, такая постановка противоречит его интересам, поскольку она затрагивает самую глубокую тайну, скрытую основу экономической системы современной России, специфику и динамику ее функционирования и развития. В этом заключается главная причина ликвидации политической экономии. Как уже отмечалось, в итоге она оказалась упраздненной из учебного процесса. Вместо этой науки в российских высших и средних учебных заведениях были введены нейтральные в социально-политическом отношении предметы рыночного толка – «экономическая теория», «экономика», «рыночная экономика» и т. п., в которых воспроизводятся основные концептуальные идеи англо-американских курсов экономикс.

Следовательно, совершенно очевидно, что столь поспешное стремление во что бы то ни стало ликвидировать политическую экономию и заменить ее экономической теорией (в духе экономикс) есть реализация чиновничеством от науки вкупе с «учеными приказчиками» власть придержащих социального заказа, выражающего интересы этой власти. Разумеется, эта

реализация нанесла значительный ущерб не только самой экономической науке, но и экономической политике, ориентированной на разрушение промышленного потенциала страны. Разрушать, конечно, всегда легко, а вот созидать довольно трудно. Рано или поздно вся эта безумная вакханалия закончится, наступит прозрение, вновь придется собирать «разбросанные камни» с целью возрождения той общетеоретической науки, каковой является политическая экономия. И, как говорится, чем быстрее, тем лучше.

Предисловие к первому изданию

5 мая 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения К. Маркса – гениального мыслителя, основоположника философии диалектического и исторического материализма, пролетарской политической экономии и научного коммунизма, вождя и учителя рабочего класса. Теоретическое обоснование выработанного им нового мировоззрения было дано в «Капитале» (первый том вышел в свет в 1867 г., второй том издан Ф. Энгельсом в 1885 г., а третий том – в 1894 г.).

Величие «Капитала» определяется прежде всего тем, что это единственное крупное произведение, в котором впервые в истории социально-экономической мысли сознательно применен диалектический метод в одной общественной науке – политической экономии. Такое применение послужило отправным пунктом критики прежних представлений о предмете и методе политэкономии и превращении ее в подлинную науку. Оно стало возможным благодаря коренной переработке посредством критического переосмысления «рационального зерна» идеалистической диалектики Г. Гегеля с точки зрения материализма, органического синтеза последнего с диалектикой и выработки на этой основе материалистической диалектики как метода научного познания. В этой связи Ф. Энгельс писал: «Выработку метода (диалектического. – Н.С.), который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению».¹

Напомним, необходимость этой выработки была обусловлена следующим обстоятельством. Будучи объективным идеалистом, Г. Гегель считал первичным, абсолютной субстанцией мира мышление, мировую идею, безличный, оторванный от человека и человечества мировой разум, а вторичным – все материальное, всю совокупность реальных явлений и процессов как якобы воплощение и конкретное выражение духовного начала. Тем самым действительное отношение между материальным и идеальным в гегелевской философии ставится с ног на голову: духовное, идеальное выступает в ней как творец, созидатель материального, реального. Поэтому, в соответствии с гегелевской концепцией, окружающий мир представляет собой не что иное, как вечно существующую, самодвижущуюся абсолютную идею и различные формы ее проявления – понятия и их конкретные воплощения. По Г. Гегелю, подчеркивал К. Маркс, «все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается лишь историей философии – его собственной философии. Нет более «истории, соответствующей порядку времен», существует лишь «последовательность идей в разуме». Он воображает, что строит мир посредством мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному (объективно-идеалистическому. – Н.С.) методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей».²

Следовательно, согласно Г. Гегелю, абсолютная идея существует вечно и содержит в себе в скрытом виде все возможные явления природы и общества, а потому представляет собой их источник и движущую силу. Эта идея в процессе саморазвития проходит различные стадии, в ходе которого она раскрывает свое внутреннее содержание. Сначала она развивается в самой себе, затем принимает форму природы – неорганического и органического мира и человека, далее проявляется в форме государства, искусства, религии и философии. Таким образом, весь многообразный мир есть продукт саморазвития абсолютной идеи как творческой, созидательной силы, совокупность различных форм ее проявления.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 132–133.

Исходя из этого положения, Г. Гегель разрабатывал идеалистическую диалектику, которая сводилась у него к диалектике мышления. Подчеркнем, ее центральный пункт – учение о противоречии. Суть этого учения состоит в том, что противоречие следует считать за нечто более глубокое и существенное, чем тождество. «Ибо в противоположность ему, тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; *противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью*». ³ «Что вообще движет – это противоречие, и смешно говорить, что противоречие немислимо». ⁴ Следовательно, по Г. Гегелю, противоречие является источником движения, изменения и развития всех явлений и процессов окружающего мира; поэтому оно имманентно диалектике. ⁵

Определяя диалектический метод как способ постижения всех этих явлений и процессов, развертывающихся в противоречиях и через противоречия, Г. Гегель подчеркивал, что данный метод «раскрывает истинное содержание предмета и, следовательно, показывает неполноту односторонних определений рассудка». ⁶ Подобно тому как диалектика бытия «составляет начало всякого движения, всякой жизни и деятельности в мире действительности», точно так же в логике и философии диалектический метод есть «душа научного развития», – «живая душа в движении науки»; только одна диалектика «вносит необходимость и внутреннюю связь в содержание науки». ⁷

Диалектика Г. Гегеля – это целостная система логических категорий как ступеней развития абсолютной идеи. Он показал внутреннюю взаимосвязь, противоречивость, взаимопроникновение и переходы таких парных категорий, как качество и количество, причина и следствие, сущность и явление, необходимость и случайность, возможность и действительность и др. Это позволило ему открыть три основных закона диалектики: закон перехода количества в качество, закон взаимопроникновения противоположностей и закон отрицания отрицания.

В результате впервые в истории философии Г. Гегель создал развитую теорию диалектики как логики и метода, соединив диалектику и логику в единую концепцию диалектической логики. ⁸ При этом, как идеалист, он стремился вывести одну категорию из другой посредством обобщения эмпирических фактов и тем самым отобразить развитие явлений и процессов реальной действительности, которые вопреки его учению существуют независимо от мышления. «Гегель, – указывал в этой связи В.И. Ленин, – гениально *угадал* в смене, взаимозависимости *всех* понятий, *в тождестве их противоположностей, в переходах* одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий **именно такое отношение вещей, природы ... именно *угадал* не больше**». ⁹ По словам Ф. Энгельса, три основных закона диалектики были развиты Гегелем идеалистическим образом лишь как законы мышления. Хотя в диалектике Г. Гегеля, как и во всей его философской системе, имеется не мало искусственных, порой

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 1. М.-Л., 1930. С. 42.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ «Все что нас окружает, может служить примером диалектики. Мы знаем, что все конечное изменяется и уничтожается, его изменение и уничтожение есть не что иное, как его диалектика, оно содержит в себе свое иное и потому выходит за пределы своего непосредственного существования и (потому оно – Н.С.) изменяется» / Там же. С. 135. «Мы говорим, что все вещи, или все конечные предметы обречены на гибель, и в этом смысле диалектика есть всеобщая неотразимая власть, которой все должно покориться, как бы оно ни было, по-видимому, независимо и прочно» / Там же. С. 135–136.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 1. М.-Л., 1930. С. 134.

⁷ Там же. С. 133–134.

⁸ «Изложение Гегелем в «Науке логики» созданной им идеалистической диалектики является единственным примером построения философской теории в соответствии с внутренней логикой ее содержания. Ни до, ни после Гегеля не было и нет подобного логически обоснованного и доказательного изложения философского учения, представленного в процессе самодвижения, саморазвития его содержания от самых абстрактных характеристик бытия до наиболее конкретного описания его как самопознающего субъекта. Гегелю удалось представить свою философию в виде целостной и вместе с тем развивающейся системы знания» / Солопов Е.Ф. Философия. Предмет и логика философии. Истоки диалектики и метафизики. М., 2001. С. 7.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 179.

насильственных конструкций, но «кто не задерживается излишне на них, а глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохраняющих свою полную ценность».¹⁰

Идеалистическая интерпретация диалектики Г. Гегелем отнюдь не помешала весьма высокой оценке К. Марксом крупных достижений этого великого мыслителя в области диалектики, диалектической логики. Ибо «Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее (диалектики. – Н.С.) всеобщих форм движения». И непосредственно далее сформировал свою задачу: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно».¹¹ «Маркс, – писал Ф. Энгельс, – был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли».¹²

Важно отметить, что такое восстановление, явившееся закономерным итогом материалистического переосмысления идеалистической диалектики Г. Гегеля, выразилось в создании нового, в корне противоположного гегелевскому, марксистского диалектического метода. Имея в виду материалистическую основу своего метода, К. Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но и является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiург (творец, создатель. – Н.С.) действительного. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».¹³

Подобная трактовка сущности данного метода позволила К. Марксу решить проблему субъекта и объекта, ставшую камнем преткновения для всей идеалистической философии. Согласно К. Марксу, в основе процесса познания лежит практика, т. е. материальная, производственная деятельность людей. Характеризуя социальную природу практики, он подчеркивал, что люди не могут воздействовать на мир вне общества, что в силу этого они взаимодействуют между собой. Это значит, что если объектом познания является материальный мир, то субъектом познания является человеческое общество в целом.

В соответствии с вышеизложенным можно выделить **три** отличительные черты материалистической диалектики.

Во-первых, как учение (наука) о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления она представляет собой целостную систему категорий, принципов и законов. *Категории диалектики* – единичное, особенное, общее; содержание и форма; причина и следствие; сущность и явление; необходимость и случайность; возможность и действительность – были осмыслены и развиты в рамках материалистической концепции. Будучи философскими категориями, они, в отличие от категорий конкретных наук, отражают свойства и связи не просто наиболее существенные, а всеобщие, т. е. присущие всем явлениям и процессам реальной действительности.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 278. Заметим, критикуя «критиков» философии Г. Гегеля, которые ограничиваются «презрительным пожатием плеч по поводу его крайнего идеализма», Г.В. Плеханов указывал, что «если ее ошибочная идеалистическая основа действительно дает себя чувствовать слишком часто; если она ставит слишком тесные пределы движению гениальной мысли великого человека, то именно это обстоятельство и должно заставить нас отнестись к философии Гегеля с величайшим вниманием; именно оно-то и делает ее в высшей степени поучительной. Идеалистическая философия Гегеля сама по себе самое лучшее, самое неопровержимое доказательство несостоятельности идеализма» / Плеханов Г.В. Соч. Т. VII. М., 1931. С. 38–39.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 496–497.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

Важнейшие принципы диалектики – принцип всеобщей связи и принцип всеобщего развития. Первый означает, что все природные и общественные явления необходимо рассматривать в их всесторонней связи, взаимозависимости и взаимодействии, т. е. как определенную систему с внутренне присущими ей элементами. От первого неотделим второй принцип, который находится с ним в органическом единстве: всеобщая связь и взаимодействие с необходимостью ведут к изменению элементов и их отношений в соответствующих системах внешнего мира и обуславливают тем самым движение этих систем.

Основные законы диалектики – закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания. Первый закон раскрывает внутренний источник движения и развития окружающего мира. Согласно данному закону, каждая вещь, явление, процесс имеют свои внутренние стороны, тенденции, силы, которые одновременно и предполагают, и исключают друг друга, т. е. находятся в единстве и в то же время противоположны друг другу. Взаимодействие противоположных сторон, тенденций, сил, присущих вещам, явлениям, процессам, неизбежно ведет к нарушению покоя, равновесия, к изменению, к движению вперед. Борьба противоположностей, противоречие есть внутренний источник самодвижения внешнего мира, условие и основа его существования и развития.

Второй закон показывает, каким образом происходит процесс развития, какова его специфика и механизм действия. Согласно этому закону, всякое движение, развитие представляет собой постепенное накопление количественных изменений, присущих тому или иному явлению, процессу, на определенном этапе приводящее к коренным, качественным изменениям, скачкам, которые вызывают возникновение принципиально новых явлений, процессов, имеющих свои специфические особенности и закономерности развития. В свою очередь качественные изменения выступают необходимой предпосылкой накопления дальнейших количественных изменений.

Третий закон раскрывает общее направление развития, взаимоотношение между старым, отмирающим и новым, нарождающимся. Согласно этому закону, новое, отрицая старое, всегда сохраняет его положительные элементы. Данный закон отображает преемственность, поступательность развития. Оно идет непрерывно и последовательно от простого к сложному, от низшего к высшему, т. е. носит прогрессивный характер. Диалектическое развитие в целом (и в экономике, разумеется) происходит не по прямой линии, не по кругу, а по спирали. Это означает, что на более высоких стадиях, ступенях, этапах повторяются отдельные стороны, черты, тенденции, этапов низших, но на новой более прогрессивной основе.

По К. Марксу, диалектика как метод научного познания имеет не только гносеологическую, но и социальную сторону. Ибо «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».¹⁴

В соответствии с такой трактовкой сущности диалектики, К. Маркс исследовал капитализм как изменяющийся, развивающийся предмет. Иными словами, в отличие от своих предшественников, для которых капитализм был чем-то раз навсегда данным, неизменным (т. е. они трактовали его с точки зрения метафизического метода), К. Маркс рассматривал его как процесс, как социально-экономический организм, находящийся в постоянном движении, претерпевающий существенные изменения.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

Во-вторых, в диалектическом методе К. Маркса необходимо различать **два** взаимосвязанных аспекта: исторический и логический. **Исторический аспект (метод)** предполагает изучение экономических явлений в том виде, в каком они существовали, со всеми подробностями и во всем многообразии этих явлений. Естественно, при этом воспринимаются и случайности, и второстепенные обстоятельства, имеющие место в действительном историческом процессе. Под этим углом зрения в исторической последовательности излагаются и экономические категории, каждая из которых отображает определенную сторону экономических явлений. Напротив, **логический аспект (метод)** нацеливает на изучение этих явлений главным образом с точки зрения внутренней логики их развития, общего, закономерного, повторяющегося в реальном историческом процессе. Логическое исследование осуществляется, так сказать, в «чистом виде», т. е. в отвлечении от всех имеющихся случайностей, второстепенных обстоятельств.

Возникает вопрос: как же все-таки следует излагать экономические категории, должна ли их логическая последовательность совпадать с исторической? Согласно логическому методу, последовательность изложения экономических категорий определяется тем отношением, в которой они находятся друг к другу в той точке их развития, где они достигают полной зрелости, своей классической формы. При этом логическая последовательность их изложения может совпадать, а может и не совпадать с исторической последовательностью.¹⁵

Итак, логический метод представляет собой способ отображения внутренних связей, закономерностей действительного исторического процесса в теоретически последовательной форме. И здесь весьма важное значение имеет выбор **отправного пункта** научного исследования. Подчеркнем, от решения этого вопроса зависит степень зрелости самой политической экономии как науки.

На первый взгляд, кажется наиболее естественным и правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, например, с населения как основы и субъекта общественного процесса производства. Однако такой метод, в конечном счете, оказывается ошибочным, поскольку вначале ничего существенного нельзя сказать о населении, если не известны элементы, из которых оно состоит, например, классы. В свою очередь, классы – это опять-таки пустой звук, если не известны элементы, на которых они покоятся, например, труд, капитал. Капитал также довольно сложное экономическое явление, которое невозможно понять без анализа таких категорий, как наемный труд, стоимость, деньги, цены и т. д. «Таким образом, – указывал К. Маркс, – если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями».¹⁶

Первый метод, который можно назвать способом **восхождения от конкретного к абстрактному**, был характерен для политической экономии в период ее возникновения. Она начинала с живого целого, но всегда заканчивала тем, что путем анализа выделяла некоторые абстрактные всеобщие отношения (например, разделение труда, деньги, стоимость и т. д.). Но как только эти отдельные моменты были абстрагированы и зафиксированы в понятиях (кате-

¹⁵ Диалектический метод, диалектическая логика «показывает, что, подобно тому, как при исследовании развития объекта, находящегося на определенном этапе этого развития, нельзя брать взаимодействующие в его структуре моменты в той последовательности и субординации, в которой они появлялись в истории становления объекта, так, соответственно, и при исследовании теории объекта нельзя брать категории в том порядке, в котором они появлялись в ходе истории возникновения, складывания и развития этой теории» / Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 218.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 726.

горях), стали возникать теоретические системы, восходящие от найденного ранее простейшего (труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость) к более сложному (государство, международный обмен, мировой рынок). Более правильным в научном отношении К. Маркс считал этот второй метод, названный им способом **восхождения от абстрактного к конкретному**. «Конкретное потому конкретно, – писал он, – что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт созерцания и представления».¹⁷

В приведенном высказывании К. Маркс выделяет общую закономерность, присущую процессу научного познания на всех его этапах: оно всегда начинается с живого созерцания, т. е. с чувственных ощущений, восприятий и представлений о конкретных явлениях и процессах реальной действительности и идет к абстрактному мышлению. Понятия, абстракции возникают на основе переработки мышлением тех данных, которые доставляются органами чувств, практическим опытом. Следовательно, конкретное выступает в процессе познания перед исследователем дважды – в начальном и конечном пунктах данного исследования, причем в двух различных формах: в первом пункте – в реальной, во втором пункте – в идеальной форме.

Нужно, однако, иметь в виду, что способы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному находятся в диалектической взаимосвязи между собой, взаимообуславливают и предполагают друг друга, образуя тем самым две неразрывные стороны единого познавательного процесса.¹⁸ При этом используются различные общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование и др. В совокупности со специфическими (политико-экономическими) методами они образуют необходимые средства экономического исследования. Его конкретным результатом являются знания, которые уточняются и проверяются практикой. Она служит здесь одновременно и исходным пунктом познания, и критерием истины.

В-третьих, диалектический метод играет ключевую роль в развитии не только философии, но и конкретных наук. Его применение в политической экономии позволило К. Марксу совершить два великих открытия в области этой науки. Суть этих открытий он изложил в письме к Ф. Энгельсу от 24 августа 1867 г., сразу же после завершения подготовки к печати первого тома «Капитала». К. Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в первой главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особых форм*: прибыли, процента, земельной ренты и т. д.».¹⁹

Заметим, мы сознательно уделили столь пристальное внимание диалектическому методу, посредством которого К. Маркс создал научную систему политической экономии. Именно поэтому он намеревался написать специальную работу по диалектике. Об этом свидетельствует

¹⁷ Там же. С. 727.

¹⁸ Конкретное и абстрактное «как диалектические противоположности взаимосвязаны так, что абстрактное находится не где-то вне, а «внутри» конкретного, оно порождается в процессе познания «из» конкретного. На стадии восхождения от абстрактного к конкретному получается даже так, что теория тем конкретнее, чем абстрактнее отдельные теоретические понятия, в которых она излагается. Вообще знание одновременно, но в разных отношениях может быть и абстрактным, и конкретным, например интенционально абстрактным и экстенционально конкретным. Движение от конкретного к абстрактному гносеологически в принципе означает отправляющийся от явления процесс проникновения в сущность, тогда как последующее восхождение от абстрактного к конкретному прослеживает прежде всего развитие уже выявленной сущности, а вместе с тем и конкретизацию ее в совокупности многообразных явлений. Таким образом, абстрактное и конкретное неразделимы непреходимой метафизической границей, они способны переходить, переливаться друг в друга» / Диалектика научного познания. С. 171–172.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.

его письмо к Ф. Энгельсу от 14 января 1858 г., в котором он указывал: «Для метода обработки материала (здесь имеются в виду экономические рукописи – Н.С.) большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля. Если когда-нибудь нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время мистифицировал». ²⁰ Спустя десять лет К. Маркс писал И. Дицгену: «Когда я сброшу экономическое бремя (здесь имеется в виду работа над «Капиталом», – Н.С.), я напишу «Диалектику». Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля – правда в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы ...». ²¹

К сожалению, К. Марксу так и не удалось реализовать свое намерение. ²² Но в его работах содержатся многочисленные высказывания, которые могут служить примером сознательного применения диалектического метода в исследовании различных социально-экономических явлений. Разумеется, исключительно важное методологическое значение здесь имеет главный труд К. Маркса – «Капитал». Не случайно В.И. Ленин в своих «Философских тетрадах» отмечал, что «если Маркс не оставил «*Логике*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания ... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшее сие ценное вперед». ²³ Этому высказыванию предшествует следующий, сформулированный им, афоризм: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя». ²⁴

Задумав в этой связи написать специальный труд по диалектике, В.И. Ленин самым тщательным образом проштудировал и законспектировал «Науку логики» и «Лекции по истории философии» Г. Гегеля, работы других мыслителей. При этом В.И. Ленин выделил 19 элементов диалектики и дал ее краткое определение. Она есть «учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснения и развития». ²⁵ Но подобно К. Марксу, В.И. Ленину также не удалось завершить свою работу по созданию такого труда.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что ленинские размышления и наработки по данному вопросу послужили исходным пунктом исследования диалектики (логики) «Капитала» К. Маркса. Оно нашло отражение в многочисленных статьях и целом ряде монографий, написанных советскими философами в течение 50-х – 80-х г. г. прошлого века.

Обобщая концептуальные идеи, выдвинутые советскими философами, можно выделить два главных направления этого исследования. В рамках первого внимание акцентируется на

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 212.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 456.

²² В этой связи Е.Ф. Солопов пишет: «О чем свидетельствуют эти письма. Во-первых, о том, что у Маркса было намерение написать работу, непосредственно посвященную теории диалектики. Во-вторых, эти письма говорят о том, что в постановке данной задачи и в подходе к ее решению Маркс прямо и непосредственно опирался на Гегеля, на его достижения и заслуги в открытии законов диалектики, их систематической разработке и изложении. Маркс не считал, что в данном вопросе он поставлен перед необходимостью начинать работу на голом месте и видел свою задачу конкретно в том, чтобы исправить уже сделанное Гегелем, а именно освободить его изложение диалектики от идеалистической мистификации и в соответствии с этим дать общедоступное изложение диалектики, сознательно исходя из материалистического ее понимания. В-третьих, эти письма свидетельствуют о том, что Маркс знал, как приступить к выполнению данной задачи, что он уже имел в своей голове ее принципиальное решение, которое ему осталось только развернуть и реализовать, изложить на бумаге, сделать общедоступным для всех. В-четвертых, эти письма отражают главную причину, почему Маркс не осуществил своих намерений в данной области – у него так и не нашлось на это времени, подавляющую часть которого «съела» работа над «Капиталом» / Солопов Е.Ф. Указ. соч. С. 23–24.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

²⁴ Там же. С. 162.

²⁵ Там же. С. 203.

отличительных особенностях диалектического метода, примененного К. Маркса в «Капитале», способа восхождения от абстрактного к конкретному, присущих ему категорий. Но при этом не ставится задача систематического и детального отображения самой диалектики, а следовательно, логики «Капитала» как целостной системы субординированных категорий и законов.²⁶

Напротив, в рамках второго направления была предпринята попытка преодолеть указанный недостаток и тем самым раскрыть диалектику как таковую, диалектическую логику в экономической науке на примере «Капитала» К. Маркса. Однако эта попытка не достигла поставленной цели: одни авторы ограничились лишь общей характеристикой исходной категории диалектического восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющего выявить логическую структуру «Капитала»,²⁷ другие – анализом первых двух отделов последнего.²⁸

Пожалуй, наиболее важный вклад в решение данного вопроса внес В.А. Вазюлин. В 1968 году вышла в свет его монография «Логика «Капитала» К. Маркса». Причем ее публикация осталась, по существу, незамеченной в научной среде (в сравнении, например, с монографией Э.В. Ильенкова). Между тем, в отличие от вышеуказанных монографий, в которых затрагиваются отдельные аспекты диалектики (логики) «Капитала» К. Маркса, в ней впервые не на словах, а на деле предложено решение весьма актуальной и трудной задачи, за которую ни до, ни после автора никто всерьез не брался. Суть ее он сформулировал следующим образом: «представить объективную логику «Капитала» в сравнении с объективной логикой Гегеля как систему субординированных, внутренне связанных категорий путем выявления их из детального рассмотрения экономического материала «Капитала», взятого в его квинтэссенции, а не в качестве суммы примеров. Автор пытается, во-первых, рассмотреть «механизм» объективной диалектической логики, как он может быть выведен из исследования логики «Капитала»; во-вторых, дать обобщенное понимание логики «Капитала», основанное на подробном изучении этого произведения. *Эта логика и будет, на наш взгляд, объективной диалектической логикой вообще, развитой из ее внутренних связей. Другими словами, такая логика есть изображение систематического мышления о диалектическом объекте*».²⁹ Заметим, это рассмотрение позволило автору показать, как соответствие объективной логики «Капитала» гегелевской объективной логике, так и превосходство первой над последней.

К числу несомненных заслуг В.А. Вазюлина следует отнести,

во-первых, самый подход к решению указанной проблемы, поставленной еще В.И. Лениным, суть которого заключается в необходимости материалистического переосмысления «Науки логики» Г. Гегеля.

Во-вторых, выделение в системе логики «Капитала» объективной и субъективной логики. Под первой понимается отражение в мышлении развивающегося объекта, а под второй – отражение в мышлении развивающегося объекта. Иными словами, предмет объективной логики – мышление, взятое с точки зрения того, что в нем отражается, а предмет субъективной логики – мышление, взятое с точки зрения того, как, каким образом отражается изучаемый объект. Следовательно, в обоих случаях предметом является мышление, но в первом случае рассматривается содержание мышления, а во втором – форма мышления.

В-третьих, четкое и лаконичное определение исходной абстракции диалектического восхождения как метода построения системы логических категорий «Капитала». Это определение характеризуется следующими положениями.

²⁶ См., напр.: М.М. Розенталь. Вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса. М., 1955; он же. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; З.М. Оруджев. К. Маркс и диалектическая логика. Баку., 1964.

²⁷ См. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.

²⁸ Тихухин В.Н. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса / Труды Омского с-х. ин-та им. С.М. Кирова, 1961. Т. 45; Маньковский Л.А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса / Учен. Зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина, 1962. № 179.

²⁹ Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 26.

1. В исходной абстракции отражается такое отношение развивающегося предмета, которое дальше разложить нельзя, не выходя за рамки данного предмета.

2. В исходной абстракции воспроизводится простейшее отношение в сравнении с другими отношениями изучаемого предмета.

3. Исходная категория отражает зародышевое противоречие, на основе которого и из которого вырастают все другие отношения данного предмета.

4. Исходная абстракция воссоздает исторически первичное отношение развивающегося предмета.

5. Исходная абстракция отображает простейшее отношение изучаемого предмета и, следовательно, некоторую совокупность различных многообразных сторон последнего.

В-четвертых, выделение отличительных особенностей двух методов познания: восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. При этом, в отличие от общепринятой точки зрения, автор рассматривает последнее восхождение как процесс движения от непосредственного знания к сущности самой по себе и от сущности как таковой к явлению и действительности.

В-пятых, определение основных типов совпадения логического и исторического в «Капитале» (по мнению автора, в этом произведении можно выделить шесть таких типов).

В-шестых, выделение двух взаимосвязанных витков спирали, присущих диалектическому восхождению от абстрактного к конкретному в «Капитале». Один из них – большой виток, который охватывает три тома данного труда. В свою очередь начальный отрезок большого витка спирали представляет собой малый виток спирали того же типа. Он образует первый отдел «Капитала».

Отмечая эти заслуги В.А. Вазюлина, следует вместе с тем выделить главный недостаток его монографии. Этот недостаток заключается в том, что ее автор излагает логику «Капитала» в терминах «Науки логики» Г. Гегеля, многие из которых обусловлены идеалистической методологией последней. Поэтому здесь нужно иметь в виду указание В.И. Ленина: «Логику Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik* (мистики идей. – Н.С.); это еще большая работа».³⁰ Правда, справедливости ради, надо отметить, что В.А. Вазюлин не ставил перед собой такой задачи. Она еще ждет своих исследователей.

В связи с вышеизложенным возникает общеметодологический вопрос: почему советским философам так и не удалось решить поставленную проблему, связанную с созданием систематического труда по диалектике (логике) «Капитала» К. Маркса? На наш взгляд, здесь можно выделить **две** основные причины. **Во-первых**, рассматривая «Науку логики» Г. Гегеля, они ограничились преимущественно, говоря словами К. Маркса, «делом логики» в противоположность «логике дела». В таком аспекте выделялись ее ключевые положения, которые подвергались энергичной критике с материалистических позиций. Конечно, такая критика была вполне правомерна. Но при этом почему-то забывали о главном, а именно, о необходимости выявления того «рационального зерна», которое имманентно логике Г. Гегеля (на что прежде всего обращали внимание и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В.И. Ленин) и которое подлежит теоретико-методологическому переосмыслению для выработки подлинно научной диалектики (логики) как системы субординированных категорий и законов. **Во-вторых**, непонимание сути экономической логики «Капитала» К. Маркса и стремление раскрыть ее в духе категорий гегелевской логики.

Приведем лишь два примера. Первый: почти весь основной текст монографии В.А. Вазюлина посвящен первому тому «Капитала». Что же касается второго тома последнего, то полагая, что он не был завершен К. Марксом (как, впрочем, и третий том), автор рассматривает

³⁰ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 29. С. 238.

его содержание (в логическом аспекте) лишь в рамках трех параграфов: 1) существование (кругооборот капитала); 2) явление (оборот капитала); 3) существенное отношение (воспроизводство и обращение всего общественного капитала). Как видим, В.А. Вазюлин пытается «втиснуть» весь экономический материал этого тома в три категории гегелевской логики. **Между тем здесь нужно использовать другие категории, которых в ней нет.** Поэтому автор ограничился скромным анализом второго тома «Капитала», посвятив ему лишь 15 страниц. То же самое касается и третьего тома этого труда, содержание которого излагается (в логическом аспекте) как действительность предмета (причем всего лишь на 4 страницах).

Второй пример: заимствуя у В.А. Вазюлина положение о малом витке диалектического восхождения от абстрактного к конкретному (не называя при этом ее автора), Л.А. Маньковский считает, что первый отдел первого тома «Капитала», т. е. «товар и деньги» выступают в качестве непосредственного бытия капитала. Если автор вникнул бы в экономическую логику этого отдела, то он понял бы, что именно товар есть непосредственное бытие капитала, а деньги суть опосредованное бытие последнего. Поэтому не только товар, но и деньги нуждаются в особом логико-теоретическом осмыслении. Кроме того, содержание второго тома «Капитала» (в логическом аспекте) автор определяет посредством лишь одной категории – явление. И тем более нельзя согласиться со следующей трактовкой автора: третий отдел данного тома есть «действительность как единство сущности и явления, их взаимопроникновение», а третий том «Капитала» – это «та же действительность в ее самой зрелой форме, с ясно выраженными в ней возможностями ее отрицания более высоким общественным строем». ³¹ Вот такая весьма своеобразная «логика» получается, которая свидетельствует о полном непонимании автором экономической логики второго и третьего томов «Капитала» К. Маркса.

Что же касается советских политэкономов, то, разумеется, никто из них не ставил перед собой вышеуказанную задачу. Тем не менее обращают на себя внимание Комментарии к этим томам, написанные Д.И. Розенбергом еще в начале 30-х годов и переиздававшиеся в 60-е – 80-е г.г. прошлого века. ³² Главная ценность этих комментариев (в интересующем нас аспекте) заключается в том, что их автор стремился изложить экономическую логику «Капитала» с точки зрения метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Но в целом, однако, рассматриваемая проблема до сих пор остается нерешенной. Имея в виду это обстоятельство, В.Г. Голобоков пишет: «... Проблема метода «Капитала» была одной из центральных не только среди философов, но и среди экономистов. Философы абстрактно и многословно рассуждали на тему, как ее решить и как много дает это решение науке и практике; экономисты были куда активнее и, на первый взгляд, практичнее, так сказать, ближе к жизни. Не дожидаясь, когда философы, перестав летать в облаках отвлеченных рассуждений, возьмут и вычленят логическую структуру «Капитала» в ее диалектической целостности, экономисты стали непосредственно искать исходное звено, за которое взявшись, можно было бы вытянуть всю категориальную цепь, отражающую советскую экономику. То и дело появлялись статьи, книги, монографии, в которых отыскивались «клеточки» и «простейшие отношения» социалистического производства, чтобы затем из них вывести всю теоретическую систему нового общественного строя, как Маркс в «Капитале» все выводил из товара. Но, несмотря на титанизм прилагаемых усилий, результаты неизменно оказывались нулевыми». ³³

Именно об этом свидетельствуют упорные, действительно титанические усилия, связанные с применением подобного метода в исследовании экономической системы социализма, что вызвало бурную дискуссию. Она развернулась, прежде всего, по поводу опре-

³¹ История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. / Отв. ред. М.М. Розенталь. М., 1971. С. 360.

³² Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса; он же. Комментарии ко второму и третьему томам «Капитала» К. Маркса. М., 1961.

³³ Затянувшаяся сенсация (вместо предисловия) / Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 2002. С. 3–4.

деления исходной категории («клеточки») этой системы. В качестве таковой представители «Школы Цаголов» (кафедра политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) предложили планомерность, или планомерную организацию социалистического производства (Н.А. Цагалов, Н.В. Хессин, В.Н. Черковец, С.С. Дзарасов и др.). Наряду с ней были выдвинуты и другие, отличные друг от друга, многочисленные категории (заметим, более трех десятков). Назовем лишь некоторые из них: коллективность, или отношения коллективности (И.И. Кузьминов, А.А. Глухов, З.К. Кирьянова, В.П. Ратников), общественная полезность (Н.П. Федоренко), непосредственно-общественный труд (Ю.В. Пахомов), непосредственно-общественная форма труда (А.К. Покрытан), социалистическое обобществление производства (А.М. Еремин), процесс социалистического обобществления труда (Л.И. Абалкин), социалистический продукт (В.А. Бадер), необходимый продукт (А.Г. Назаров), совокупный общественный продукт, или его общественная форма (В.М. Агеев, А.М. Ковалев, А.И. Ноткин), непосредственно-общественный продукт (А.И. Кащенко) и т. п.

На наш взгляд, такое разнообразие в трактовке этого вопроса объясняется главным образом тремя обстоятельствами.

Во-первых, методологическое осмысление исходной категории социализма нуждается в более основательном обосновании, которое, по меньшей мере, должно соответствовать экономической логике «Капитала». Именно в рамках этой новой логики следует анализировать структуру социалистической экономики.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное: невозможно выделить такую категорию, если сам социализм находится еще в стадии формирования (заметим, концепцию «развитого социализма» нельзя принимать во внимание, поскольку она не соответствовала действительности). В силу этих обстоятельств вышеуказанная дискуссия оказалась незавершенной, а в начале 90-х годов, когда «развитой социализм» потерпел крах и канул в инобытие, надобность в ней уже отпала.

В-третьих, решение рассматриваемой проблемы в современных условиях осложняется еще и тем обстоятельством, что российская политическая экономия (как, впрочем, и российское обществоведение в целом) оказалась в состоянии глубокого системного кризиса. Как известно, последний явился следствием коренных преобразований, развернувшихся в нашей стране с начала 90-х годов прошлого века. По своему содержанию они затронули все сферы общественной жизни (экономическую, социальную, политическую и духовную) и в конечном счете сопрягались с существенным изменением главного вектора развития российского общества, ориентированного в новых условиях на построение либерально-рыночной модели капиталистического типа. На волне этих преобразований началось радикальное переосмысление выработанных в течение ряда десятилетий теоретических представлений о предмете и методе фундаментальной экономической науки (таковой является политическая экономия), приведшее к кардинальной смене ее парадигмы. В качестве такой парадигмы была принята экономикс (западная экономическая теория).

В соответствии с ней, руководствуясь отнюдь не научно-теоретическими, а политико-идеологическими соображениями, чиновники от науки вкупе с «учеными приказчиками» властей предержащих негласно в «лихие 90-е» приняли решение о ликвидации политической экономии как общетеоретической дисциплины. В итоге политическая экономия оказалась упраздненной из учебного процесса. Вместо этой науки в российских высших и средних учебных заведениях были введены нейтральные в социально-политическом отношении общеобразовательные дисциплины рыночного толка – «экономическая теория», «экономика», «рыночная экономика» и т. п., в которых излагаются основные концептуальные идеи англо-американских курсов экономикс. Последняя ориентирована главным образом на простое описание (посредством обширного математического инструментария) рыночных процес-

сов, совершающихся на уровне микро- и макроэкономики. В результате экономическая теория, по существу, заменяется чистой математикой.

Не удивительно поэтому, что многие российские экономисты не скрывают своего негативного отношения к различного рода курсам экономикс. Подобно зарубежным экономистам (прежде всего институционального и посткейнсианского направлений), они также подвергают эти курсы резкой критике, полагая, что им присущи такие методологические атрибуты, как априорность, абстрактность, эмпиризм, схоластика, «математическое шарлатанство» и т. п., что эти атрибуты не имеют ничего общего с реальной экономикой.

В связи с этим была предпринята попытка, связанная с предложением необходимости восстановления научного статуса политической экономии как учебной дисциплины (здесь имеется в виду письмо, подготовленное и направленное группой ученых в 2002 году тогдашнему министру образования РФ). Но, увы, эта попытка не увенчалась успехом: как говорится «воз и ныне там». По-видимому, нужно еще время для того, чтобы такая необходимость была в полной мере осознана чиновниками от науки (разумеется, вкупе с «учеными приказчиками» властей предрержащих).

В этой связи нужно, однако, отметить одно весьма важное обстоятельство: в конце XX – начале XXI в.в. интерес к политической экономии как общетеоретической дисциплине существенно возрос не только в зарубежных странах, но и в нашей стране. Так, вопреки государственным стандартам, установленным Министерством образования и науки РФ, в 1990 г. активизировалась работа, связанная с созданием нового курса политической экономии. В результате появилась обширная литература (учебного, монографического и публицистического характера), в которой излагаются современные представления об этой науке.

Поясним: общеизвестно, что научный статус политической экономии определяется прежде всего тем, что она дает целостное, систематическое представление об условиях и формах экономической деятельности людей на различных ступенях развития общества. Суть политико-экономического подхода состоит в том, чтобы рассматривать все экономические явления и процессы с точки зрения: а) причин возникновения; б) всесторонней взаимосвязи; в) законов развития; г) условий отмирания. Иными словами, эти явления и процессы рассматриваются здесь с точки зрения диалектического метода.

Отсюда проистекает специфика предмета политической экономии. Будучи общетеоретической или экономическо-философской наукой (не случайно ее раньше называли философией хозяйства), она изучает экономику как фундаментальную сферу общественной жизни, раскрывает законы ее развития, выявляет корни социальных противоречий и показывает пути их разрешения. В центре ее внимания находятся производственные отношения, в рамках и посредством которых осуществляется развитие производительных сил, трудовое взаимодействие людей с природой. При этом внимание акцентируется на том, что производственные отношения всегда функционируют в своей социальной оболочке, т. е. как отношения собственности. Поскольку последние охватывают всю совокупность производственных отношений, то в конечном счете именно они определяют отличительные черты той или иной экономической системы, направления ее трансформации. Следовательно, политическая экономия изучает особенности и законы развития разных типов экономических систем, их закономерную смену в ходе естественноисторического процесса. Она призвана и стремится дать многообразное видение сущности этого процесса, внести весомый вклад в разработку общей теории социального развития на основе обобщения передовых достижений различных отраслей знаний экономических наук и хозяйственной практики.

В этом качестве политическая экономия выступает, во-первых, как **основа социальной философии**, т. е. она изучает **диалектику экономики** как саморазвивающейся фундаментальной сферы общества, выявляет ключевую роль материального производства в общественной жизни, раскрывает диалектическую взаимосвязь производительных сил и производствен-

ных отношений в системе способа производства, структуру и законы движения экономической системы, зависимость надстроечных форм (социальных, политических, правовых, духовных и т. п.) от экономического базиса, а также особенности и направления воздействия этих форм на развитие данного базиса (в рамках ее предмета).

Во-вторых, как **основа философии истории**, т. е. она изучает **диалектику историко-экономического процесса**, присущие ему специфические, особые и общие закономерности возникновения, становления и развития разных типов экономических систем, причины и механизмы перехода от одной экономической системы к другой, главное направление социальной трансформации этих систем в контексте общественного прогресса.

В этой связи возникает необходимость создания систематического труда по диалектике (логике) «Капитала» К. Маркса, имеющего ключевое значение для развития не только философии, но и политической экономии как общетеоретической экономической науки.³⁴ Оно предполагает, во-первых, материалистическое переосмысление «рационального зерна» гегелевской логики, очищение ее от идеалистической мистики, выделение присущих ей тех логических категорий, которые действительно являются ступенями научного познания; во-вторых, использование уже известных и введение новых логических категорий, что позволяет отобразить логику «Капитала» на всех структурных уровнях этого произведения; в-третьих, изложение логической структуры «Капитала» в соответствии с его экономической логикой; в-четвертых, выявление диалектики общего и особенного в логическом методе «Капитала», что служит исходным пунктом осмысления сути диалектической логики вообще. Разумеется, создание подобного труда является довольно сложной, но вместе с тем весьма важной задачей наших обществоведов, которое должно осуществляться на основе синтеза двух наук – философии и политической экономии. В этом – залог успеха решения данной задачи.

В методологическом плане оно предполагает следующее. Поскольку «Капитал» К. Маркса – это экономическое произведение, то первостепенную значимость здесь приобретает диалектика капиталистической экономики, или экономическая логика развития капитализма. Чрезвычайно важную роль при этом играет решение **двух** ключевых проблем. **Первая:** почему исследование каждого тома «Капитала» начинается анализом товара, охватывающего содержание этого произведения в целом? **Вторая:** почему стоимость товара превращается в цену производства, или почему эта проблема послужила основанием для формулировки мнимого, так называемого «большого противоречия», выдвинутой буржуазными экономистами?³⁵ Само собой разумеется, наряду с отмеченными, существует целый ряд других проблем, связанных с адекватной трактовкой данного произведения. Завершение такой работы выступает, в свою очередь, в качестве необходимой предпосылки создания труда по диалектике (логике) «Капитал» К. Маркса как философского произведения.³⁶ Следовательно, этот труд имеет **две** взаимосвязанные стороны: **экономическую и философскую**.

Предлагаемая вниманию читателя монография представляет собой уникальное, фундаментальное исследование диалектики (логики) капиталистической экономики, не имеющее аналогов ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. В концептуальном плане оно базируется на «Капитале» К. Маркса. В соответствии со структурой этого труда монография включает в себя три тома: первый посвящен процессу производства капитала, второй – процессу обращения капитала, третий – процессу производства и обращения капитала, взятому в целом.

Для понимания логики изложения первого тома представленной монографии необходимо отметить следующие весьма важные моменты.

³⁴ См. Сычев Н.В. Актуальные проблемы политической экономии. М., 2015.с. 221–228.

³⁵ Решение этих проблем будет дано автором в третьем томе настоящей монографии.

³⁶ Заметим, автором уже начата работа по созданию такого труда. После публикации трех томов по диалектике, или логике развития капиталистической экономики, она будет завершена и представлена научной общественности (разумеется, при наличии соответствующих условий: источника ее финансирования, возможности издания и т. п.).

Во-первых, в ней дан детальный, скрупулезный анализ первого тома «Капитала», ориентированный на систематическое, целостное воспроизведение экономического содержания последнего. При этом внимание акцентируется на диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности экономических категорий, механизме перехода от одной такой категории к другой, в ходе которого логическая последовательность их изложения совпадает с исторической последовательностью: товар, деньги, рынок, капитал и т. д.

Во-вторых, подобная логика изложения предопределяется логикой марксова исследования капиталистического способа производства, или капиталистической экономики. Последняя характеризуется двумя существенными чертами, отличающими ее от предшествующих экономик: 1) производство товаров приобретает в ней всеобщий характер; 2) производство прибавочной стоимости есть движущий мотив предпринимательской деятельности. Поскольку богатство обществ, в которых господствует капиталистическая экономика, выступает как огромная совокупность товаров, а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства, постольку марксово исследование начинается анализом товара. Иными словами, исторически и логически товар образует исходный пункт исследования капиталистической экономики, а следовательно и изложения соответствующих ей категорий.

В-третьих, необходимо отметить, что в трех томах «Капитала» К. Маркса речь идет о **капиталистической экономике классического типа**, или **экономике классического капитализма**, коренная трансформация которой началась в конце XIX – начале XX вв.

В-четвертых, при этом затрагиваются исторические аспекты рассматриваемых вопросов, отражающих особенности возникновения, закономерности развития и направления трансформации изучаемых явлений. Так, в соответствии с указанной методологической посылкой настоящее исследование начинается с анализа двойственной природы товара – проблемы, теоретическая значимость которой была уже осознана античными философами. Но научное решение этой проблемы, как мы увидим ниже, было дано только К. Марксом на основе его учения о двойственном характере труда товаропроизводителей. Этот двойственный характер выражается в том, что в условиях товарного производства конкретный труд выступает в качестве источника потребительной стоимости, а абстрактный труд – стоимости.

В-пятых, исключительно важное место в изложении экономического материала занимает обстоятельный, историко-логический анализ различных теорий: стоимости (ценности), денег, рынка (заметим, **теории рынка впервые в экономической науке выделены автором**³⁷), капитала, предпринимательства, заработной платы, которые не представлены в первом томе «Капитала» (основные положения этих теорий изложены в четвертом томе данного труда), но которые характеризуют эволюцию взглядов, касающихся сущности этих явлений.

В-пятых, в отдельных случаях даны авторские пояснения, которые позволяют уяснить суть рассматриваемых вопросов. Например, в первом отделе «Капитала» утверждается, что каждый товар продается по стоимости, т. е. в соответствии с количеством, заключающегося в нем общественно необходимого труда. Но во втором отделе уже используется денежная единица (фунт стерлингов) для определения величины стоимости товаров. В результате читатель сталкивается с трудностью, связанной с пониманием сущности стоимости как важнейшей категории товарного производства. В этой связи выделены действительные предпосылки, которые лежат в основе указанного определения и которые изложены в настоящей монографии.

³⁷ См. Сычев Н.В. Политическая экономия, или Общая теория развития экономики. Т. 1. Жуковский, МИМ ЛИНК, 2012. С. 954–1168. Необходимо отметить, что значительная часть экономического материала, содержащегося в трех главах этого труда, в которых речь идет о товаре, деньгах и рынке, составляет первый раздел представленной монографии, а оставшаяся часть, посвященная трактовке этих категорий в российской политической экономии дооктябрьского периода, представлена в трех приложениях, вследствие, во-первых, ограниченности объема самой монографии; во-вторых, важности данного материала, который до сих пор является малоизученным.

В-шестых, весьма важно подчеркнуть, что экономическая логика «Капитала» базируется на **трех** ключевых положениях.

Во-первых, поскольку труд образует сущностную основу всякого производства, экономической жизни общества в целом, постольку все экономические явления и процессы данного общества, находящие свое теоретическое отражение в системе категорий и законов политической экономии, есть не что иное, как различные формы выражения человеческого труда – живого и овеществленного – в продуктах самого труда, его материального содержания и общественной формы.

Во-вторых, если труд лежит в основе всей экономической деятельности людей и в условиях товарно-капиталистического производства обладает двойственной природой, то соответственно все экономические явления и процессы, как формы выражения этого труда, также обладают двойственной природой³⁸. При этом одна из сторон данных явлений обусловлена процессами функционирования конкретного труда, а другая – процессами функционирования абстрактного труда³⁹.

Так, к экономическим явлениям, непосредственно связанным с процессами функционирования конкретного труда (взаимодействие полезной деятельности человека с предметами труда и средствами труда), относятся потребительная стоимость товара, реальная потребительная стоимость как таковая, производительная сила труда, старая (перенесенная) стоимость, богатство как сумма потребительных стоимостей, товары как воплощение потребительной стоимости, потребительная стоимость особого товара – рабочей силы, постоянный капитал, относительная прибавочная стоимость, реальная заработная плата и т. п.

Соответственно, к экономическим явлениям, непосредственно связанным с процессами функционирования абстрактного труда (затрата труда в физиологическом смысле, или труда вообще (т. е. физических, умственных и нервных сил человека), независимо от его полезной формы), относятся стоимость товара, формальная потребительная стоимость, интенсивность труда, вновь созданная стоимость (новая стоимость), богатство как сумма стоимостей, деньги как материализация абстрактного труда (стоимости), стоимость особого товара – рабочей силы, прибавочная стоимость как таковая, переменный капитал, абсолютная прибавочная стоимость, номинальная заработная плата и т. п.⁴⁰

³⁸ Следует иметь в виду, что «эта объективная причинно-следственная связь между двойственной природой труда, воплощенного в товаре, и двойственным характером всех явлений и процессов товарного хозяйства и составляет содержание *основной структурной закономерности товарных отношений*. Данная закономерность обуславливает не только двойственность всех явлений товарного хозяйства, но и характер этой двойственности, ее связь с конкретным и абстрактным трудом товаропроизводителей. Основная структурная закономерность товарных отношений определяет не социально-экономическую сущность явлений товарного производства в различных общественно-экономических формациях. Это функция основных экономических законов этих формаций. *Основная структурная закономерность товарных отношений – это не специфический, а общий закон всех общественно-экономических формаций, в которых есть товарное производство*. Наибольшего развития эта закономерность достигает при капитализме, все экономические явления которого, как известно, приобретают товарную форму.» / Афанасьев В.С. Великое открытие Карла Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М., 1980. С. 14–15.

³⁹ «Двойственная природа труда, воплощенная в товаре, предопределяющая как двойственный характер каждого явления и процесса капиталистической экономики, так и природу этой двойственности, дает возможность в явлениях капиталистической экономики провести ясное различие между их натурально-вещественным содержанием, непосредственно связанным с конкретным трудом и создаваемой им потребительной стоимостью, и их социально-экономической формой, непосредственно проистекающей из той роли, которую играет абстрактный труд и создаваемая им стоимость товара в капиталистической системе производственных отношений. Таким образом, явления капиталистической экономики, с одной стороны, представляют собой различные выражения процессов конкретного труда, а с другой – выступают одновременно и как проявления процессов абстрактного труда, в единстве составляющих совокупность экономических процессов и явлений капиталистического способа производства.» / Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 15.

⁴⁰ «Разумеется, во всех этих случаях речь идет лишь о неразрывно связанных между собой сторонах экономических явлений капитализма, поскольку процессы конкретного труда не существуют отдельно от соответствующих им процессов абстрактного труда, как, впрочем, и последние находятся в органической связи с первыми. Однако в теоретическом анализе разграничение этих сторон обязательно, поскольку только оно может позволить избежать ошибок в решении сложных проблем политической экономии капитализма.» / Там же. С. 16.

В-третьих, поскольку, по К. Марксу, капитал есть исторически определенное общественное отношение, складывающееся между капиталистическим предпринимателем и наемным рабочим, то оно выступает как основное производственное отношение буржуазного общества. Эксплуататорскую сущность этого отношения характеризует закон прибавочной стоимости – основной экономический закон капитализма. Ибо этот закон выражает, во-первых, объективную цель капиталистического производства – извлечение максимальной прибавочной стоимости, которая на поверхности явлений буржуазного общества предстает в форме прибыли; во-вторых, главное средство достижения данной цели – объективную необходимость эксплуатации рабочей силы капиталистами; в-третьих, основное экономическое противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения-отчуждения его условий и результатов.

В-седьмых, при рассмотрении исторических условий возникновения капитала наряду с теорией первоначального накопления капитала К. Маркса излагается (в критическом аспекте) теория капиталистического духа В. Зомбарта и М. Вебера, а также роль промышленного переворота, многоукладности и предпринимательства в становлении капиталистической экономики.

В-восьмых, в предлагаемой монографии (как, впрочем, и в ряде предшествующих ей монографий, опубликованных автором) дана **иная классификация главных направлений мировой экономической мысли** в сравнении с той, которая получила широкое распространение в современной зарубежной и отечественной литературе. К ним относятся **классическое, неклассическое, неонеклассическое** (именуемое неоклассическим, что не соответствует действительности), **марксистское, институциональное и кейнсианское направления**.⁴¹

В заключение отметим, что в ходе нашего исследования дано систематическое обобщение весьма обширного источниковедческого материала. В соответствии с ним анализируется широкий круг вопросов, рассматриваемых в трех томах настоящей монографии. Отсюда наличие в каждом из них огромного числа цитат, которые взяты из первоисточников и которые либо подтверждают точку зрения их авторов, либо поясняют или развивают ее. Разумеется, при этом последняя, в свою очередь, оценивается нами либо в позитивном, либо в критическом аспекте.

Автор выражает искреннюю благодарность официальным рецензентам: докторам экономических наук, профессорам И.М. Братищеву и К.А. Хубиеву за весьма ценные замечания и пожелания, касающиеся концептуального замысла и содержания данной монографии, а также своим коллегам: докторам экономических наук, профессорам Н.Д. Елецкому, А.В. Сорокину и доктору философских наук, профессору Е.Ф. Солопову, принявшим активное участие в обсуждении затронутых в ней проблем, и кандидату экономических наук П.Е. Солопову, оказавшему большую техническую помощь в ее подготовке к публикации.

⁴¹ Более подробно см. *Сычев Н.В.* Актуальные проблемы политической экономии. С. 14–15, 41–42, 52–58.

Раздел первый Товар, рынок, деньги

Глава 1 Товар как экономическая форма движения общественного продукта

§ 1. Двойственная природа товара: к постановке проблемы

Как известно, в условиях товарного производства создаются полезные вещи – товары, т. е. продукты труда, которые удовлетворяют общественные потребности путем обмена, т. е. купли-продажи на рынке⁴². Именно здесь обнаруживается единство двух противоположных факторов каждого товара: потребительной стоимости и стоимости.

Следовательно, посредством товарной формы осуществляется, таким образом, движение общественного продукта, а стало быть, устанавливаются экономические связи, присущие тому или иному способу производства. На первый взгляд, эти связи не представляют какой-либо трудности для понимания, поскольку на поверхности явлений они «прозрачны» и доступны для непосредственного наблюдения. Но это только видимость, ибо процесс обмена товаров содержит в себе такие тайны, над разгадкой которых экономическая мысль мучительно бьется уже в течение более двух тысяч лет, по меньшей мере, с момента возникновения товарно-денежных отношений в древних цивилизациях.

В этой связи необходимо отметить, что весьма важный вклад в теоретическое осмысление специфики товарно-денежных отношений внесли античные мыслители. В частности, именно они впервые в истории экономической науки поставили проблему двойственной природы товара, проведя различие между его потребительной ценностью и меновой ценностью (напомним, в рамках классической политэкономии они называются потребительной стоимостью и меновой стоимостью). Тем самым античные мыслители заложили основы **теории ценности**, которая вырабатывалась ими в рамках социально-философского мировоззрения.

К числу наиболее отличительных черт этого мировоззрения (в интересующем нас аспекте) следует отнести, во-первых, целостное восприятие окружающего мира, стремление определить наиболее рациональные пути реформирования существующего социума на разумно-этических началах⁴³. Во-вторых, понимание феномена человека и как высшего суще-

⁴² Заметим, товарами являются не только продукты труда, но и любые объекты, вступающие в рыночный обмен: естественные блага, деньги, рабочая сила человека, капитал, информация и т. п.

⁴³ «В методе исследования общественных явлений у древнегреческих философов была одна характерная черта, выгодно отличающая их от исследователей позднейших времен, действовавших в условиях чрезвычайно дифференцированной, раздробленной до мельчайших деталей, научной работы: они старались прежде всего охватить предмет в его целом. Заинтересованные в коренной реформе существующего общественного строя, они подходили и к теоретическому изучению его с широким общим взглядом, и только набросав возможно отчетливее основные контуры своих теоретических построений, обращались к углублению в частности изучаемого комплекса явлений. Отсюда – мы находим у них ряд глубоко продуманных социологических обобщений, образующих солидную основу для теоретических систем по различным отраслям общественной жизни, отчасти подробно разработанных уже ими самими, отчасти незатронутых или очерченных только некоторыми намеками. Слитность рассуждений древнегреческих философов, легко переходивших от экономических и социальных вопросов к моральным и эстетическим, – так неприятно действующая на некоторых современных ученых, привыкших к более спокойной и упорядоченной работе за прочными перегородками мысли, – имела и свою хорошую сторону. Теоретическое мышление древних последовательно и цельно. Их экономические и политические рассуждения образуют живой, объединенный единой мыслью, комплекс идей, логически тесно связанный их общим с философским и моральным мировоззрением. Впрочем, для них трудно говорить отдельно даже об их моральном мировоззрении; их мышление едино во всех его составных частях и

ства окружающего мира, и как свободной личности, деятельность которой направлена на удовлетворение ее разнообразных потребностей⁴⁴. В-третьих, трактовку ценности как общеприкладной философской и моральной категории, выражающей субъект-объектное отношение в хозяйственно-практическом плане, т. е. отношение между возрастающими потребностями человека и ограниченностью благ с точки зрения достижения определенной пользы, а также оценкой этих благ и нормами его поведения в общественной жизни⁴⁵.

Пальма первенства в постановке вышеуказанной проблемы принадлежит Ксенофону. Исходя из понимания хозяйства как имущества, а последнего как совокупности вещей, которыми человек может пользоваться, Ксенофонт утверждал, что ценность этих вещей определяется их полезностью. При этом, по его мнению, сама ценность проявляется в двоякой форме: 1) **потребительной ценности**, т. е. способности вещи непосредственно удовлетворять какие-либо потребности ее владельца; 2) **меновый ценности**, т. е. способности вещи удовлетворять эти потребности посредством обмена⁴⁶. Имея в виду это обстоятельство, Ксенофонт отмечал, что «ценность (потребительная – Н.С.) есть то, от чего можно получить пользу», что ценность той или иной вещи (например, флейты) предопределяется одновременно и ее меновой природой, ибо «для того, кто не умеет пользоваться флейтой, если он продает ее, она – ценность, а если не продает, а владеет ею, – не ценность.... потому что она совершенно бесполезна».⁴⁷

Таким образом, ценность любой вещи, по Ксенофону, зависит от способа удовлетворения потребностей ее владельца, от его умения извлечь из нее пользу. Если он может непосредственно извлечь из потребления вещи определенную пользу, то эта вещь обладает ценностью, если же он не может извлечь ту или иную пользу из непосредственного потребления вещи, то она утрачивает какую-либо ценность. Однако владелец вещи может извлечь из нее пользу и другим способом, а именно, путем обмена, т. е. продажи ее на рынке. Необходимость мено-

в нем созвучно укладываются все отдельные элементы их миропонимания, их отдельных чаяний и стремлений» / История экономической мысли. Т. 1. Под. ред. В.Я. Железнова и А.А. Манцилова. М., 1916. С. 4–5.

⁴⁴ «Отправной точкой и объектом греческой цивилизации является человек. Она исходит из его потребностей, она имеет в виду его пользу и прогресс. Чтобы их достичь, она вспахивает одновременно и мир, и человека, один посредством другого. Человек и мир в представлении греческой цивилизации являются отражением один другого – это зеркала, поставленные друг против друга и взаимно читающие одно в другом» / Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1958. С. 42.

⁴⁵ «Они (античные философы – Н. С.) совершенно ясно сознавали, более того: они ясно чувствовали всем своим существом аксиоматическую истину, составляющую и до сих пор фундамент всего экономического знания, – об известной зависимости людей от окружающего их мира природы, иначе говоря, об ограниченности запаса материальных благ, по сравнению с удовлетворяемыми ими человеческими потребностями. Это убеждение давало им определенный ответ на основной вопрос экономической теории – о ценности хозяйственных благ. Ответ этот вполне гармонизировал с их общим взглядом на общественные отношения и тесно связывался с их философскими и моральными идеями. В вопросе о ценности хозяйственных благ греческие мыслители решительно выдвигали наиболее близкую общему духу их мировоззрения точку зрения полезности. Им и не было надобности считаться с возможностью иных точек зрения, потому что теория полезности давала для них вполне закругленное, законченное решение проблемы. Греческого гражданина хозяйственные блага интересовали преимущественно по их назначению, а не по происхождению; он вполне осязательно чувствовал зависимость в своем существовании и в излюбленных формах своей деятельности от известного запаса материальных благ и в этом видел основание для их оценки. Обеспечить государственный организм достаточными средствами существования, которые позволили бы ему беспрепятственно выполнять свое высокое назначение, при условиях, устраняющих раздоры и несогласия между отдельными гражданами и группами граждан, – такова была, по убеждению передовых людей того времени, задача хозяйственной организации» / История экономической мысли. Т. 1. Под. ред. В.Я. Железнова и А.А. Манцилова. С. 5–6.

⁴⁶ «В особенности интересны его (Ксенофонта – Н. С.) рассуждения о ценности, которые имеют вид некоторой целостности, включая и анализ некоторых эмпирических соотношений, которым подчиняется меновой акт. Ему принадлежит заслуга ясной формулировки понятия “полезность” с подразделением его на два вида: полезность вследствие непосредственного употребления, что можно назвать потребительной стоимостью, и полезность вследствие возможности обмена, что можно назвать меновой стоимостью. Именно Ксенофону принадлежит положение о том, что “благо есть все то, что полезно”, т. е. удовлетворяет человеческим потребностям. При этом он не замыкается в рамки плоского гедонизма: “полезность” он не замыкает рамками “утилитарной” экономики, а рассматривает широко – она совмещает у него не только хозяйственный момент, но и момент нравственный, выводящий за рамки натурального хозяйствования. Полезным, с хозяйственной точки зрения, он считал все то, что удовлетворяет известную потребность, что служит полезному назначению; полезным же с нравственной стороны является то, что не заключает в себе нравственного вреда» / Шухов Н.С. Ценность и стоимость (опыт системного анализа). Ч. 1. М., 1994. С. 115.

⁴⁷ *Ксенофонт Афинский*. Сократические сочинения. М.—Л., 1935. С. 253.

вого акта возникает в том случае, когда он не умеет пользоваться принадлежащей ему вещью. Поэтому владелец может продать ее другому лицу, которое в состоянии ею пользоваться и для которого она, следовательно, представляет определенную ценность. Но, продав ему вещь, ее владелец вместе с тем косвенно (опосредованно) извлекает для себя тоже определенную пользу, получив, например, ценную для него вещь или деньги, которые он может использовать в своей хозяйственно-практической деятельности.

Но если ценность хозяйственных благ определяется, в конечном счете, их полезностью, то возникает вопрос: какова мера этой полезности? Ксенофонт не дал конкретного ответа на этот вопрос. Прежде всего это объясняется тем, что господствующей формой организации античной экономики являлось натуральное производство. Что же касается рыночных (товарно-денежных) отношений, то они находились в начальной стадии своего становления. В таких условиях не представлялось возможным выявить их более глубинную, фундаментальную основу. Поэтому Ксенофонт ограничился преимущественно описанием внешних форм обмена одних хозяйственных благ на другие. Однако с точки зрения полезности как таковой эти блага качественно несравнимы и количественно несоизмеримы. Именно по этой причине Ксенофонт, как и другие античные философы, вынужден был обращать внимание на деньги, посредством которых устанавливаются известные меновые пропорции.

В противоположность Ксенофону, экономические воззрения которого базировались на эмпирическом обобщении хозяйственного опыта повседневной жизни, практических рекомендациях относительно рациональной организации и ведения отдельного хозяйства, Платон рассматривал товарный обмен в более широком аспекте – в соответствии со своей социально-философской концепцией идеального государства. Как уже отмечалось, цель создания такого государства Платон видел в обеспечении справедливого общежития, основу которого образует разделение труда. По мнению автора, развитие разделения труда предполагает, чтобы те или иные слои населения данного государства занимались строго определенными видами хозяйственной деятельности, т. е. чтобы одни лица были земледельцами, другие – строителями, третьи – ткачами, четвертые – сапожниками и т. д.⁴⁸

Указывая на исключительную роль разделения труда в государстве, Платон в то же время подчеркивал два существенно важных момента. Во-первых, почти невозможно разместить такое государство в местности, где не требовался бы ввоз продуктов из других мест. Во-вторых, в этом государстве некоторые продукты могут создаваться в количестве, достаточном не только для себя, но и для других государств, имеющих в них нужду. Поэтому здесь необходимы посредники для осуществления операций, связанных с ввозом и вывозом товаров. Иначе говоря, нужны купцы, которые будут продавать и покупать эти товары. В результате в государстве «возникает и рынок, и монета – знак обмена».⁴⁹

⁴⁸ «Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, – говорится в проекте идеального государства Платона, – мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам, этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то гоплитов или других воинов? Никакое орудие только от того, что оно очутилось у кого-либо в руках, не сделает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся» / Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 116–117.

⁴⁹ Там же. С. 113. Поясняя свою мысль, Платон писал: «Если земледелец или кто другой из ремесленников, доставив на рынок то, что он производит, придет не в одно и то же время с теми, кому нужно произвести с ним обмен, неужели же он, сидя на рынке, будет терять время, нужное ему для работы? Найдутся ведь люди, которые, видя это, предложат ему свои услуги. В благоустроенных государствах это, пожалуй, самые слабые телом и непригодные ни к какой другой работе. Они там, на рынке, только того и ждут, чтобы за деньги приобрести что-нибудь у тех, кому нужно сбывать свое, и опять-таки обменивать это на деньги с теми, кому нужно что-то купить. Из-за этой потребности появляются у нас в городе мелкие торговцы. Разве не назовем мы так посредников по купле и продаже, которые засели на рынке? А тех, кто странствует по городам, мы называем

Весьма существенный вклад в теоретическое осмысление двойственной природы товара и особенностей товарного обмена внес гениальный древнегреческий философ Аристотель. Подобно Платону, его экономические воззрения опирались на выработанную им социально-философскую концепцию государства. Согласно этой концепции, государство есть продукт политического общения, цель которого заключается в достижении полезных для жизни благ.

Как известно, Аристотель выделял два способа (по его терминологии, искусства) приобретения таких благ. Первый способ – экономический (естественный) – посредством их создания в определенной сфере хозяйственной деятельности, второй – хрематический (противоестественный) – посредством накопления состояния (денег), обогащения. Различие между ними состоит в том, что «...в одном случае речь идет о приобретении средств, в другом – о пользовании ими...»⁵⁰.

Имея в виду второй способ приобретения благ, Аристотель, вслед за Ксенофонтом, утверждал: «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом – не по назначению; например, обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения – все они могут быть предметами обмена».⁵¹

Итак, по мнению Аристотеля, любая вещь (например, обувь) как объект владения может быть использована двояким образом: для удовлетворения определенной потребности и для обмена. В первом случае она используется по назначению, т. е. для обувания ноги, во втором – не по назначению, т. е. как средство обмена. Следовательно, здесь по существу речь идет о двух сторонах товара: в качестве потребительной ценности и меновой ценности.

Исходя из этой посылки, Аристотель подчеркивал, что необходимым условием обмена служит общественное разделение труда. «Ведь общественные взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, скажем, врач и земледelec и вообще разные и неравные стороны, а их-то и нужно приравнять».⁵² Участвуя в обмене, каждый из них, естественно, стремится извлечь для себя полезную выгоду путем отчуждения своего продукта и присвоения, соответственно, чужого продукта. Но чтобы такой обмен состоялся, должно быть найдено пропорциональное равенство, ибо там, где нет подобного равенства, нет и обмена.

Согласно Аристотелю, один продукт может оказаться неравносильным с другим. Поэтому необходимо предварительно приравнять их друг к другу, т. е. определить меновую пропорцию. Это касается всех ремесел и искусств. Они вообще перестали бы существовать, если бы не было обмена произведенными продуктами, имеющими и количественную, и качественную ценность. Резюмируя ход своих рассуждений, Аристотель писал: «...Все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо...А если этого нет, не будет ни обмена, ни общественных взаимоотношений. Не будет же этого, если обмениваемые вещи не будут в каком-то смысле равны. Поэтому...все должно измеряться чем-то одним».⁵³

Таким образом, Аристотель был первым, кто в истории экономической мысли поставил вопрос о сравнимости товаров в процессе обмена, утверждая, что обмен не может иметь места без равенства, а равенство – без соизмеримости. Однако обнаружить действительную основу

купцами» / Там же. С. 113–114.

⁵⁰ Аристотель. *Сочинения*. Т. 4. М., 1983. С. 387.

⁵¹ Там же. С. 390.

⁵² Там же. С. 155–156.

⁵³ Там же. С. 156.

обмена, равенства и соизмеримости товаров ему не удалось. Более того, он занимал противоречивую позицию по данному вопросу.

С одной стороны, в духе античной традиции, Аристотель считал, что в основе приравнивания товаров друг к другу лежит их полезность, ибо она интересует, прежде всего, каждого субъекта меновых отношений. Подобная трактовка всецело вписывалась в его натурально-хозяйственную концепцию.

Вместе с тем следует, однако, отметить, что именно Аристотель впервые обратил внимание на особую значимость степени полезности благ в хозяйственной жизни. Он полагал, что эта степень находится в известной зависимости от их количества. Поэтому более редкое, ограниченное благо ценится выше блага, имеющегося в изобилии. Например, золото дороже железа, хотя оно и менее полезно (в смысле общей полезности). Дело в том, что приобретение такого блага намного труднее, а потому оно имеет более высокую ценность. В то же время Аристотель указывал, что в повседневной жизни обычные блага ценятся гораздо больше редких, поскольку они преобладают и тем самым удовлетворяют насущные потребности. Данное «противопоставление остается, однако, не выясненным до конца, и обе мысли продолжают быть разорванными, не сближенными логически, и мы напрасно стали бы искать более точного выражения их... Тем не менее мысль об ограниченности запаса хозяйственных благ как фактора их ценности была уже совершенно определенно намечена, и как бы ни были отрывочны и незакончены заявления Аристотеля на этот счет, они открывали путь дальнейшему исследованию».⁵⁴

С другой стороны, Аристотель, будучи крупным мыслителем, не мог не видеть, что в обмен вступают качественно различные блага, непосредственная соизмеримость которых вряд ли возможна. Впрочем, он и сам указывал на это обстоятельство. «Конечно, в действительности вещи столь различные не могут стать соизмеримы...»⁵⁵. Такую соизмеримость Аристотель рассматривал как нечто чуждое истинной природе вещей, лишь как искусственный прием для удовлетворения определенной потребности.

Именно потребность как таковая, по его мнению, играет ключевую роль в хозяйственной жизни, а стало быть, и в приравнивании и соизмеримости товаров. Поэтому она является такой мерой, которая поистине «все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нужды они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, т. е. несправедливым».⁵⁶ В процессе его развития «словно замена потребности, но по общему уговору появилась монета», которая «словно мера, делая вещи соизмеримыми, приравнивает».⁵⁷

Как видим, Аристотель не смог обнаружить действительную основу товарного обмена, единую меру равенства и соизмеримости товаров. Поэтому он считал, что их ценность определяется различными факторами: степенью полезности, редкостью, потребностью и в конечном счете приравниванием к монете. В методологическом плане подобный подход ориентировался на потребление, а не на производство, вследствие чего принцип полезности являлся отправным пунктом экономических воззрений Аристотеля (как, впрочем, и других античных мыслителей). С точки зрения данного принципа он подходил и к трактовке самой ценности. Последняя рассматривалась им как нравственная категория, посредством которой он стремился показать пути достижения справедливого обмена, т. е. такого обмена, который должен обеспечить равный доступ к получению благ. Но поскольку естественным базисом греческого общества было неравенство людей и их рабочих сил, постольку Аристотель, как наиболее крупный идеолог этого общества, не мог понять, в чем заключается то одинаковое, т. е. общая субстанция,

⁵⁴ История экономической мысли. Т. 1. Под. ред. В.Я. Железнова и А.А. Мануилова. С. 225.

⁵⁵ Аристотель. *Сочинения*. Т. 4. С. 157.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ Там же. С. 156, 157.

которая делает возможным приравнение и соизмеримость товаров. Такой субстанцией, как известно, является человеческий труд. Поэтому у Аристотеля отсутствовало понятие стоимости. Оно появляется «...лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением».⁵⁸ Однако «гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит “в действительности” это отношение равенства».⁵⁹

Весь последующий ход развития экономической мысли подтвердил истинность указанных положений. Научная теория стоимости не могла возникнуть и в условиях феодализма, реальным базисом которого являлось натуральное производство. Она появилась лишь в период формирования капитализма, где товарно-денежные отношения становятся господствующими, охватывая все сферы экономической жизни общества. Именно исследование этих отношений находилось в центре внимания классической школы политической экономии, в рамках которой была выработана трудовая теория стоимости.

§ 2 Трудовая теория стоимости

Основоположником трудовой теории стоимости является английский экономист В. Петти. Исследуя особенности рыночного ценообразования, он установил, что внутреннюю основу процесса производства и обращения товаров образуют затраты труда. В этой связи В. Петти писал: «Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собой естественную цену другого; если же благодаря новым, более богатым копиям он окажется в состоянии так же легко добыть две унции серебра, как прежде одну, то хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как прежде был при цене 5 шилл. *caeteris paribus*»⁶⁰ (при прочих равных условиях – лат.).

В такой весьма своеобразной форме В. Петти впервые в истории экономической мысли изложил суть трудовой теории стоимости. В концептуальном плане она базируется на двух принципиально важных положениях: во-первых, источником стоимости («естественной цены», по терминологии автора) является труд в смысле затраты рабочего времени; во-вторых, величина стоимости зависит от производительности труда, причем зависимость эта обратно пропорциональная, т. е. чем выше производительность труда, тем ниже стоимость товара, и наоборот.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 69–70.

⁵⁹ Там же. С. 70. «При всех замечательных достоинствах аристотелевской теории экономического обмена и тесно связанной с ней теорией денег на учении Аристотеля лежит печать исторической ограниченности. Это учение теоретика рабовладельческого общества и рабовладельческих отношений в сфере труда. Аристотель исходит не из производственной деятельности работников, а из потребностей лиц, вступающих между собой в обмен. Если бы обмен стоял в зависимости от относительных затрат труда на производство обмениваемых предметов, то пропорциональное отношение лиц к продуктам труда было бы прямым. В этом случае работа, например, сапожника относилась бы к работе земледельца, как затраченный сапожником труд к труду земледельца. Но Аристотель признает в качестве регулятора обмена лишь потребность в вещи у лица, намеренного обменять ее на свою вещь. Поэтому пропорция у него оказывается обратной: пара сандалий будет так относиться к мере хлеба, как потребность земледельца в сандалиях относится к потребности сапожника в хлебе... именно потребность связывает как бы в единое целое отношение обмена. Сама возможность для предметов, по существу несоизмеримых, стать соизмеримыми объясняется тем, что соизмеримость их устанавливается только по отношению к потребности. Здесь это уравнение достаточно достижимо. Такая точка зрения естественна для идеолога общества, основным социальным отношением которого является отношение рабовладельца к рабу и в котором труд не имеет большой цены в глазах верхушки рабовладельческих классов. Именно с этой точки зрения Аристотель ищет отношение равенства не в равенстве различных количеств труда, а в равенстве потребностей свободных членов рабовладельческого общества, обменивающихся различными вещами или товарами» / Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 370–371.

⁶⁰ Петти В. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 40.

Вместе с тем обращает на себя внимание внутренняя противоречивость методологического подхода В. Петти к трактовке категориальной сущности стоимости. С одной стороны, стоимость хлеба определяется трудом, затраченным на производство этого товара. С другой стороны, стоимость хлеба рассматривается не сама по себе, а в ее отношении к потребительной стоимости другого товара (серебра), выступающего в качестве денег. Такая трактовка свидетельствует о том, что В. Петти, находясь еще под влиянием меркантилизма, отождествлял стоимость как таковую с меновой стоимостью, а последнюю – с ценой. Указывая на это обстоятельство, К. Маркс отмечал, что саму «...меновую стоимость он берет в таком виде, как она проявляется в процессе обмена товаров, как деньги, а сами деньги – как существующий товар, как золото или серебро».⁶¹

В то же время В. Петти утверждал, что «естественная цена», или стоимость, товара определяется не посредством денег, а затратами труда, безотносительно к форме его проявления. В частности, В. Петти писал «...Естественная дороговизна или дешевизна зависят от того, больше или меньше требуется рук для удовлетворения естественных потребностей. Так, хлеб дешевле, если один производит на десятерых, чем если он может снабжать хлебом только шестерых»⁶². В этом случае, по словам К. Маркса, «под “естественной ценой” он понимает по сути дела стоимость»⁶³, рассматривая труд как источник стоимости товара.

Наряду с «естественной ценой», В. Петти различал особую ее разновидность – «политическую цену», которая также характеризует затраты труда на производство товаров, т. е. их стоимость. Ее особенность заключается в том, что она формируется в неблагоприятных политических условиях (буржуазной революции и гражданской войны, современником которых был В. Петти). Поэтому «политическая цена» выше «естественной цены», по мнению В. Петти, по двум главным причинам. Во-первых, в силу того, что она выражает большее количество труда, затраченного на производство единицы товара. «Политическая дешевизна зависит от незначительности излишних рук в каком-либо промысле сверх необходимого в нем количества людей. Например, хлеб будет вдвое дороже там, где имеется 200 сельских хозяев, выполняющих ту же работу, которую могли бы выполнить 100 человек».⁶⁴ Во-вторых, в силу недостаточного предложения хлеба на рынке, что вызывает рост цен на него и увеличение расходов на покупку хлеба. «Если этой пропорции (имеется в виду пропорция между 200 и 100 сельскими хозяевами – Н. С.) соответствует пропорция излишнего расхода (т. е. к упомянутой причине дороговизны присоединяется та, которая вызывается недостатком хлеба на рынке, удваивающим его цену), то естественная цена оказывается учетверенной, и эта учетверенная цена есть истинная политическая цена, исчисленная, исходя из естественных оснований».⁶⁵

Переходя к анализу реального механизма рыночного ценообразования, В. Петти выделил также «истинную рыночную цену», или «искусственную цену», как денежное выражение стоимости товара. В этой связи он отмечал, что «... соотношение между хлебом и серебром означает лишь искусственную стоимость, а не естественную, потому что сравниваются между собой вещь, которая полезна по своей природе, и вещь, которая сама по себе бесполезна»⁶⁶... И далее, «политическая цена, исчисленная, исходя из естественных оснований... будучи сопоставлена с обычным искусственным стандартом – серебром, дает то, что мы ищем, т. е. истинную рыночную цену».⁶⁷

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 40.

⁶² Петти В. Экономические и статистические работы. С. 73.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 357.

⁶⁴ Петти В. Указ. соч. С. 73.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

Углубляя свой анализ, В. Петти вплотную подходит к пониманию сути закона стоимости. «Я утверждаю, что именно в этом (в сопоставлении затрат одинакового человеческого труда – Н. С.) состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка очень разнообразна и сложна».⁶⁸ В. Петти показал, что данный закон действует довольно сложным образом, лишь как общая тенденция, пробивающая себе дорогу сквозь массу различного рода случайностей. В этом контексте он выделял некоторые рыночные факторы, вызывающие отклонения реальных цен товаров от их стоимостей. «... Поскольку почти все товары имеют свои субституты, или заменители, и почти все нужды могут удовлетворяться разными способами, а также поскольку на цены товаров влияют в смысле повышения или понижения их новизна, вызванное ими изумление, пример вышестоящих лиц и представление о невозможности определить их эффект, то мы должны добавить эти случайные причины к упомянутым выше постоянным причинам»⁶⁹...

Стремясь всесторонне осмыслить особенности действия закона стоимости, В. Петти вместе с тем выдвинул ряд положений, содержавших серьезные ошибки. Это касается прежде всего трактовки вопроса о двух источниках стоимости товаров и, соответственно, богатства общества. Речь, в данном случае, идет о труде и земле, о попытке автора определить «естественное уравнение» между ними.

Как уже отмечалось, В. Петти утверждал, что затраты труда образуют стоимость товара. Однако двойственной природы самого труда он не понимал. С одной стороны, В. Петти высказывал мысль о том, что источником стоимости товаров является равный, одинаковый труд, что его отраслевые различия не имеют здесь никакого значения. Тем самым он близко подошел к пониманию абстрактного труда, определяя стоимость товаров количеством затраченного на их производство труда безотносительно к его полезной форме. С другой стороны, В. Петти заявлял, что источником стоимости товаров является труд по добыче благородных металлов, т. е. особый вид конкретного труда. Наряду с трудом (во всех его видах), по мнению автора, в качестве такого источника выступает и земля. Указывая на это обстоятельство, он отмечал, что стоимость корабля или сюртука образуется как трудом, так и землей.⁷⁰ Подобная, противоречивая по своей сути, трактовка неизбежно ведет к смешению стоимости с потребительной стоимостью, что позволяет, в свою очередь, понять экономический смысл известного афоризма В. Петти, который гласит: «Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля – его мать».⁷¹

Данное положение верно лишь в отношении вещественной формы богатства, состоящего из разнообразных потребительных стоимостей. В их создании действительно принимают участие два фактора: труд (в смысле целесообразной затраты рабочей силы человека) и вещества (силы) природы. Между тем источником стоимостной формы богатства является только абстрактный труд, затраченный на его производство.

Что же касается «естественного уравнения» между трудом и землей, т. е. определения их доли в стоимости товаров, то В. Петти рассуждал следующим образом. «... Оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям – к земле и труду, т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба – и корабль и сюртук – произведены землей и человеческим трудом. А раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом»⁷²... При этом и землю, и труд он называл «естественными стандартами и мерилami». Пытаясь определить долю земли и труда в указан-

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См., там же. С. 36.

⁷¹ Там же. С. 55.

⁷² Там же. С. 35.

ном уравнении, являющемся, по мнению автора, «важнейшим вопросом политической экономии», он приводит условный пример. Предположим, что теленок пасется на площади в 2 акра без участия человека и через год принесет 1 центнер мяса, составляющий 50 дневных пайков. Однако труд человека, возделывающего этот участок в течение года, приносит более 60 дневных пайков. В этой связи В. Петти полагал, что данный паек берется в расчете на «среднего» человека и что «пинта овсяной муки эквивалентна... 1,25 фунта мяса», т. е., говоря современным языком, уравнивал разнородные продукты питания по их калорийности. Отсюда следовало, что 50 дневных пайков, «производимых» землей, «составят стоимость, соответствующую годичной ренте земли», а все, что остается сверх этого, является продуктом труда человека, выступающим в виде заработной платы. Таким образом, доля земли и доля труда должны быть «выражены в количестве дневных пищевых пайков», а это значит, что величина стоимости как таковая определяется не дневным трудом рабочего, а его заработной платой. «Поэтому, – писал В. Петти, – обычным масштабом стоимости является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд».⁷³

Однако несмотря на ошибочность рассматриваемой трактовки, К. Маркс характеризовал ее как гениальное заблуждение. Что же в ней привлекло внимание К. Маркса? «По сути дела у Петти, – писал К. Маркс, – когда он устанавливает “отношение равенства” между трудом и землей, свободно продаваемая земля изображается как *капитализированная рента* – стало быть, Петти говорит здесь не о земле как веществе природы, с которым имеет дело реальный труд».⁷⁴ Следовательно, земля у В. Петти лишь внешне выступает в качестве источника стоимости, в действительности же он ее берет только как капитализированную ренту, которую он рассматривал как основную форму прибавочной стоимости. Именно таким окольным путем В. Петти возвращается к труду как единственному источнику стоимости.

В целом К. Маркс дал следующее резюме относительно трудовой теории стоимости В. Петти. «У Петти беспорядочно переплетаются троякого рода определения:

а) *Величина стоимости*, которая определяется равным рабочим временем, причем труд рассматривается как *источник стоимости*.

б) *Стоимость* как форма общественного труда. Поэтому деньги выступают как *истинная форма стоимости*, хотя в других местах Петти опрокидывает все иллюзии монетарной системы. Здесь у него, стало быть, намечается *определение понятия*.

в) Смешение труда как источника меновой стоимости с трудом как источником потребительной стоимости, где труд предполагает вещество природы (землю)». И далее: «По сути дела в основе такой постановки вопроса лежит лишь задача свести *стоимость самой земли к труду*».⁷⁵

Таким образом, В. Петти рассматривал труд в качестве источника стоимости, величина которой определяется равным рабочим временем. Однако В. Петти не понимал двойственной природы труда. В этом заключается главный недостаток его трудовой теории стоимости (как, впрочем, и других классиков политической экономии). Поэтому он не имел ясного представления не только о том, какой труд создает стоимость, но и о мериле последней. Именно по этой причине В. Петти смешивал имманентное (внутреннее) мерило, каким является абстрактный труд или рабочее время, с одной стороны, с землей, которая сама по себе не имеет никакого отношения к созданию стоимости, а с другой стороны, с деньгами, которые являются лишь внешней мерой стоимости.

Наряду с В. Петти, основоположником трудовой теории стоимости считается также французский экономист П. Бугильбер. Изучая экономические процессы, связанные с производ-

⁷³ Там же. С. 23.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 364.

⁷⁵ Там же. С. 364, 365.

ством и обращением товаров, он выдвинул положение, согласно которому в основе рыночной цены лежит так называемая «истинная стоимость». По его мнению, «истинная стоимость» определяется трудом. Исходя из этой посылки, он утверждал, что обмен товаров должен осуществляться в соответствии с количеством труда, затраченным на их производство. В результате все товары, представленные на рынке, будут находиться в оптимальном равновесии, что позволит обеспечить пропорциональное развитие всех отраслей экономики. Решающую роль в этих процессах играет свободная конкуренция.

Оценивая трудовую теорию стоимости П. Буагильбера, К. Маркс писал: «Буагильбер, со своей стороны, сводит если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени, определяя “истинную стоимость”... правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов разделяется между отдельными отраслями производства, и представляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию».⁷⁶ Однако, как и все классики политической экономии, П. Буагильбер не понимал двойственного характера труда, содержащегося в товаре. Поэтому он не проводил различия между трудом как источником стоимости и трудом как источником потребительной стоимости.

Значительный вклад в развитие трудовой теории стоимости внес выдающийся английский экономист А. Смит. К числу его несомненных заслуг следует отнести прежде всего то, что он впервые в истории экономической мысли ввел в научный оборот политико-экономические категории «потребительная стоимость» и «меновая стоимость», которые выражают двойственную природу товара, обнаруженную античными мыслителями.⁷⁷

«... Слово стоимость, – писал А. Смит, – имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую – меновой стоимостью».⁷⁸

Отвергнув всякие попытки изображать меновую стоимость как форму проявления природных свойств вещей, А. Смит утверждал, что только труд создает стоимость во всех отраслях материального производства. При этом он установил прямую зависимость между рабочим временем и величиной стоимости и свел последнюю к ее действительной основе – труду. Это явилось, по словам К. Маркса, «огромным достижением».⁷⁹

Важной заслугой А. Смита является также и то, что он сознательно исходил из трудовой теории стоимости при исследовании довольно широкого круга экономических явлений капиталистического общества: разделения труда, товара, заработной платы, прибыли, ренты, процента и др. и на этой основе раскрыл «экономическую анатомию» основных классов данного общества, источники их доходов.

Вместе с тем трактовка А. Смитом этих и других, сопряженных с ними, вопросов страдала весьма серьезными недостатками. Прежде всего необходимо отметить, что поскольку А.

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 40.

⁷⁷ Напомним, античные мыслители заложили основы теории ценности, с точки зрения которой они исследовали двойственную природу товара, различая его потребительную ценность и меновую ценность. Такой подход всецело вписывался в логику их натурально-хозяйственной концепции, отражавшей реальные процессы древнегреческого общества, в котором товарно-денежные отношения еще были не развиты. Напротив, в условиях капиталистического способа производства именно эти отношения становятся всеобщими, т. е. господствующей формой экономических связей. В результате обнаружилась эвристическая ограниченность категорий потребительной и меновой ценности. Последние, характеризуя двойственную природу полезности вещи, не позволяли раскрыть объективную основу товарно-денежных отношений, связанную с затратами труда на производство товаров. Это обстоятельство негативным образом отражалось на развитии политической экономии. Великая заслуга классиков этой науки в том и состоит, что они перенесли вопрос о происхождении общественного богатства из сферы обращения в сферу производства, что позволило им выработать трудовую теорию стоимости. Именно с точки зрения этой теории классики раскрыли анатомию и физиологию буржуазного общества. Особое место среди них, несомненно, занимает А. Смит, который обобщил и систематизировал накопленные знания и превратил их в целостную теоретическую систему.

⁷⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М. – Л., 1935. С. 28.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 730.

Смит, как и его предшественники, не различал двойственного характера труда, воплощенного в товаре, постольку, с одной стороны, он смешивал стоимость с меновой стоимостью, стоимость годового общественного продукта с вновь созданной стоимостью (так называемая «догма Смита»); с другой стороны, он не проводил четкого разграничения между натурально-вещественным содержанием богатства и его стоимостной формой. Кроме того, А. Смит довольно ограниченно понимал сферу производства как такового, а именно только как сферу материального производства, и в силу этого исключал из первой сферы нематериальное производство. Непроизводительным он также считал труд работников, занятых в сфере услуг (справедливо-сти ради заметим, что подобная трактовка данного вопроса вполне соответствовала положению дел в английской экономике второй половины XVIII в., когда и нематериальное производство, и сфера услуг были неразвиты). Наконец, А. Смит рассматривал капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения как вечные и разумные, всецело отвечающие естественной природе человека.

Отмечая достоинства и недостатки трудовой теории стоимости А. Смита, следует вместе с тем особо подчеркнуть, что его нельзя считать последовательным сторонником этой теории. Наряду с ней он выработал нетрудовую (доходную) теорию стоимости. Подобный подход был обусловлен в конечном счете методологией А. Смита. Кроме антиисторичности, метафизичности, для нее характерна своеобразная двойственность (дуализм), которая обуславливает противоречивость всех составных частей его теоретической системы.

Характеризуя суть данной методологии, К. Маркс писал: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат».⁸⁰

Таким образом, А. Смит одновременно использует два различных и в силу этого противоположных метода исследования: **абстрактный (эзотерический)** и **описательный (экзотерический)**. Применяя первый метод, А. Смит стремился проникнуть во внутреннюю структуру капиталистической системы, т. е. выявить ее причинно-следственные, сущностные связи, абстрагируясь при этом от внешней видимости экономических явлений и процессов, раскрыть законы, управляющие последними. Применяя же второй метод, он сосредоточил свое внимание на описании непосредственной видимости экономических явлений и процессов, фиксации и отображении их внешних форм в том виде, в каком они представлены на поверхности экономической жизни капиталистического общества. В результате А. Смит получил две

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 177. «У Смита, — пояснял далее К. Маркс, — это имеет свое оправдание (за исключением отдельных специальных исследований о деньгах), так как его задача была в действительности двойной. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился: отчасти — впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти — найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. отчасти — впервые воспроизвести их в языке в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же, — выступающий как столь же правомерный и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, — выражает внешне проявляющуюся связь» / Там же. С. 177–178.

совершенно различные и по существу противоречащие друг другу теоретические трактовки тех или иных вопросов.⁸¹

Исходя из двойственности своей методологии, А. Смит разработал две указанные теории стоимости, каждая из которых, в свою очередь, представлена в двух вариантах. Согласно **трудо-вой теории стоимости** А. Смита, стоимость всякого товара определяется:

- 1) количеством труда, **затраченного** на его производство;
- 2) количеством труда, **покупаемого** на данный товар.

По мнению А. Смита, с тех пор как в обществе установилось разделение труда, каждый человек своим собственным трудом может создать лишь очень небольшую часть необходимых для жизни предметов, поскольку значительно большую их часть он получает от других людей посредством обмена. При этом его материальное благосостояние будет зависеть от того, каким количеством труда он может распоряжаться или какое количество труда он может купить. Поэтому, по мнению А. Смита, «стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров».⁸²

Развивая эту мысль, А. Смит писал: «Действительная цена всякого предмета, т. е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, нужные для приобретения этого предмета. Действительная стоимость всякого предмета для человека, который приобрел его и который хочет продать его или обменять на какой-либо другой предмет, состоит в труде и усилиях, от которых он может избавиться себя и которые он может возложить на других людей. То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом. В самом деле, эти деньги или эти товары сберегают нам этот труд. Они содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость такого же количества труда. Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все богатства мира; и стоимость их для тех, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение».⁸³

В приведенных высказываниях А. Смита содержатся следующие, наиболее важные положения, характеризующие его концептуальный подход. Во-первых, в этом подходе доминирует не качественный, а количественный анализ. Во-вторых, А. Смит интересуется не стоимостью как таковой, а количественная пропорция, в которой одни товары обмениваются на другие, т. е. меновая стоимость. В-третьих, объектом товарного обмена являются не только какие-либо предметы, но и сам труд, обладающий собственной стоимостью; в результате получается порочный круг: стоимость труда определяется самим трудом. В-четвертых, научная трактовка стоимости у А. Смита покоится на определении ее количеством затраченного труда, или рабо-

⁸¹ «Недостаток... теории Смита состоял в том, что он ставил на одну доску те различные результаты, которые он получал с помощью различных методов исследования, смешивая содержание экономического явления и его внешнюю форму, которая выступала в его теории как некая "вторая сущность". В результате двойственность примененного Смитом метода обусловила и двойственность всей его теоретической системы. С помощью описательного метода Смит получал достаточно цельную картину общественно-экономических отношений, какой она выглядит на поверхности экономической жизни общества. Абстрактный же метод, примененный Смитом, позволял ему разработать другой теоретический блок, отражающий свойства той же самой экономической системы, но уже с точки зрения ее сущностных закономерностей» / Афанасьев В.С. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М., 2005. С. 92–93.

⁸² Смит А. Указ. соч. С. 30.

⁸³ Там же.

чего времени, ненаучная (вульгарная) же – на определении ее покупаемым трудом, в соответствии с которым мерой стоимости товаров является меновая стоимость труда, фактически – заработная плата; ибо последняя «равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определенного количества живого труда, или равна тому количеству труда, которое может быть куплено за определенное количество товаров».⁸⁴ В-пятых, оба варианта трудовой теории стоимости либо смешиваются друг с другом, либо первый вариант вытесняется вторым, либо, наконец, они рассматриваются обособленно, независимо друг от друга.

Такой подход А. Смита, как уже отмечалось, имел свое историческое оправдание. Перед А. Смитом стояла довольно трудная задача: теоретически воспроизвести всю совокупность экономических явлений и процессов капиталистического общества, находившегося на мануфактурной стадии развития, как с точки зрения сущностных закономерностей, так и с точки зрения внешних форм их проявления. Опираясь на абстрактный метод, А. Смит рассматривал данное общество как обширный меновой союз, в котором разделение труда вынуждает всех производителей обмениваться продуктами своего труда. Исходя из этой посылки, А. Смит утверждал, что регулятором данного обмена, а стало быть, и мерой стоимости товаров является труд самих производителей. Имея в виду это обстоятельство, он писал: «... Труд является единственным, всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах».⁸⁵ Тем самым А. Смит вплотную подошел к понятию труда вообще, независимо от его отраслевой специфики, как источника стоимости.⁸⁶

Применяя же описательный метод, А. Смит развивал иную, прямо противоположную точку зрения, согласно которой «... хотя труд является действительным мерилom меновой стоимости всех товаров, стоимость их обычно расценивается не в труде».⁸⁷ По мнению А. Смита, это обусловлено разными факторами. Среди них наиболее важными он считал следующие. Очень часто складывается такая ситуация, когда довольно трудно установить отношение между двумя различными количествами труда, поскольку «время, затраченное на две различные работы, не всегда само по себе определяет это взаимоотношение».⁸⁸ В этом случае надо принять во внимание также различную степень затраченных усилий и необходимого искусства работников. Дело в том, что «один час какой-нибудь тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия таким ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения». Поэтому «не легко найти точное мерило для определения степени трудности или ловкости. Правда, обычно при обмене продуктов различных видов труда принимается во внимание степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерила и дело решает рыноч-

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 44.

⁸⁵ Смит А. Указ. соч. С. 35.

⁸⁶ «Рассматривая труд под углом зрения его разделения в обществе, Смит приходит к выводу о том, что источником стоимости является труд в любой отрасли материального производства, а не какой-либо его специфический вид. Этот вывод имел весьма важное значение для экономической науки. Ведь Смит фактически утверждал, что труд как источник стоимости не зависит от своей отраслевой специфики, абстрагирован от нее и выступает как труд вообще. Эта позиция Смита открывала дорогу к категории абстрактного труда, а тем самым – к выявлению двойственного характера труда, создающего товар. Однако неразвитость исторического метода Смита не позволила ему провести различие между трудом вообще как затратой труда в физиологическом смысле слова и абстрактным трудом как особой исторической формой труда вообще, при которой затраченный труд превращается в общественный труд, выступающий в качестве меры и регулятора меновых отношений» / Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 107–108.

⁸⁷ Смит А. Указ. соч. С. 31.

⁸⁸ Там же.

ная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел».⁸⁹

Кроме того, подчеркивал А. Смит, «товары гораздо чаще обмениваются, а потому и сравниваются с другими товарами, чем с трудом. Поэтому более естественным является расценивать их меновую стоимость количеством какого-нибудь другого товара, а не количеством труда, которое можно на них купить. К тому же большинство людей лучше понимает, что означает определенное количество какого-нибудь товара, чем определенное количество труда. Первое представляет собою осязательный предмет, тогда как второе – абстрактное понятие, которое, хотя и может быть объяснено, не отличается такою простотою и очевидностью».⁹⁰

В этом контексте А. Смит суть своих размышлений резюмировал следующим образом. С тех пор как прекратилась меновая торговля, или бартерный обмен, и деньги превратились в общепризнанное средство обращения, каждый отдельный товар стал гораздо чаще обмениваться на деньги, чем на какой бы то ни было другой товар.⁹¹ «В результате этого меновая стоимость каждого товара чаще расценивается по количеству денег, чем по количеству труда или какого-нибудь другого товара, которое можно получить в обмен на него».⁹²

Таким образом, А. Смит довольно реалистично описывал те затруднения, которые связаны с определением стоимости товаров. Он правильно считал, что эти затруднения преодолеваются в ходе рыночной конкуренции. По его мнению, решающую роль в сравнении стоимости товаров играют деньги – особый товар, выступающий в качестве общепризнанного средства обращения.

В этой связи А. Смит различал действительную и номинальную цену товаров. Под **действительной ценой** он понимал действительную стоимость, или стоимость как таковую, т. е. труд, затраченный на производство товаров, а под **номинальной ценой** – деньги, или определенное количество золота и серебра, за которые покупаются и продаются те или иные товары. При этом А. Смит полагал, что если стоимость денег может меняться, то стоимость труда остается всегда неизменной. «Во все времена и повсюду, – писал он, – дорогим считалось то, что трудно достать или на приобретение чего требуется больше труда, а дешевым то, что легче достать или что требует затраты меньшего количества труда. Таким образом, один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, является единственным и действительным мерилom, при помощи которого во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров. Именно труд составляет их действительную цену, а деньги составляют лишь их номинальную цену».⁹³

Как видим, главный вопрос, который интересует А. Смита, – это вопрос о связи стоимости и цены. Однако он не исследовал стоимость саму по себе, сводя ее исключительно к затратам труда вообще, независимо от его исторически определенной общественной формы. В таком качестве труд представлялся ему вечным и естественным явлением, с одной стороны, образующим действительное мерило стоимости; с другой стороны, имеющим собственную стоимость, трактуемую как вознаграждение за труд. В результате А. Смит впадал в явное противоречие, поскольку, во-первых, тезис о признании стоимости труда и определении ее самим тру-

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ «Мясник, – пояснял А. Смит, – редко тащит своего быка или барана к булочнику или пивовару для того, чтобы обменять их на хлеб или на пиво; он отправляется с ними на рынок, где выменивает их на деньги, а затем обменивает эти деньги на хлеб и на пиво. Количество денег, которое он получает за них, определяет в свою очередь количество хлеба и пива, которое он может затем купить. Поэтому для него гораздо естественнее и проще расценивать их стоимость по количеству денег – товара, на который он непосредственно выменивает их, чем по количеству хлеба и пива – товаров, на которые он может обменять их только при посредстве третьего товара. Проще сказать, что мясо стоит три или четыре пенса за фунт, чем сказать, что оно стоит три или четыре фунта хлеба или три или четыре кварты пива» / Там же. С. 32.

⁹² Там же. С. 32.

⁹³ Там же. С. 32–33.

дом не выходит за рамки простой тавтологии; во-вторых, отождествление стоимости с меновой стоимостью вынуждало его выделять различные виды цен, с помощью которых он стремился раскрыть особенности рыночного механизма.

Уделяя пристальное внимание проблеме взаимосвязи действительной и номинальной цены, А. Смит подчеркивал, что если первая всегда имеет одну и ту же стоимость, то вторая, ввиду колебания стоимости денег (золота и серебра), может иметь весьма различные стоимости. Однако в данное время и в данном месте они, как правило, совпадают. Поэтому в данных условиях «деньги представляют собою точное мерило действительной меновой стоимости всех товаров, но только в определенное время и в определенном месте».⁹⁴

Переходя к исследованию составных частей цены товаров, А. Смит выделял два состояния общества: «первобытное, или мало развитое», и современное, или капиталистическое. По мнению А. Смита, в «первобытном обществе», которое, по существу, представляет собой эпоху простого товарного производства, «соотношение между количеством труда, необходимым для приобретения предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена их друг на друга».⁹⁵ Поясняя свою мысль, А. Смит указывал, что если, например, народу, занимающемуся охотой, приходится затрачивать вдвое больше труда, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, то один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей, или он будет иметь стоимость двух оленей. Поэтому любой продукт, изготовленный в течение двух дней или двух часов, будет соответственно иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготовленный в течение одного дня или одного часа.

Точно так же, если какой-либо вид труда требует особого искусства или ловкости, то он создает большую стоимость, воплощенную в продукте. Эти способности искусства являются результатом соответствующей подготовки, а потому они должны возмещаться за счет труда или времени, затраченного на их приобретение.

Согласно А. Смигу, «при таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затраченного на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет собой единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него»⁹⁶. Иначе говоря, в «первобытном обществе» осуществлялся эквивалентный обмен товаров в соответствии с **законом стоимости**, т. е. количеством необходимого труда, затраченного на их производство.

Ситуация коренным образом меняется с переходом к капиталистическому обществу, которое возникает на основе накопления капиталов и превращения земли в частную собственность. Здесь предприниматели используют наемный труд с целью получения прибыли. «Поэтому стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы».⁹⁷ Третьей составной частью стоимости и соответственно действительной цены товаров является рента, ибо при наличии частной собственности на землю работник «должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд».⁹⁸

⁹⁴ Там же. С. 36. «В каждый данный момент и в каждом данном месте деньги какой-либо страны представляют собою более или менее точное мерило стоимости в соответствии с тем, насколько находящаяся в обращении монета более или менее точно соответствует своему узаконенному масштабу или содержит более или менее точно то самое количество чистого золота или чистого серебра, которое оно должно содержать» / Там же. С. 43.

⁹⁵ Там же. С. 45.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 46.

⁹⁸ Там же. С. 47.

Следовательно, по А. Смиту, в капиталистическом обществе работнику принадлежит не весь продукт его труда, поскольку одну часть этого продукта присваивает владелец капитала, другую – собственник земли. В результате обмен между капиталом и трудом становится неэквивалентным, т. е. действие закона стоимости здесь нарушается. Обнаружив, таким образом, противоречие между законом стоимости и законом возрастания стоимости (прибавочной стоимости), А. Смит не сумел разрешить это противоречие, полагая, что в отношениях между капиталистами и наемными рабочими объектом купли-продажи является не рабочая сила, а труд.

Опираясь на описательный метод, А. Смит считал, что в капиталистическом обществе труд, затрачиваемый «на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием для определения количества труда, которое может быть куплено или получено в обмен за него. Очевидно, что добавочное количество приходится на долю прибыли с капитала, авансированного на заработную плату и доставившего сырой материал для рабочего». ⁹⁹ По мнению А. Смита, в этом обществе стоимость товаров определяется прежде всего суммой доходов, получаемых собственниками факторов производства, т. е. суммой заработной платы, прибыли и ренты.

Подобная трактовка, с одной стороны, заложила по существу основу теории факторов производства, которая получила дальнейшее и весьма своеобразное развитие в работах Ж.Б. Сэя; с другой стороны, послужила отправным пунктом выработанной А. Смитом **доходной теории стоимости**. Последняя также представлена в двух вариантах. Первый вариант гласит: стоимость товара распадается на три части – заработную плату, прибыль и ренту, т. е. на три формы дохода. В этом случае А. Смит смешивал стоимость товара с вновь созданной стоимостью, поскольку первая включает в себя еще и стоимость потребленных средств производства. Напротив, во втором варианте провозглашается, что «заработная плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из одного или другого из этих источников». ¹⁰⁰ В данном случае А. Смит смешивал стоимость с доходами, а потому вступал в противоречие с выдвинутой им трудовой теорией стоимости.

Приступая к анализу механизма рыночного ценообразования, А. Смит выделял естественную и рыночную цену товаров. Под естественной ценой он понимал цену, устанавливающуюся в соответствии с существующей в любом обществе естественной (обычной или средней) нормой заработной платы, ренты и прибыли на капитал, затраченный на производство и реализацию товаров. По мнению А. Смита, в этом случае товар продается по стоимости, т. е. по затратам производства, величина которых свидетельствует о том, во сколько он обошелся его владельцу. Следовательно, здесь речь идет об **издержках производства**. «... Смитовская “естественная цена”, – писал в этой связи К. Маркс, – в соответствии с предпосылками Смита, есть не что иное, как проистекающая из конкуренции цена издержек и эта *цена издержек* у самого Смита лишь постольку тождественна со «*стоимостью*» товара, поскольку Смит забывает свой более глубокий взгляд и остается при ошибочном взгляде, почерпнутом из *поверхностной видимости*, будто меновая стоимость товаров образуется путем сложения самостоятельно определяемых стоимостей заработной платы, прибыли и ренты». ¹⁰¹ Таким образом, здесь фактически А. Смит переходит на позиции теории издержек производства.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 49.

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 235. «... Если А. Смит отождествляет “естественную цену” товара, или его *цену издержек*, со *стоимостью* товара, то это происходит после того, как он предварительно оставил свой правильный взгляд на стоимость и заменил его тем взглядом, который навязывается явлениями конкуренции и проистекает из них. В конкуренции не *стоимость*, а *цена издержек* выступает как *регулятор рыночных цен*, так сказать, как *имманентная цена* – как стоимость товаров. А сама эта цена издержек выступает в конкуренции, в свою очередь, как нечто данное, как определяемая данной

Соответственно, под **рыночной ценой** – фактическую цену, по которой товар продается на рынке. Она постоянно тяготеет к естественной цене и в силу этого колеблется вокруг нее, т. е. может превышать последнюю или же быть ниже ее, или же совпадать с нею. На амплитуду этих колебаний воздействуют различные факторы: соотношение спроса и предложения, уровень доходов, характер и масштаб конкуренции, степень монополизации рынка и т. п. В свою очередь, естественная цена, согласно А. Смиту, меняется вместе с естественной нормой каждой из ее составных частей – заработной платы, прибыли и ренты. В каждом обществе эта норма изменяется в зависимости от его общих хозяйственных условий, богатства или бедности, ступени развития (прогресс, застой, упадок), особой сферы приложения капитала и труда.

Завершая рассмотрение теории стоимости А. Смита, отметим, что двойственность методологии, положенной им в ее основу, обусловила, как будет показано ниже, двойственность всей его теоретической системы. Именно эта двойственность послужила отправным пунктом трансформации буржуазной политической экономии, выразившейся, с одной стороны, в развитии **классического направления** данной науки, в рамках которого утвердилась трудовая теория стоимости; с другой стороны, в становлении ее **неклассического направления**, в рамках которого сложились различные варианты нетрудовой теории стоимости (ценности). По этой причине научные идеи теории стоимости А. Смита были восприняты и развиты Д. Рикардо и К. Марксом, а ненаучные элементы ее были выделены и систематизированы Ж.Б. Сэем, Т. Мальтусом, Дж. Миллем, Р. Торренсом, Д. Мак-Куллохом, Ф. Бастиа, Г. Кэри и др.

В противоположность А. Смигу Д. Рикардо наиболее последовательно развивал первый вариант его трудовой теории стоимости, отвергая в то же время ее второй вариант. В теоретико-методологическом отношении такой подход означал «решительный разрыв с присущим А. Смигу и пронизывающим все его произведение противоречием между эзотерическим и экзотерическим способом рассмотрения»¹⁰²...

В качестве исходного пункта трудовой теории стоимости Д. Рикардо выступает определение стоимости товара затраченным на его производство трудом, или рабочим временем. Данное определение образует основополагающий принцип метода Д. Рикардо, опираясь на который он исследовал экономические отношения буржуазного общества. «Метод Рикардо, – писал К. Маркс, – состоит в следующем: Рикардо исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем, а затем исследует, противоречат ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или в какой мере они модифицируют его».¹⁰³

Таким образом, Д. Рикардо сознательно исходил из принципа методологического монизма, с помощью которого он стремился объяснить всю совокупность внешних, поверхностных форм экономических явлений и процессов капиталистической системы с точки зрения их соответствия или несоответствия ее внутренней, сущностной основе. Указывая на эту особенность метода Д. Рикардо, К. Маркс писал: «Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы – для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса – есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, – отношения производства и обмена, – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще, насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления – соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт этой науки; дать

средней нормой заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому Смит и пытается установить эти последние самостоятельно, независимо от *стоимости* товара, рассматривая их, наоборот, как элементы “естественной цены”» / Там же. С. 254.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 182.

¹⁰³ Там же. С. 177.

себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В этом именно и состоит великое историческое значение Рикардо для науки».¹⁰⁴

Вместе с тем метод Д. Рикардо страдал, по словам К. Маркса, научной недостаточностью, которая выражалась, во-первых, в антиисторической, метафизической трактовке товарных отношений как имманентно присущих любой ступени человеческого общества. Поэтому Д. Рикардо рассматривал капиталистический способ производства как вечное и естественное явление, не понимая, что его историческими предпосылками являются простое товарное производство и простое товарное обращение.

Во-вторых, в неумении последовательно применять абстрактный метод, что проявляется не только «в способе изложения (со стороны формы), но и ведет к ошибочным выводам, так как этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом».¹⁰⁵ В частности, Д. Рикардо отождествлял по существу стоимость товара (явление, характерное для простого товарного производства и первоначального этапа становления капитализма) с ценой производства (представляющей собой превращенную форму стоимости в условиях развитого капитализма).

В-третьих, в непонимании двойственного характера труда, воплощенного в товаре. Поэтому «у Рикардо всюду происходит смешение между трудом, поскольку он представлен в потребительной стоимости, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости»,¹⁰⁶ т. е. между конкретным и абстрактным трудом. Кроме того, Д. Рикардо не проводил четкого различия между трудом как затратой физических и умственных сил человека и той особой исторической формой, которую он принимает в условиях товарного производства, т. е. между трудом вообще и абстрактным трудом. Указывая на то, что Д. Рикардо акцентировал свое внимание на проблеме величины стоимости товара, К. Маркс писал: «Форма же – особое определение труда, как создающего меновую стоимость, или выражающегося в меновых стоимостях, – характер этого труда у Рикардо не исследуется. Рикардо поэтому не понимает связи этого труда с деньгами, т. е. не понимает того, что этот труд непременно должен получить свое выражение в виде денег».¹⁰⁷

Несмотря на эти недостатки, Д. Рикардо впервые в истории экономической мысли сознательно использовал трудовую теорию стоимости в качестве важнейшего инструмента исследования капиталистической экономики. По его мнению, определение стоимости количеством затраченного труда «имеет для политической экономии в высшей степени важное значение: ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом “стоимость”».¹⁰⁸

Принимая смитовское разграничение двух факторов товара: потребительной и меновой стоимости, он утверждал, что полезность сама по себе не может быть источником и мерой последней. «... Полезность, – писал Д. Рикардо, – не является мерой меновой стоимости, хотя она существенно необходима для этой последней. Если предмет ни на что не годен, другими словами, если он ничем не служит нашим нуждам, он будет лишен меновой стоимости, как бы редок он ни был и каково бы ни было количество труда, необходимое для его получения».¹⁰⁹

¹⁰⁴ Там же. С. 178.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 141.

¹⁰⁷ Там же. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 176.

¹⁰⁸ Рикардо Д. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 35.

¹⁰⁹ Там же. С. 33.

В этой связи Д. Рикардо подверг резкой критике концепцию Ж.Б. Сэя, согласно которой стоимость (по его терминологии, ценность) определяется полезностью вещей. В письме к нему Д. Рикардо подчеркивал, что «полезность вещей представляет, бесспорно, основу стоимости, но степень полезности не может быть мерой стоимости. Товар, производимый с большей трудностью, будет всегда дороже, чем товар, производимый с большей легкостью, даже если бы все люди единодушно считали, что последний более полезен, чем первый».¹¹⁰

Д. Рикардо отмечал, что главный методологический порок этой концепции заключается в смешении факторов, создающих *потребительную стоимость*, с факторами, образующими стоимость, т. е. фактически конкретного труда с абстрактным. В соответствии с ней Ж.Б. Сэй полагал, что естественные факторы – солнце, воздух и т. п. являются источниками стоимости товаров, наряду с человеческим трудом. Критикуя данный подход, Д. Рикардо писал: «В противоположность Адаму Смиту г-н Сэй... говорит о стоимости, придаваемой товарам естественными факторами, как солнце, воздух, давление атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда оказывают ему содействие в производстве. Но эти естественные факторы придают товарам только потребительную стоимость, а не меновую, о которой говорит г-н Сэй».¹¹¹ Согласно Д. Рикардо, естественные факторы «... делают человека более богатым, увеличивая количество потребительных стоимостей, но они выполняют эту работу даром, так как за пользование воздухом, теплотой и водой мы ничего не платим. Поэтому содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости».¹¹² Отсюда вывод: «Г-н Сэй все время не замечает существенной разницы между потребительной стоимостью и меновой стоимостью».¹¹³

По мнению Д. Рикардо, «товары, обладающие полезностью, черпают свою меновую стоимость из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их производства».¹¹⁴ В этой связи он выделял некоторые товары, относящиеся к разряду невозпроизводимых благ (редкие статуи, картины, книги, монеты и т. п.), «стоимость которых определяется исключительно их редкостью», поскольку «никаким трудом нельзя увеличить их количество и потому стоимость их не может быть понижена в силу роста предложения».¹¹⁵ Поэтому стоимость таких товаров «совершенно не зависит от количества труда, первоначально необходимого для их производства, и изменяется в зависимости от изменения богатства и склонности лиц, которые желают приобрести их».¹¹⁶

«Но в массе товаров, ежедневно обменивающихся на рынке, – подчеркивал Д. Рикардо, – такие товары составляют очень незначительную долю. Подавляющее большинство всех благ, являющихся предметом желаний, доставляется трудом. Количество их может быть увеличено не только в одной стране, но и во многих в почти неограниченном размере, если только мы расположены затратить необходимый для этого труд.

Вот почему, говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых действие конкуренции не подвергается никаким ограничениям».¹¹⁷

Итак, Д. Рикардо различал два типа полезных благ, которые могут стать товарами: невозпроизводимые и свободно воспроизводимые. При этом он утверждал, что источником стоимости невозпроизводимых благ является их редкость, а свободно воспроизводимых благ – чело-

¹¹⁰ Там же. Соч. Т. V. М., 1961. С. 263.

¹¹¹ Там же. С. 235–236.

¹¹² Там же. С. 236.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. Соч. Т. I. С. 33.

¹¹⁵ Там же. С. 34.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

веческий труд, затраченный на их производство. Это, пожалуй, единственный случай, когда Д. Рикардо проявил непоследовательность в трактовке трудовой теории стоимости, поскольку определение стоимости редкостью противоречит исходному принципу этой теории.

Дело в том, что редкость сама по себе не может выступать в качестве источника стоимости невоспроизводимых благ, представленных на рынке. Это объясняется тем, что редкость предопределяет лишь динамику колебания предложения и спроса на подобные блага. Но она ни в коей мере не оказывает и не может оказать никакого воздействия на их стоимость. Последняя, как известно, всегда определяется количеством общественно необходимого труда, затраченным на производство тех или иных товаров в данное время и в данных условиях. Однако невоспроизводимые блага суть особые товары, представляющие собой уникальные, неповторимые произведения мастеров, индивидуальный труд которых невозможно сопоставить с трудом, воплощенным в свободно воспроизводимых товарах, а потому он не превращается в общественно необходимый. В силу этого невоспроизводимые блага не обладают стоимостью. Но, становясь товарами, они приобретают цену (как правило, монопольную). Последняя есть необычная цена, поскольку она выражает не их стоимость, а потребительную стоимость, вследствие чего она колеблется в зависимости от потребностей покупателей, величины их доходов и т. п. Следовательно, это не действительная, а иррациональная цена, движение которой осуществляется не в соответствии с законом стоимости, а под воздействием закона спроса и предложения.¹¹⁸

Несмотря на указанную непоследовательность, Д. Рикардо значительно дальше А. Смита продвинул разработку трудовой теории стоимости. Прежде всего Д. Рикардо более четко определил такие понятия, как действительная и относительная стоимость, понимая, по словам К. Маркса, под первой стоимость как овеществление в товаре определенного рабочего времени, т. е. абсолютную стоимость, а под второй – выражение содержащегося в товаре рабочего времени в потребительной стоимости другого товара, т. е. меновую стоимость. Имея в виду это обстоятельство, Д. Рикардо писал: «... Труд является основой всякой стоимости... относительное количество его определяет почти исключительно относительную стоимость товара»¹¹⁹... И в другом месте: «... Настоящую или прошедшую относительную стоимость товаров опреде-

¹¹⁸ «По Рикардо получается, – отмечает в этой связи В.С. Афанасьев, – что определение стоимости товара его редкостью (фактически определенным соотношением спроса и предложения, поскольку редкость – это превышение спроса над предложением) представляет собой исключение из закона стоимости. Это действительно исключение, но в несколько ином смысле: невоспроизводимые товары не обладают стоимостью, хотя они продаются и покупаются по определенным ценам. Ведь стоимость товара в количественном отношении – это общественно необходимые затраты труда, регулирующие меновые пропорции при товарном обмене. Что касается невоспроизводимых товаров, то затраты труда на их производство не регулируют их цены. Эти затраты остаются неизменными после того, как такие товары произведены, а цены на них имеют тенденцию расти и быть очень высокими. Такие ценовые особенности объясняются тем, что воспроизвести эти товары невозможно, а потому и их цены приобретают монопольный характер и определяются все более усиливающимся преобладанием спроса на такие товары над их предложением. Отсюда следуют важные выводы, – поясняет далее автор, – в частности, заключение о том, что в отношении товаров, представляющих собой произведения искусства, действуют два различных механизма ценообразования. Первый – при жизни художника, когда его творения представляют собой воспроизводимые блага и цены на них устанавливаются в ходе конкуренции на рынке на основе их стоимости, обычно при превышении предложения художественных произведений над спросом на них, а потому, как правило, на достаточно низком уровне. По этой причине многие художники оказываются в бедственном материальном положении. Второй механизм ценообразования складывается после смерти художника, когда созданные им произведения искусства превращаются в невоспроизводимые блага. Их предложение вырасти уже не может, а спрос на них увеличивается (разумеется, только в том случае, если это действительно произведения искусства или создана иллюзия, что они являются таковыми). Цены на них поэтому приобретают монопольный характер, которые непосредственно определяются соотношением спроса и предложения, а не затратами общественно необходимого труда на производство этих товаров, и по этой причине цены начинают расти, достигая нередко баснословных величин. Результаты труда художника при этом пожинают либо его наследники, либо скупщики произведений искусства. Яркий пример тому – судьба выдающегося итальянского художника Амедео Модильяни (1884–1920), в 36 лет умершего в нищете, картины которого после его кончины обогатили многих торговцев живописью» / Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 175–176.

¹¹⁹ Рикардо Д. Указ. соч. Т. 1. С. 40.

ляет сравнительное количество их, которое производит труд, а не сравнительные количества, которые даются рабочему в обмен на его труд».¹²⁰

В этой связи Д. Рикардо подвергнул критике трудовую теорию стоимости А. Смита, определявшего стоимость то трудом затраченным, то трудом покупаемым и считавшего их равнозначными понятиями. По его мнению, второе определение стоимости неверно, поскольку при капитализме труд затраченный и труд покупаемый не равны друг другу. Поясняя свою мысль, Д. Рикардо отмечал, что вознаграждение рабочего здесь не пропорционально тому, сколько он произвел, количество труда, затраченное на производство товара, отнюдь не равно количеству труда, которое за этот товар можно купить.¹²¹

В противоположность А. Смигу Д. Рикардо утверждал, что величина стоимости товара определяется только количеством труда, затраченного на его производство. «Если меновая стоимость товаров, – писал он, – определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость того товара, на который затрачивается труд, а всякое уменьшение – понижать ее».¹²² Следовательно, по Д. Рикардо, величина стоимости товара находится в прямо пропорциональной зависимости от количества воплощенного в нем труда и обратно пропорциональной – от производительности труда.

Сосредоточив свое внимание на исследовании меновой, или относительной, стоимости, Д. Рикардо вместе с тем поставил ряд важных вопросов, осмысление которых оказало существенное влияние на последующее развитие трудовой теории стоимости. Так, он указывал на необходимость разграничения качественно различных видов труда и их отношения к определению стоимости товара, т. е. фактически о разграничении простого и сложного труда, их роли в образовании стоимости. В этой связи Д. Рикардо установил, что «труд различного качества вознаграждается различно». Однако «это обстоятельство не служит причиной изменения относительной стоимости товаров».¹²³ По его мнению, это объясняется прежде всего тем, что вознаграждение рабочего, его заработная плата не определяет величину стоимости товара, поскольку последняя определяется заключенным в нем трудом. В силу этого различия в степени сложности труда, с одной стороны, не могут служить препятствием к тому, чтобы рассматривать труд в качестве источника стоимости; с другой стороны, эти различия устраняются посредством рынка, где более сложные в качественном отношении отдельные виды труда сводятся по существу к определенному количеству простого труда. «Оценка труда различных качеств, – отмечал Д. Рикардо, – скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда. Раз сложившаяся шкала подвергается незначительным изменениям. Если день труда рабочего ювелира стоит больше, чем день труда простого рабочего, то это отношение уже давно установлено и заняло свое надлежащее место в шкале стоимости».¹²⁴

Будучи экономистом эпохи промышленного переворота, Д. Рикардо считал чрезвычайно важным вопрос о переносе стоимости с используемых в процессе производства средств труда на изготовляемый с их помощью продукт. Впервые этот вопрос был поставлен Ф. Кенэ в его знаменитой «Экономической таблице». Однако он лишь зафиксировал факт перенесения стоимости средств труда на производимый продукт, не объясняя особенностей данного процесса. Напротив, Д. Рикардо сознательно стремился осмыслить этот факт с точки зрения трудовой теории стоимости. Суть своего подхода он изложил следующим образом: «На стоимость товара

¹²⁰ Там же. С. 38.

¹²¹ См. там же. С. 35.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 40.

¹²⁴ Там же.

влияет не только труд, применяемый непосредственно к ним, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду».¹²⁵

Однако, не понимая двойственного характера труда, Д. Рикардо не сумел раскрыть механизм перенесения стоимости средств труда на вновь производимый продукт, становящийся товаром. По этой причине он не имел также ясного представления о двойственном результате затрат такого труда: наличия в стоимости товара двух различных частей – перенесенной стоимости (результат конкретного труда) и вновь созданной стоимости (результат абстрактного труда).

Именно это обстоятельство предопределило, в свою очередь, двойственную позицию Д. Рикардо по отношению к доходной теории стоимости А. Смита. С одной стороны, будучи последовательным сторонником трудовой теории стоимости, Д. Рикардо решительно выступал против второго варианта данной теории, в соответствии с которым доходы провозглашались источниками стоимости. С другой стороны, он фактически соглашался с первым ее вариантом, в котором утверждалось, что вся стоимость товара, в конечном счете, распадается на доходы. Следовательно, Д. Рикардо совершал ту же ошибку, что и А. Смит, т. е. игнорировал стоимость потребленных средств производства и тем самым впадал в совершенно очевидное противоречие, поскольку признавал вместе с тем факт переноса старой стоимости на новый товар.

Весьма важной также является постановка Д. Рикардо вопроса о регуляторе меновых отношений, т. е. о законе стоимости. «Меновая стоимость всех товаров, – писал он, – будут ли то промышленные изделия или продукты рудников, или земледельческие продукты – никогда не регулируется наименьшим количеством труда, достаточным для их производства при особо благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особыми возможностями. Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, по необходимости затрачиваемым на производство товаров теми, кто не пользуется такими условиями и продолжает производить при самых неблагоприятных условиях; под последними понимаются такие, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено требуемое количество продуктов».¹²⁶

Таким образом, Д. Рикардо по существу провел различие между затратами труда на производство товаров в отдельных отраслях экономики и на производство этих товаров, выступающих в качестве регулятора меновых отношений, т. е. теми затратами, которые характеризуют суть закона стоимости. Вместе с тем выдвинутое Д. Рикардо положение о наибольших затратах труда при худших условиях производства как регуляторе меновой стоимости товаров является ошибочным. Дело в том, что оно применимо лишь к механизму ценообразования на продукцию сельского хозяйства, в то время как в промышленных отраслях экономики в качестве такого регулятора в действительности выступают затраты труда не при худших условиях производства, а при средних, а в особых случаях, даже близко к лучшим. Кроме того, ошибочным является и другое положение Д. Рикардо, согласно которому закон стоимости присущ всем историческим эпохам и формам хозяйства.

Указывая на ключевую роль труда как регулятора меновой стоимости товаров, Д. Рикардо вместе с тем подчеркивал, что отсюда вовсе не следует необходимость отрицания случайных и временных отклонений фактической, или рыночной, цены товаров, от их действительной

¹²⁵ Там же. С. 42. «Выяснение этой проблемы имело огромное значение. Рикардо показал, что орудия труда не создают новой стоимости. Их собственная стоимость, являющаяся результатом прошлого труда, переносится в процессе производства на изготавливаемый товар. Тем самым Рикардо выступил против теории “производительности капитала” Сэя и Мальтуса, объявлявшей капитал источником прибыли, и дал более глубокое, нежели А. Смит, обоснование трудовой теории стоимости. В отличие от Смита Рикардо пришел к выводу о том, что в условиях капиталистической экономики (а не только при простом товарном хозяйстве) стоимость товаров определяется трудом, затраченным на их производство, что накопление капитала не отменяет принципа трудовой стоимости, а лишь усложняет процесс образования стоимости товара» / *Афанасьев В.С.* Указ. соч. С. 180–182.

¹²⁶ *Рикардо Д.* Соч. Т. 1. С. 69.

и естественной цены. Восприняв эти понятия от А. Смита, он вслед за ним утверждал, что подобные отклонения зависят от различных факторов: спроса и предложения, повышения или понижения нормы прибыли предпринимателей, прилива и отлива капиталов в определенные отрасли экономики и т. п. Решающую роль здесь играет конкуренция. Именно она «устанавливает меновую стоимость товаров на таком уровне, при котором после выдачи заработной платы за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих расходов, требующихся для того, чтобы применяемый капитал сохранил состояние своей первоначальной пригодности, остаток стоимости, или избыток ее, будет в каждой отрасли пропорционален стоимости затраченного капитала».¹²⁷

Следует также отметить, что в рамках своей трудовой теории стоимости Д. Рикардо затронул и такой важный вопрос, как соотношение понятий стоимости и богатства, понимая под последним определенное количество производимых в обществе потребительных стоимостей. Указывая на необходимость различения этих понятий, он писал: «Стоимость существенно отличается, следовательно, от богатства, ибо она зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства. Труд 1 млн. человек на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимость, но он не произведет всегда одно и то же богатство».¹²⁸ Развивая эту мысль, Д. Рикардо пояснял, что в результате изобретения новых машин, использования более квалифицированных рабочих, лучшего разделения труда, открытия новых рынков для выгодного обмена товаров создается больше богатства, т. е. разнообразных предметов. Но при этом стоимость каждого из них не увеличивается, так как она «повышается или падает пропорционально легкости или трудности его производства, или, другими словами, пропорционально количеству труда, затраченного на его производство».¹²⁹ Таким образом, Д. Рикардо установил, что с ростом производительности труда величина стоимости товаров падает, а масса потребительных стоимостей растет.

Д. Рикардо понимал, что многие ошибки в политической экономии проистекают из смешения потребительной стоимости товара и его стоимости. Так, он писал: «Многие заблуждения в политической экономии объясняются ошибочными взглядами на этот предмет, а именно отождествлением возрастания богатства с возрастанием стоимости и слабо обоснованными понятиями о том, что является стандартной мерой стоимости».¹³⁰ И далее: «Только вследствие смешения понятий стоимости богатства или благосостояния можно было утверждать, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. предметов необходимости, удобства и удовольствия».¹³¹

Однако отсутствие концепции двойственного характера труда, воплощенного в товаре, не позволило Д. Рикардо решить вопрос о соотношении потребительной стоимости товара и его стоимости с точки зрения данной концепции, выявить внутреннюю причину их противоположного движения в условиях повышения производительности труда, хотя он и обнаружил это явление и пытался его осмыслить.

В целом, трудовая теория стоимости Д. Рикардо, несмотря на присущие ей недостатки, в ряде случаев, как мы видели, весьма существенные, тем не менее является монистичной, опирающейся на единый исходный принцип – затрат труда на производство товара. В этой связи он решительно выступал против всех попыток объяснить величину стоимости колебаниями спроса и предложения и показал, что эти колебания предопределяются в конечном счете дей-

¹²⁷ Там же. С. 83.

¹²⁸ Там же. С. 226.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 227.

¹³¹ Там же. С. 228.

ствием закона стоимости, в соответствии с которым осуществляется рыночное ценообразование.

§ 3. Теория стоимости К. Маркса

Она представляет собой завершающий этап в развитии трудовой теории стоимости. Критически переосмыслив концептуальные идеи классиков политической экономии (прежде всего Д. Рикардо), он совершил революционный переворот, который затронул все составные части этой науки. По мнению Ф. Энгельса, такой переворот стал возможным благодаря применению в политической экономии диалектического метода, выработанного выдающимся немецким философом Г. Гегелем.

В рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс отмечал, что ее автору предстояло, прежде всего, решить следующий вопрос: как развивать науку? Имея в виду общеметодологическую значимость этого вопроса, Ф. Энгельс писал: «Таким образом, тут надо было решить другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следует избрать? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в совершенно абстрактном “спекулятивном” виде, в каком ее оставил после себя Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по преимуществу вольфовски-метафизический метод, следуя которому буржуазные экономисты и писали свои бессвязные толстые книги. Этот последний настолько был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем, что только косность и отсутствие другого *простого* метода могли сделать возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в *данной* его форме был абсолютно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистическим, чем все прежние. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, “от ничего через ничто пришел к ничему”, был в этом виде здесь совершенно неуместен. Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было по крайней мере использовать. Этот метод не подвергался критике, он не был опровергнут, никто из противников великого диалектика не смог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что гегелевская школа не знала, что с ним делать. Поэтому надо было прежде всего подвергнуть гегелевский метод основательной критике».¹³²

Великая заслуга К. Маркса, по словам Ф. Энгельса, состоит в материалистической переработке гегелевской логики, что позволило ему, с одной стороны, высвободить из нее рациональное ядро, которое заключает в себе действительные открытия Г. Гегеля в этой области;

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 495–496. Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал, что «гегелевский способ мышления отличался от способа мышления других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последнее, собственно, должно было служить только подтверждением первого. Если при этом истинное отношение было перевернуто и поставлено на голову, то все же реальное содержание повсюду проникало в философию, тем более, что Гегель в отличие от своих учеников не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще поразительна, особенно если сравнить с ним его предшественников или тех, кто после него отважился пускаться в общие размышления об истории. В “Феноменологии”, в “Эстетике”, в “Истории философии” – повсюду красной нитью проходит это великолепное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной, связи с историей. Это составившее эпоху понимание истории было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода. Если эта забытая диалектика, даже с точки зрения “чистого мышления”, привела к таким результатам, если она к тому же, как бы играючи, покончила со всей прежней логикой и метафизикой, то, значит, в ней во всяком случае было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения. Но критика этого метода была нелегкой задачей; вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее» / Там же. С. 496.

с другой стороны, восстановить диалектический метод, освобожденный от идеалистических оболочек, на подлинно научной основе, вследствие чего он и становится единственно правильной формой развития мышления. Ф. Энгельс придавал выработке такого метода, впервые примененного К. Марксом в процессе критики политической экономии, столь большое значение, что ставил ее в один ряд с открытием материалистического понимания истории.¹³³

По Ф. Энгельсу, критику политической экономии, согласно диалектическому методу, выработанному К. Марксом, можно было проводить двояким образом: исторически и логически. При этом исторический метод позволяет в общем и целом проследить действительное развитие от простейших отношений к более сложным и в силу этого излагать экономические категории в их исторической последовательности, совпадающей в конечном счете с логической. Именно данный метод, на первый взгляд, кажется наиболее правильным в научном отношении, обладающим преимуществом большей ясности. Однако на самом деле он был бы в лучшем случае только более популярным. Прежде всего это обусловлено тем, что развитие истории «часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей». Кроме того, «нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа». Поэтому «единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод, – подчеркивал Ф. Энгельс, – в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы».¹³⁴

Установив, что единственно подходящим для критики политической экономии, а стало быть, и для плодотворного развития этой науки является логический метод, Ф. Энгельс далее в краткой и вместе с тем в довольно лаконичной форме раскрыл суть этого метода. «При этом методе, – писал он, – мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим (имеется в виду товарное отношение – Н. С.). Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешились, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развивать и т. д.»¹³⁵

Итак, суть логического метода заключается в отыскании первого и наиболее простого экономического отношения, материальным носителем которого в данном случае является товар.¹³⁶ Это отношение выражает связь двух противоположных сторон товара. Согласно этому

¹³³ См. там же. С. 496–497.

¹³⁴ Там же. С. 497.

¹³⁵ Там же. С. 497–498.

¹³⁶ «Политическая экономия начинается с товара, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга отдельными людьми или первобытными общинами. Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только

методу, сначала анализируется каждая сторона последнего в отдельности, затем их взаимодействие друг с другом, что позволяет установить внутренние противоречия данного отношения. Эти противоречия разрешаются на практике, вследствие чего образуется новое отношение, противоположные стороны которого должны стать соответственно объектом нового теоретического исследования.

Именно такой метод лежит в основе «Капитала» К. Маркса. Характеризуя исходный пункт (начало) своего исследования, он отмечал, что наибольшие трудности здесь представляет понимание экономической природы товара, товарной формы продукта труда, или формы стоимости товара. Чем обусловлены эти трудности? Прежде всего тем, что «форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть экономическая клеточка буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия».¹³⁷

Таким образом, товар представляет собой **экономическую клеточку** буржуазного общества, т. е. общества, в котором товарные отношения становятся всеобщими. Как в любом живом организме клетка пронизывает все его ткани, так и товарные отношения пронизывают все ткани данного общества. В этой связи К. Маркс писал: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как “огромное скопление товаров”, а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара».¹³⁸

Возникает вопрос: о каком собственно товаре идет речь у К. Маркса – докапиталистическом или же капиталистическом? В литературе можно обнаружить две прямо противоположные точки зрения по этому вопросу. Одни авторы утверждают: «Изучать капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, – а это диктуется диалектикой, – значит начать его исследование именно с того, с чего начинается и его история, т. е. с простого товарного производства и даже с возникновения последнего – с возникновения товарной формы продукта, с возникновения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, в котором уже заложены, как учит Ленин, все противоречия капиталистического способа производства».¹³⁹ Следовательно, согласно автору, К. Маркс имеет здесь дело с докапиталистическим товаром, появившимся в условиях простого товарного производства.

Другие авторы, напротив, полагают, что К. Маркс в первом отделе «Капитала» рассматривает товар как простейшую категорию. Указывая на это обстоятельство, В.П. Шкредов пишет: «Товар в первом отделе “Капитала” изображается как “простейшая экономическая конкрет-

потому, что в этой вещи, в этом продукте, завязывается отношение между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, которое проходит через всю политическую экономию и порождает в головах буржуазных экономистов ужасную путаницу: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всем ее значении для политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты» / Там же. С. 498.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

¹³⁸ Там же. С. 43.

¹³⁹ Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. Т.1. М., 1961. С. 46–47.

ность” или как “простейшая общественная форма” продукта труда не какого-нибудь вообще, а именно буржуазного общества, хотя он представлен еще без определений, полагаемых капиталистическим характером процесса производства». ¹⁴⁰

На наш взгляд, обе точки зрения по данному вопросу страдают односторонностью, проистекающей из непонимания одного из существенных моментов логического метода, связанного со способом восхождения от абстрактного к конкретному. Согласно этому способу, в данном случае исходная абстракция – экономическая клеточка (товар) – должна отражать в своем содержании, во-первых, самое первое и наиболее простое экономическое отношение, являющееся исторической предпосылкой капиталистического способа производства; во-вторых, исходное противоречие, на основе которого и из которого вырастают все противоречия последнего; в-третьих, место и роль исходного отношения в зрелом, развитом капиталистическом обществе, достигшем своей классической формы; в-четвертых, совпадение исторического и логического в теоретическом исследовании.

В этом контексте простое товарное производство и товарное обращение являются историческими предпосылками капиталистического способа производства, а стало быть, простой товар предшествует капиталистическому. Именно на это обстоятельство обращал внимание Ф. Энгельс, когда критиковал П. Фиремана, который не понимал диалектики развития экономических категорий в «Капитале» К. Маркса. «Ведь само собой разумеется, – писал Ф. Энгельс, – что когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно, логическом процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, – почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного; этого Фиреман, конечно, никак не может понять». ¹⁴¹

Однако в зрелом капиталистическом обществе, развивающемся на своей собственной основе, складывается совершенно иная ситуация. Здесь, по словам К. Маркса, «... предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности как капитала, теперь являются результатом его собственного осуществления, полагаемой им действительности, являются не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия. Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста». ¹⁴²

¹⁴⁰ Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973. С. 66. Заметим, аналогичная точка зрения развивается и в философской литературе. Так, В.А. Вазюлин пишет: «К. Маркс начинает именно с капиталистического товара, с товара, существующего при господстве капиталистического способа производства, а отнюдь не с простого товарного производства». И в другом месте: «К. Маркс исходит не из исторических предпосылок буржуазного общества, а, ... из буржуазного общества, развивающегося на своей собственной основе, когда исторические предпосылки исчезли. К. Маркс не начинает с капиталистически модифицированного товара только в том смысле, что он не рассматривает в начале товарный капитал. Но К. Маркс берет капиталистически модифицированный товар в том смысле, что в первых главах “Капитала” товар в его существовании в качестве простого товара есть товар капиталистического, а не докапиталистического общества. К. Маркс фиксирует простой товар капиталистического общества. Именно это обстоятельство, что это простой товар капиталистического общества, определяет и характер его рассмотрения, и место в системе экономических категорий» / Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 2002. С. 61, 361.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 16, 19.

¹⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 448. «Этот ход изложения, – писал К. Маркс в другом месте, – соответствует также и историческому развитию капитала, для которого обмен товаров, торговля товарами являются одним из условий его возникновения, которое, однако, в свою очередь создается на основе различных ступеней производства: общим для всех этих ступеней является то, что капиталистическое производство пока еще совсем не существует или существует только спорадически. С другой стороны, развитый обмен товаров и форма товара как всеобщее необходимая общественная форма продукта

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в первом отделе «Капитала» К. Маркса товар рассматривается одновременно в двух взаимосвязанных аспектах: 1) историческом – как простой товар, или товар вообще, выступающий в качестве условия и предпосылки существования капитала; 2) в логическом – как продукт капитала, которому имманентны родовые (общие) признаки простого товара, т. е. он выступает здесь как предмет, или вещь, обладающая потребительной стоимостью и стоимостью. В силу этого данные аспекты взаимообуславливают и предполагают друг друга, вследствие чего всякое их резкое противопоставление, тем более в методологическом отношении, лишено научного смысла.

Согласно К. Марксу, на поверхности буржуазного общества товар выступает как предмет, вещь, которая благодаря ее определенным свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Последние разнообразны по своей природе. Однако экономическая форма товара не зависит ни от того, какие это потребности (материальные, духовные и т. п.), ни от того, как удовлетворяется та или иная потребность: непосредственно, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или опосредованно, т. е. как средство производства.

Каждую такую вещь (например, железо, бумагу и т. п.) можно рассматривать с двух точек зрения: 1) со стороны качества и 2) со стороны количества. Качество вещи характеризует ее содержание, т. е. всю совокупность присущих ей свойств. Поэтому она может быть полезна различными своими сторонами.¹⁴³

В этой связи К. Маркс отмечал, что «полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п. само есть потребительная стоимость, или благо».¹⁴⁴ Следовательно, потребительная стоимость есть способность полезной вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность.

Потребительная стоимость товара характеризуется следующими чертами:

- 1) потребительная стоимость находится в прямой зависимости от естественных свойств той или иной вещи;
- 2) потребительная стоимость не зависит от количества труда, затраченного на производство данной вещи;
- 3) при рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность;
- 4) потребительные стоимости товаров составляют предмет особой научной дисциплины – товароведения;
- 5) потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании, или потреблении;

суть только результат капиталистического способа производства» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 3–4.

¹⁴³ «Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития. То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти являются условными» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 43–44.

¹⁴⁴ Там же. С.44. «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. **Потребительная стоимость, хотя и является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения** (выделено нами – Н. С.). Например, данный товар, как потребительная стоимость, есть алмаз. По алмазу нельзя узнать, что он товар. Там, где он служит как потребительная стоимость, эстетически или технически на груди лоретки или в руке стекольщика, он является алмазом, а не товаром. **Быть потребительной стоимостью представляется необходимым условием для товара, но быть товаром, это – назначение, безразличное для потребительной стоимости** (выделено нами – Н. С.). Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. как потребительная стоимость находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией. **К области последней потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы** (выделено нами – Н. С.). Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, меновая стоимость» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 14.

б) потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, независимо от его общественной формы;

7) в капиталистическом обществе потребительные стоимости являются вещественными носителями меновой стоимости.

В противоположность потребительной стоимости, выражающей качественную определенность товара, меновая стоимость характеризует его количественную определенность, связанную с процессом обмена. «Меновая стоимость прежде всего проявляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места».¹⁴⁵ Поэтому меновая стоимость кажется чем-то случайным, чисто относительным и непостоянным.

Но при внимательном рассмотрении процесса обмена одного товара на другой обнаруживается, что они должны обладать меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, т. е. быть равновеликими. «Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь “формой проявления” какого-то отличного от нее содержания».¹⁴⁶

Таким образом, процесс обмена товаров предполагает наличие некоего равенства, сведение меновых стоимостей к чему-то общему, ибо только в этом случае становится возможным данный процесс. «Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если она имеется в надлежащей пропорции».¹⁴⁷

Если отвлечься от потребительной стоимости товаров, то у них останется лишь одно общее свойство, а именно то, что они являются продуктами труда. При этом их чувственно воспринимаемые свойства угасают. Равным образом это относится и к труду. Последний выступает в этом случае не в определенной форме полезного труда (например, столяра, плотника, прядильщика), а как труд вообще, безотносительно к его полезной форме, т. е. как одинаковый человеческий труд, как абстрактно человеческий труд. Теперь все вещи представляют собой «лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости».¹⁴⁸ Следовательно, стоимость – это воплощенный в товаре общественный труд.

В процессе обмена товаров их меновая стоимость выступает как нечто самостоятельное, совершенно независимое от их потребительных стоимостей. Отвлечение от последних позволило установить, что за меновой стоимостью товаров скрывается их стоимость. «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления, стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы».¹⁴⁹

¹⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 44.

¹⁴⁶ Там же. С. 45.

¹⁴⁷ Там же. С. 45–46.

¹⁴⁸ Там же. С. 46.

¹⁴⁹ Там же. С. 47.

Итак, товар обладает двумя факторами: потребительной стоимостью (внешний фактор) и стоимостью (внутренний фактор). При этом стоимость товара тесно связана с меновой стоимостью. Но это не тождественные категории, поскольку меновая стоимость есть способ выражения, форма проявления стоимости, обнаруживающаяся в процессе обмена. В товаре потребительная стоимость и стоимость образуют диалектически противоречивое единство: они противоположны по своему содержанию и вместе с тем не могут существовать обособленно вне товарной формы.

По К. Марксу, как потребительные стоимости товары качественно разнородны и количественно несоизмеримы. Напротив, как стоимости все товары качественно однородны и количественно соизмеримы. Поскольку стоимость – это не природный, а общественный фактор, постольку она обнаруживает себя лишь в процессе обмена товаров, в отношениях между товаровладельцами. Это скрытое вещной оболочкой общественно экономическое отношение.¹⁵⁰

Как же измерить величину стоимости товара? «Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой “созидающей стоимости субстанции”. Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.»¹⁵¹.

При этом величина стоимости товара определяется не индивидуальными затратами труда, или не индивидуальным рабочим временем, т. е. не тем рабочим временем, которое затрачивается отдельным производителем при данных конкретных условиях производства, а общественно необходимыми затратами труда, или общественно необходимым рабочим временем, т. е. тем рабочим временем, которое расходуется на производство товара при общественно нормальных условиях производства и среднем уровне умелости и интенсивности труда. «Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».¹⁵² В реальной действительности в качестве такого времени выступает среднее рабочее время, затраченное на производство данной единицы продукции той частью товаропроизводителей, которая обеспечивает основной выпуск товарной массы, представленной на рынке.

По мнению К. Маркса, на величину стоимости товара решающее влияние оказывает производительная сила труда, которая определяется разнообразными факторами: средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления того или иного изделия, тем меньше содержится в нем труда, тем меньше его стоимость. Напротив, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления данного изделия, тем больше содержится в нем труда, тем больше его стоимость. Отсюда вывод: «Величина стои-

¹⁵⁰ «Трудность понимания товара, – писал Ф. Энгельс, – заключается в том, что он, как и все категории капиталистического способа производства, представляет отношение лиц под вещной оболочкой. Сопоставляя свои продукты как товары, производители сопоставляют различные виды своего труда как всеобщий человеческий труд; без этого опосредствования вещью они не могут обойтись. Отношение *лиц проявляется*, следовательно, как отношение *вещей*» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 253.

¹⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 47.

¹⁵² Там же. С. 48.

мости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящей себе осуществление в этом товаре». ¹⁵³

По К. Марксу, вещь, как товар, обладает потребительной стоимостью и стоимостью только при следующих условиях:

1) если вещь является продуктом человеческого труда, создающего стоимость;

2) если вещь изготавливается не для удовлетворения собственных потребностей производителя, т. е. как индивидуальная потребительная стоимость, а для удовлетворения потребностей других людей, вследствие чего она приобретает характер общественной потребительной стоимости;

3) если вещь передается от одного лица к другому не путем прямого отчуждения, а посредством обмена;

4) если вещь является предметом потребления и обладает стоимостью. ¹⁵⁴

В этой связи К. Маркс установил, что двойственность товара, выражающаяся в противоречивом единстве потребительной стоимости и стоимости, обусловлена, в конечном счете, двойственным характером труда, создающего данный товар. Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда, отмечал К. Маркс, впервые критически доказана им в работе «К критике политической экономии». ¹⁵⁵ По его мнению, «... этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии». ¹⁵⁶ Именно на это обстоятельство он обращал внимание в своих письмах к Ф. Энгельсу. Так, в письме от 24 августа 1867 г. К. Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге (имеется в виду первый том «Капитала» – Н. С.): 1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов)». ¹⁵⁷ В другом письме от 8 января 1868 г. он отмечал, «что от внимания всех экономистов без исключения ускользала та простая вещь, что если товар представляет собою нечто двойственное, а именно – потребительную стоимость и стоимость меновую, то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер, в то время анализ труда *sans phrase* без дальнейших определений, как у Смита, Рикардо и т. д., постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В этом действительно вся тайна критического понимания вопроса». ¹⁵⁸

Учение К. Маркса о двойственной природе содержащегося в товаре труда явилось крупным открытием в области политической экономии, важной составной частью революционного переворота, совершенного К. Марксом в этой науке. ¹⁵⁹ Исключительная методологическая

¹⁵³ Там же. С. 49.

¹⁵⁴ «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. {И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть – в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости посредством обмена. – Прим. Ф.Э.} Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости» / Там же.

¹⁵⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 21, 22.

¹⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 50.

¹⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 9.

¹⁵⁹ «... Открытие К. Марксом двойственного характера труда принадлежит к числу величайших свершений человеческого гения, сравнимых, пожалуй, лишь с раскрытием тайны строения атомного ядра, позволившим подойти к пониманию природы строения материи. Исследование К. Марксом двойственной природы содержащегося в товарах труда дало ключ к выявлению двойственного характера всех экономических процессов и явлений товарного, прежде всего капиталистического, производства» / *Афанасьев В.С.* Великое открытие К. Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М.,

роль этого учения заключается в том, что оно позволило К. Марксу найти ключ к объяснению двойственности всей совокупности явлений и процессов товарно-капиталистического производства и на этой основе завершить разработку трудовой теории стоимости, открыть закон прибавочной стоимости – основной экономической закон движения буржуазного общества.¹⁶⁰

Согласно К. Марксу, двойственность труда товаропроизводителей проистекает из двойственного характера функционирования их рабочей силы. Он показал, что в условиях товарного производства, с одной стороны, рабочая сила расходуется в полезной, целесообразной форме, т. е. в качестве **конкретного труда**, создающего потребительную стоимость товара. Такой труд «определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом».¹⁶¹ Поскольку потребительные стоимости различаются качественно, постольку качественно различны между собой разные виды полезного труда. Последний всегда представляет собой особую производственную деятельность, направленную на преобразование различных веществ природы для удовлетворения человеческих потребностей. «Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость; без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь».¹⁶² При этом потребительные стоимости создаются в результате соединения двух элементов: вещества природы и самого труда. Поэтому «труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля – его мать».¹⁶³

С другой стороны, рабочая сила расходуется в форме затраты ее мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. независимо от полезной формы этой затраты. Иными словами, это затрата труда в физиологическом смысле слова, характеризующая его с количественной стороны. В этом случае он выступает как труд вообще. Именно эта сторона труда в условиях товарного производства приобретает особую общественную форму **абстрактного труда**, который образует стоимость товара.

В таком качестве абстрактный труд есть однородный, всеобщий труд, т. е. «расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием».¹⁶⁴ Иначе говоря, это простой средний труд, который качественно одинаков и различается лишь количественно.

Простой средний труд не остается постоянной и неизменной величиной. Напротив, по мере общественного развития он меняется. Вместе с тем в каждом обществе этот труд высту-

1980. С. 11. «Открытие двойственного характера труда в системе товарного хозяйства – выдающееся научное достижение К. Маркса, которым он обогатил трудовую теорию стоимости и на основе которого стало возможным проникновение в сущность стоимостных взаимосвязей, в природу категории товара как формы научного отражения производственных отношений обособленных производителей в условиях общественного разделения труда» / *Елецкий Н. Д.* Основы политической экономии. С. 182.

¹⁶⁰ «Учение К. Маркса о двойственном характере труда представляет собой исходный пункт понимания всех фактов капиталистической экономики не только потому, что оно является составной частью трудовой теории стоимости, лежащей в основе научного анализа капитализма. Эта теория имеет и ряд других составных элементов. Однако ни один из них не играет такой выдающейся методологической роли, как учение о двойственном характере труда. Дело в том, что именно это учение дает ключ к раскрытию внутренней природы “экономической клеточки” буржуазной экономики – природы товара. Оно позволяет объяснить его двойственность, обнажить противоречия потребительной стоимости и стоимости товара в их историческом развитии, раскрыть структуру стоимости товара, движение потребительной стоимости и стоимости в связи с изменением производительной силы и интенсивности труда, тайну товарного фетишизма, господства стоимости над потребительной стоимостью и т. д. Тем самым учение о двойственном характере труда дает научный анализ внутренней анатомии товара и законов его развития, т. е. определяет научный подход к раскрытию закономерностей капиталистического способа производства» / *Афанасьев В. С.* Великое открытие К. Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. С. 38–39.

¹⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 50.

¹⁶² Там же. С. 51.

¹⁶³ Там же. С. 52.

¹⁶⁴ Там же. С. 53.

пает в качестве некой фиксированной величины. «Простой, средний труд, – писал К. Маркс, – хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное».¹⁶⁵ Что же касается *сложного труда*, то он означает только умноженный, или возведенный в степень, простой труд. Поэтому «... меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого».¹⁶⁶

Отсюда возникает необходимость постоянного сведения (редукции) различных видов сложного труда к простому.¹⁶⁷ В этой связи К. Маркс подчеркивал, что такое «сведение представляется абстракцией, однако это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно».¹⁶⁸ Следовательно, это реальная абстракция, отражающая действительный процесс отвлечения от качественных различий в труде в ходе товарного обмена и выявления общей для всех товаров субстанции – абстрактного общественного труда. «... Меновое отношение товаров, – отмечал К. Маркс, – характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей».¹⁶⁹ «Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от чувственно различных потребительных предметностей».¹⁷⁰

Таким образом, в процессе обмена товаров устанавливается равенство качественно различных видов труда посредством, с одной стороны, отвлечения от их действительного неравенства; с другой стороны, сведения их к простому труду. Такой двуединый процесс совершается непрерывно. В результате обнаруживается, что «товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда».¹⁷¹

Резюмируя итоги своего исследования двойственной природы труда товаропроизводителей, К. Маркс показал, что эта двойственность обусловлена в конечном счете основным экономическим противоречием товарного производства – противоречием между частным и общественным трудом. Суть этого противоречия заключается в следующем. Каждый товаропроизводитель выбирает тот или иной вид определенной полезной деятельности, руководствуясь исключительно своими частными интересами, т. е. его конкретный труд имеет частный характер. Вместе с тем в силу общественного разделения труда между товаропроизводителями устанавливается определенная зависимость. Поэтому труд каждого товаропроизводителя выступает как частица общественного труда. Иначе и быть не может, ведь товаропроизводитель создает продукт не для себя, а для других, а потому его труд является по существу общественным. Но этот общественный характер труда товаропроизводителей выявляется только на рынке, в процессе обмена товаров, в ходе которого происходит сведение разнородных видов труда к простому.¹⁷² Если товар продан, значит, он нужен обществу, а стало быть, и труд, затра-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ «К. Маркс в качестве простого труда рассматривал труд человека, не обладающего специальной подготовкой. Сейчас подобная совершенно неквалифицированная рабочая сила может использоваться лишь на подсобных работах. Все основные формы работ требуют той или иной степени квалификации. Поэтому мы вправе в качестве простого труда выделять труд наименее квалифицированных основных работников, принимающих участие в производстве каждого данного типа продукта» / Экономическая теория. // Под ред. Н.И. Базылева, С.П. Гурко, Мн., 1997. С. 83.

¹⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 17.

¹⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 46.

¹⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 83.

¹⁷¹ Там же. С. 53.

¹⁷² «Чтобы товары могли измеряться содержащимся в них количеством труда, – а мерой количества труда является время, – разнородные виды труда, содержащиеся в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, к среднему труду, к обычному, необученному труду. Только тогда возможно измерять временем, одинаковой мерой количество содержащегося в них труда. Труд этот должен быть качественно одинаков, чтобы его различия стали лишь количественными различиями, представляли бы лишь разницу в величине. Однако это сведение к простому среднему труду не есть единственное определение *качества* этого труда, к которому, как к единому началу, сводятся стоимости товаров. То обстоятельство, что

ченный на его производство, имеет общественный характер, признается обществом. Если же товар не продан, то и труд товаропроизводителя суть лишь частный труд, не стал частицей общественного труда, не признан обществом. Таким образом, посредством рынка противоречие между частным и общественным трудом разворачивается в систему противоречий товарного производства: между конкретным и абстрактным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью, между товаропроизводителями, между покупателями и продавцами и т. д.

В заключение отметим, что вышеуказанные положения трудовой теории стоимости К. Маркса, как мы увидим ниже, получили дальнейшее развитие в разделах, посвященных исследованию форм стоимости, товарного фетишизма, денег и рынка. Именно эта теория дает ключ к наиболее адекватному пониманию всей совокупности явлений и процессов капиталистической экономики

§ 4 Теории факторов и издержек производства

Как уже отмечалось, двойственность теории стоимости А. Смита послужила отправным пунктом трансформации буржуазной политической экономии, выразившейся, с одной стороны, в развитии классического направления данной науки, в рамках которого утвердилась трудовая теория стоимости; с другой стороны, в становлении ее неклассического направления, в рамках которого сложились различные варианты нетрудовой теории стоимости (ценности). Появление последней было обусловлено рядом причин.

Во-первых, глубокими внутренними противоречиями трудовой теории стоимости, выработанными представителями классической школы. Прежде всего, речь идет о двоякого рода противоречиях. С одной стороны, о противоречии между законом стоимости и законом прибавочной стоимости (она отождествлялась классиками с прибылью). Суть его такова. Согласно закону стоимости, обмен товаров осуществляется на эквивалентной основе, в соответствии с затраченным на их производство трудом. Но если сам труд является товаром и обменивается на капитал по стоимости этого товара, как считали классики, то рабочий должен получать от капиталиста полный стоимостной эквивалент своего труда, или заработную плату, равную всей созданной рабочим стоимости, воплощенной в произведенном им продукте. Однако «живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Заработная плата, стоимость определенного количества живого труда, всегда меньше, чем стоимость продукта, который произведен этим самым количеством живого труда или в котором этот труд выражается».¹⁷³ Вследствие разницы между стоимостью продукта, произведенного рабочим, и стоимостью затраченного им живого труда (заработной платой) образуется прибавочная стоимость (прибыль), что противоречит закону стоимости, предполагающему эквивалентный обмен товаров. С другой стороны, о противоречии между законом стоимости и законом средней нормы прибыли. Суть этого противоречия заключается в следующем. «По закону стоимости Рикардо, два капитала, применяющие одинаковое количество одинаково оплачиваемого живого труда, предполагая все прочие условия равными, производят

количество содержащегося в каком-либо товаре труда есть *общественно необходимое* для его производства количество, что рабочее время есть, следовательно, *необходимое рабочее время*, – это – такое определение, которое касается только *величины стоимости*. Но труд, образующий единое начало стоимостей, не есть только одинаковый, простой, средний труд. Труд есть труд частного индивидуума, представленный в определенном продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своем качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую (та определенная потребительная стоимость, в которой труд непосредственно представлен, должна быть чем-то безразличным для него, так чтобы продукт можно было из одной формы потребительной стоимости переводить в другую). *Частный труд должен*, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как общественный труд; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд*, который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 137.

¹⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 22–23.

в течение равного времени продукты равной стоимости, а также прибавочную стоимость или прибыль равных размеров. Если же они применяют неодинаковые количества живого труда, то они не могут произвести прибавочную стоимость или, как говорят рикардианцы, прибыль равных размеров. Но в действительности имеет место противоположное этому. Фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало живого труда они применяют. Следовательно, тут явное противоречие закону стоимости, которое заметил еще Рикардо и разрешить которое его школа была неспособна».¹⁷⁴

Во-вторых, стремлением экономистов неклассической школы обеспечить теоретическое обоснование, в корне противоположное как учению утопического социализма в лице его наиболее ярких представителей А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, которые подвергли резкой критике существующий строй и разрабатывали утопические проекты переустройства капиталистического общества на разумных и справедливых началах, так и утопическим попыткам социалистического истолкования трудовой теории стоимости Д. Рикардо ее наиболее последовательными сторонниками (Т. Годскин, У. Томпсон, Дж. Грей, Фр. Брей), которые, опираясь на эту теорию, также критиковали капитализм и стремились прогнозно описать социально-экономическое устройство будущего общества, пути его построения.

В-третьих, нарастающей потребностью в разработке такой теории, которая была бы способна раскрыть исключительно важную практическую значимость рыночных связей, количественных зависимостей капиталистической экономики с точки зрения их непосредственной видимости, в какой они представлены на поверхности буржуазного общества. Именно поэтому экономисты неклассической школы решительно отвергли абстрактно-аналитический метод классиков, объективно ведущий к исследованию социальных противоречий данного общества, противопоставив ему метод эмпирического описания, опиравшегося на «здравый смысл». Применяя этот метод, они стремились всячески затушевать существующие социальные противоречия, провозгласив всеобщую гармонию в качестве основного принципа, регулирующего всю совокупность общественных отношений.

В своем развитии нетрудовая теория стоимости (ценности) прошла три этапа:

первый этап охватывает 20-е – 60-е годы XIX в., в течение которого сформировались теории факторов и издержек производства, спроса и предложения, получившие широкое распространение в неклассической политической экономии;

на втором этапе, охватывающем 70-е – 80-е годы XIX в., появилась теория предельной полезности, которая оказала значительное влияние на дальнейшую эволюцию неоклассической политэкономии;

третий этап, начавшийся с 90-х годов XIX в., характеризуется утверждением господства теории равновесной цены А. Маршалла, послужившей исходным пунктом развития представлений о стоимости (ценности) как в рамках неоклассического направления, так и в рамках альтернативных направлений современной экономической мысли.

Обратимся теперь к рассмотрению отличительных особенностей данных этапов. На первом из них происходит интенсивная борьба, как в открытой, так и в завуалированной форме, против трудовой теории стоимости, в противоположность которой были выработаны указанные варианты нетрудовой теории стоимости (ценности). В этой связи буржуазные экономисты фактически отказались от определения стоимости – сущностной категории – затраченным трудом, подменяя ее понятием ценности. Последняя трактовалась как конечный результат функционирования не одного какого-либо фактора производства, а его трех факторов, являющихся источниками основных доходов.¹⁷⁵ Исходя из этой посылки, ценность определялась

¹⁷⁴ Там же. С.23.

¹⁷⁵ «Теории факторов производства как теории стоимости имели следующие общие характерные черты. Во-первых, создание стоимости связывалось не с деятельностью одного какого-либо фактора производства (например, с трудом, как это делали классики английской политэкономии), а с деятельностью нескольких факторов производства. Поскольку основных факто-

либо полезностью, т. е. свойством потребительной стоимости – одной из сторон двойственной природы товара, либо издержками производства, т. е. денежной формой выражения стоимости израсходованного на производство капитала, либо спросом и предложением, т. е. взаимодействием двух противоположных сторон рыночного механизма, либо, наконец, сочетанием тех или иных указанных явлений.

Подобная трактовка довольно отчетливо свидетельствует о том, что буржуазные экономисты сосредоточили свое внимание на описании, систематизации и истолковании внешних, поверхностных, или что то же самое, товарно-рыночных форм капиталистической экономики, на установлении ее функциональных связей, которые отождествлялись зачастую с существенными закономерностями. Напомним, в этом, по словам К. Маркса, заключается суть вульгаризации как специфического способа познания, получившего широкое распространение в буржуазной политической экономии неклассического и неонеклассического периодов.

В этой связи В.С. Афанасьев отмечает, что такой способ познания может осуществляться в различных формах. Исторически первой и наиболее ранней является **интенсивная, или экономическая, форма**. «Она характеризует интенсивность процесса экономической вульгаризации, степень удаленности формы экономического процесса, используемой буржуазными экономистами для затушевывания сущности этих процессов в интересах апологии капитализма, от его содержания».¹⁷⁶

По своей сути, подчеркивает автор, «... вульгаризация экономической науки есть процесс, противоположный по своему содержанию процессу научного познания. Если процесс научного познания есть переход от описания внешних форм явления к раскрытию его сущности, то вульгаризация есть движение в противоположном направлении – от более глубокой к менее глубокой, а затем и к явлению в его конкретной форме. Этим обстоятельством определяются и объективные границы этой формы вульгаризации экономической науки».¹⁷⁷

ров производства насчитывается три – труд, капитал (точнее, вещественные элементы капитала – средства производства) и земля, то в большинстве теорий факторов производства создание стоимости приписывалось всем этим трем факторам (или, при отнесении земли к капиталу, двум факторам). Во-вторых, само приписывание или, по современной западной терминологии, вменение стоимости различным факторам производства проводилось следующим образом. Стоимость рассматривалась как слагаемое из доходов, полученных различными факторами производства. Доходы в свою очередь рассматривались как порождение соответствующих факторов производства. В-третьих, в качестве основных доходов в большинстве случаев принимались: заработная плата, предпринимательский доход, процент и рента. Заработная плата и предпринимательский доход в одинаковой мере рассматривались как вознаграждение за труд, только заработная плата – за труд наемных работников, предпринимательский доход – за труд предпринимателей. Причем понятие “труд” все в большей степени трактовалось в субъективном смысле, т. е. как отрицательные эмоции, связанные с трудом. Рента трактовалась как дифференциальная рента, либо сводилась к каким-либо другим доходам. Процент приписывался или вменялся капиталу» / *Никитин С.М.* Теории стоимости и их эволюция. М., 1970. С. 19–20.

¹⁷⁶ *Афанасьев В.С.* Этапы развития буржуазной политической экономии (Очерк теории). М., 1985. С. 210. «Эта форма вульгаризации буржуазной политической экономии, – поясняет далее автор, – отражает степень утраты ранее присущего ей научного характера познавательного процесса. Сам факт отказа от научного исследования экономических отношений и подмена его описанием обманчивых форм экономических явлений отнюдь не исчерпывают возможностей вульгаризации экономической науки: степень этого отказа может быть различной, а вместе с тем различна и степень вульгаризации политической экономии. Интенсивность вульгаризации различна на различных этапах кризиса буржуазной политической экономии. Более того, она изменяется и в пределах одного и того же этапа в зависимости от того, какие формы экономических процессов используются буржуазными идеологами для затушевывания сущности этих процессов. В самом деле, с точки зрения гносеологии вовсе не безразлично, что лежит в основе той или иной концепции: сущность изучаемого явления в ее связи с формой этого явления (например, стоимость товара и его цена); существенная форма явления (например, цена производства) или внешняя, поверхностная форма, взятая в отрыве от сущности явления (например, рыночная цена товара). Таким образом, характер лежащих в основе буржуазных концепций экономических форм выражает различную степень интенсивности вульгаризации науки, которая тем больше, чем дальше такие формы отстоят от сущности изучаемых экономических явлений, и тем меньше, чем они ближе к этой последней. Такой подход к буржуазной экономической идеологии позволяет уловить главное направление ее развития. Кризис буржуазной политической экономии предстает перед нами в движении и развитии, а не как единовременный акт, не как нечто неизменное и застывшее» / Там же.

¹⁷⁷ Там же. По мнению автора, «своеобразие интенсивной формы развития кризиса буржуазной политической экономии состоит в том, что лежащие в ее основе изменения апологетических приемов не выходят за пределы собственно экономической теории, а потому она может быть также названа экономической формой вульгаризации. Однако эти пределы ограничены при всем многообразии форм экономических процессов, используемых в апологетических целях. Экономическая форма апологии

В этом контексте основоположником нетрудовой теории стоимости (ценности) является французский экономист Ж.Б. Сэй. Считая себя «последователем» А. Смита и воспринимая отдельные положения его доходной теории стоимости, Ж.Б. Сэй одновременно выступил как критик выработанной А. Смитом трудовой теории стоимости.

Приступая к изложению своей концепции, Ж.Б. Сэй отмечал, что необходимо различать два вида известных благ, которыми пользуются люди. Первый – даровые, или естественные, блага, доставляемые природой (например, воздух, вода, свет солнца), которые нельзя называть богатством. Второй вид – блага (предметы, по терминологии автора), имеющие собственную ценность и сделавшиеся исключительно собственностью их владельцев (например, земля, металлы, монеты, хлеб, ткани и вообще товары всякого рода), вследствие чего только эти блага обычно называют богатством. Такое же название дается также процентным бумагам, векселям и т. п. лишь потому, что они представляют собой долговые обязательства, по которым их владельцы могут получить те или иные вещи, имеющие ценность сами по себе. При этом «богатство всегда пропорционально этой ценности: оно велико, если велика сумма составляющих его ценностей; оно мало, если мала сумма входящих в его состав ценностей».¹⁷⁸

Отсюда видно, что в методологическом отношении исходные постулаты концепции Ж.Б. Сэя страдают весьма серьезными пороками. Прежде всего он неправомерно отождествлял понятие блага, с одной стороны, с предметом или вещью как таковой; с другой стороны, с товаром. Дело в том, что благо само по себе может быть как материальным, так и нематериальным. Справедливо и обратное: не каждый предмет, вещь является благом, все зависит от полезных свойств данного предмета или вещи. Соответственно, не каждое благо является товаром, таковым оно становится только при исторически определенных условиях развития общества. Точно так же не всякий товар есть благо, все опять-таки зависит в конечном счете от потребительной стоимости самого товара, которая может выступать в качестве блага, а может и не выступать (например, наркотики).

Кроме того, Ж.Б. Сэй односторонне определял понятие богатства, сводя его лишь в совокупности вещественных благ, т. е. потребительных стоимостей. Такой подход можно найти и в теории А. Смита. Имея в виду это обстоятельство, он отмечал, что «каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия».¹⁷⁹ Все эти предметы суть результаты деятельности человека, затраченного им труда. Но в теории А. Смита есть и другой подход, согласно которому богатство имеет и стоимостную форму. В этой связи он подчеркивал, что стоимость всех богатств мира «для тех, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение».¹⁸⁰ Следовательно, в соответствии с трудовой теорией стоимости в качестве критерия различения двух форм богатства – натуральной и стоимостной – А. Смит рассматривал либо затраченный труд, либо труд покупаемый. Совершенно иную точку зрения развивал Ж.Б. Сэй. Выделяя только одну (вещественную) форму богатства, он полагал, что в качестве критерия ее

капитализма не в состоянии полностью исключить возможность понимания действительного процесса – если не его сущности, то хотя бы его формы. Если познание вообще, социально-экономических процессов в том числе, по своей природе бесконечно, то экономическая вульгаризация имеет свои объективные пределы во внешней, конкретной форме явлений. Именно поэтому на определенном этапе развития вульгаризации возникает необходимость выйти за пределы собственно экономического поля, необходимость в иной, отличной от интенсивной форме вульгаризации». / Там же. С. 211.

¹⁷⁸ Сэй Ж.Б., Бастиа Ф. Трактат политической экономии / Ж.Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф. Бастиа. М., 2000. С. 29. «По общепринятому пониманию, богатыми людьми называют тех, – пояснял Ж.Б. Сэй, – кто обладает большим количеством этих благ, имеющих определенную ценность. Но когда речь идет о том, чтобы изучить, как образуются, распределяются и потребляются богатства, то этим же именем называют все предметы, заслуживающие его, независимо от того, много ли их или мало, точно так же как зерно называется как отдельное зерно, так и целый мешок этого товара» / Там же.

¹⁷⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. С. 30.

¹⁸⁰ Там же.

определения выступает ценность блага, находящегося в собственности его владельца. Таким образом, уже в исходном пункте своей концепции Ж.Б. Сэй стремился всячески отмежеваться от трудовой теории стоимости А. Смита.

Переходя к рассмотрению ценности как особого экономического феномена, Ж.Б. Сэй писал: «Ценность каждого предмета, пока она не установлена, совершенно произвольна и неопределенна. Владелец его может ценить ее очень высоко, но от этого он не будет богаче. Но с того момента, как другие лица, желающие приобрести данный предмет, соглашаются дать за него в обмен другие предметы, в свою очередь имеющие ценность, количество этих последних предметов, предлагаемых в обмен, является мерилom ценности данного предмета, так как за него могут дать тем более, чем более он стоит сам по себе».¹⁸¹

В приведенном высказывании обращают на себя внимание два важных положения, выдвинутых Ж.Б. Сэем. Во-первых, ценность трактуется здесь, говоря словами И. Канта, как некая «вещь в себе», от века данная, произвольная и неопределенная, существующая в своей трансцендентальной оболочке, недоступной для индивидуального восприятия. Иначе говоря, ценность сама по себе есть нечто таинственное, не зависимое от мира экономических явлений, а стало быть, и от нашего сознания. Она объективна благодаря своей трансцендентальной сущности.

Во-вторых, ценность устанавливается лишь в процессе обмена данного предмета на другие предметы, количество которых является ее мерилom. Но сущность самой ценности еще не раскрывается, она по-прежнему остается «вещью в себе», прикрытой трансцендентальной оболочкой. В конечном счете, это означает следующее. С одной стороны, Ж.Б. Сэй отождествлял простое товарное обращение с простым продуктообменом, или, говоря современным языком, с бартерным обменом, бартером как таковым. Критикуя подобный подход, К. Маркс писал: «Два пункта характерны здесь для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения».¹⁸² С другой стороны, Ж.Б. Сэй рассматривал в качестве меры стоимости (ценности, по его терминологии) меновую стоимость, т. е. количественную пропорцию, в которой одни товары (предметы, по терминологии автора) обмениваются на другие, вне какой-либо ее связи с самой стоимостью.

Согласно Ж.Б. Сэю, в сферу обмена могут вовлекаться различные предметы, обладающие ценностью, в том числе и *монета*. По его мнению, «количество монет, которое владелец их соглашается дать в обмен за приобретенный предмет, называется его ценой; это его *рыночная цена* в данном месте и в данное время, если владелец предмета уверен, что получит ее в случае, если захочет отделаться от этого предмета».¹⁸³ Таким образом, Ж.Б. Сэй трактовал монету как вещь, служащую предметом обмена. Отсюда проистекает предложенное им количественное определение цены как чисто внешней счетной величины, не зависящей от ее действительной внутренней основы – стоимости.

Какова же все-таки природа ценности? Отвечая на этот вопрос, Ж.Б. Сэй высказал ряд противоречивых суждений. Так, в противоположность ранее выдвинутому им положению, он утверждал, что ценность сама по себе не существует. Она представляет собой продукт субъективной деятельности человека, его отношения к употреблению тех или иных предметов. «Ценность, которую человек придает какому-нибудь предмету, – отмечал Ж.Б. Сэй, – имеет свое

¹⁸¹ Сэй Ж.Б., *Бастия Ф.* Указ. соч. С. 29–30.

¹⁸² Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 124.

¹⁸³ Сэй Ж.Б., *Бастия Ф.* Указ. соч. С. 30.

первое основание в том употреблении, какое он может из него иметь. Одни предметы служат нам пищей, другие – одеждой, третьи защищают нас от суровых влияний климата, как, например, наши дома, четвертые, как, например, украшения, обстановка этих домов, удовлетворяют вкусу, составляющему также своего рода потребность. Всегда же несомненно то, что если люди признают за предметом определенную ценность, то лишь в отношении его употребления: что ни на что не годится, тому и не дают никакой цены».¹⁸⁴

Как видим, Ж.Б. Сэй не считал нужным дать какое-либо определение ценности, а ограничился лишь ее описанием в духе обыденных представлений, с точки зрения здравого смысла. Исходя из этого, Ж.Б. Сэй полагал, что первым основанием ценности является субъективная оценка человеком значимости предмета, ибо только он придает последнему ценность, т. е. определяет способ его употребления. И если такой способ устанавливается, то тем самым определяется ценность данного предмета, а стало быть, и его цена. Отказываясь от трудовой теории стоимости, Ж.Б. Сэй заложил вместе с тем основы теории субъективной ценности.

По мнению Ж.Б. Сэя, ценность предметов всегда обнаруживается лишь в процессе их употребления, использования присущих им свойств, посредством которых удовлетворяются те или иные человеческие потребности. «Эту способность известных предметов удовлетворять разным потребностям человека я позволю себе назвать полезностью (потребительной ценностью)».¹⁸⁵ Однако «производить предметы, имеющие какую-либо полезность, значит производить богатство, так как полезность предметов составляет первое основание их ценности, а ценность есть богатство».¹⁸⁶

Таким образом, согласно Ж.Б. Сэю, первым основанием ценности является одновременно и субъективная оценка человеком значимости предметов, и полезность (потребительная ценность) этих предметов. Не замечая столь очевидного противоречия, Ж.Б. Сэй, тем не менее, неоднократно подчеркивал ключевую роль полезности, на основе которой он разработал свою концепцию. В категориальном аспекте она также довольно противоречива. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что Ж.Б. Сэй смешивал целый ряд понятий, представленных в этой концепции: предмет как таковой и товар, ценность (стоимость) и меновую стоимость, ценность и цену, ценность и богатство, потребительную ценность (полезность) и ценность (стоимость). Это смешение, обусловленное исходными постулатами его концепции полезности, приводило к весьма превратным представлениям о процессе рыночного ценообразования. Так, Ж.Б. Сэй писал: «... Цена предмета есть мерило его ценности, а ценность есть мерило его полезности».¹⁸⁷ ... Отсюда следует, что цена есть ценностное (денежное) выражение полезности товара (предмета, по терминологии автора), а не затраченного труда на его производство, т. е. стоимости. «Меновая ценность, или цена предмета, – отмечал Ж.Б. Сэй, – служит только верным указателем полезности».¹⁸⁸

Определение ценности (стоимости) полезностью неизбежно вело к отрицанию трудовой теории стоимости, в противоположность которой Ж.Б. Сэй выдвинул свою пресловутую теорию трех факторов производства. Излагая суть этой теории, он утверждал, что нельзя создать предметы как таковые, поскольку вся совокупность материалов, из которых состоит мир, не может быть ни в коей мере ни уменьшена, ни увеличена. По его мнению, «все, что мы можем делать, – это воспроизводить эти материалы в той форме, в какой они становятся пригодны для нашего употребления и которой они раньше не имели, или в той форме, в которой может уве-

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. С. 31.

¹⁸⁸ Там же.

личиться их полезность. Следовательно, тут есть создание, но не материи, а полезности, и так как эта полезность сообщает предметам ценность, то является производством богатства».¹⁸⁹

Итак, согласно Ж.Б. Сэю, человек не может произвести конкретный предмет, поскольку он уже создан природой. Человек может лишь преобразовать форму этого предмета, т. е. придать ему определенную полезность, благодаря которой он становится пригодным к употреблению. Именно поэтому Ж.Б. Сэй далее вновь решительно заявлял: «Производство не создает материи, но создает полезность. Оно не может быть измерено ни в длину, ни в объеме, ни в весе продукта, но только соответственно полезности, сообщенной предмету».¹⁹⁰

Отрывая полезность от ее материального носителя, каковым является потребительная стоимость, Ж.Б. Сэй рассматривал производство только со стороны его вещественного содержания и игнорировал его общественную форму. В результате капиталистическое производство превратилось у Ж.Б. Сэя в производство вообще, в котором участвуют три фактора: труд, капитал и земля. Каждый из этих факторов оказывает определенную услугу при создании полезности, являющейся основанием ценности (стоимости). Соответственно этим трем самостоятельным источникам ценности (стоимости) Ж.Б. Сэй различал три основных дохода, заявляя, что труд создает заработную плату, капитал – прибыль (распадающуюся на предпринимательский доход и процент), земля – ренту. Трактую эти доходы как естественные и справедливые, он стремился доказать, что не существует экономических противоречий между классами, поскольку их интересы находятся в «гармонии». «Такой подход Сэя явно был направлен против той части аналитического блока теории Смита, где Смит рассматривал проблему происхождения доходов, а со временем – и против теории доходов Рикардо. По Смицу и Рикардо, доходы основных классов общества имеют один общий источник – труд, при этом доходы от собственности – неоплаченный труд рабочих. Отсюда явно видна идеологическая подоплека теории “трех факторов” Сэя, стремящегося затушевать действительное происхождение этих доходов».¹⁹¹

Подвергая резкой критике триединую формулу Ж.Б. Сэя, К. Маркс указывал, что она состоит из трех различных элементов: труда, земли и капитала, которые ставятся рядом друг с другом как равнозначные факторы производства. Между тем первые два элемента – это личный и вещественный факторы всякого производства, независимо от его общественной формы, а третий – это средства производства, превращенные в капитал, который представляет собой исторически определенное производственное отношение, опосредованное вещами (в данном случае одной из составных частей вещественного фактора производства).¹⁹² Поэтому в триединной формуле «различные доходы проистекают из совершенно различных источников, один – из земли, другой – из капитала, третий – из труда. Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи. Если, тем не менее, они в производстве действуют вместе, то это есть гармоническое действие, выражение гармонии... Если между ними имеет место антагонизм, то он создается лишь конкуренцией из-за того, кто из агентов производства должен присвоить себе больше из продукта, из той стоимости, которую они создали сообща».¹⁹³

¹⁸⁹ Там же. С. 30.

¹⁹⁰ Там же. С. 31.

¹⁹¹ *Афанасьев В.С.* Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М. 2005. С. 152.

¹⁹² В теории Ж.Б. Сэя «основные элементы капиталистического производства – наемный труд, капитал и частная земельная собственность – оказались “очищенными” от своей капиталистической формы и превратились соответственно в труд вообще, в средства производства и землю. Подменяя процесс производства стоимости и прибавочной стоимости процессом создания потребительной стоимости, Ж.Б. Сэй пытался изобразить в качестве источников стоимости факторы, принимающие участие лишь в процессе труда, т. е. в создании потребительной стоимости, а именно труд, средства производства и землю. Так возникла вульгарная теория трех факторов производства Ж.Б. Сэя» / *Афанасьев В.С.* Этапы развития буржуазной политической экономии (Очерк теории). С. 216.

¹⁹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 529.

Таким образом, существенные недостатки теории трех факторов производства заключаются в том, что в ней, во-первых, социально-экономические отношения между людьми подменяются технологическими отношениями между факторами производства; во-вторых, смешивается процесс производства потребительных стоимостей (полезностей) с процессом создания стоимости (ценности). Отождествляя последнюю с доходами, Ж.Б. Сэй неизбежно переходил на позиции теории издержек производства, которая тесно смыкается с его трехфакторной теорией. Критикуя подобный подход, К. Маркс подчеркивал, что определение стоимости «издержками производства» означает не что иное, как определение стоимости суммой цен. В этом случае Ж.Б. Сэй принимал «... издержки производства за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия об определении стоимости рабочим временем, более того, даже прямо отрицая это определение при одновременном отстаивании “издержек производства”». ¹⁹⁴

Следовательно, теория издержек производства Ж.Б. Сэя вращается в порочном кругу. Определяя стоимость (ценность) издержками производства, он трактовал их как сумму цен, которые, в свою очередь, регулируют рыночные цены. Сами же цены, по его мнению, зависят от соотношения спроса и предложения. Но поскольку Ж.Б. Сэй отождествлял цену как таковую со стоимостью (ценностью), то он утверждал, что величина последней определяется в конечном счете спросом и предложением. Тем самым Ж.Б. Сэй фактически являлся сторонником теории спроса и предложения. Несостоятельность этой теории заключается в том, что она также не выходила за рамки порочного круга, объясняя цены спросом и предложением, а спрос и предложение – ценами.

Проведенный анализ показал, что теория ценности Ж.Б. Сэя представляет собой довольно противоречивое нагромождение различных теорий: полезности, факторов и издержек производства, спроса и предложения. Все эти теории механически объединяются друг с другом и противопоставляются трудовой теории стоимости, отрицательного отношения к которой Ж.Б. Сэй никогда не скрывал.

Концептуальные идеи, выдвинутые Ж.Б. Сэем, воспринял другой французский экономист Ф. Бастиа, которого К. Маркс характеризовал как «самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики». ¹⁹⁵

Столь резкая характеристика Ф. Бастиа как экономиста, данная К. Марксом, отнюдь не случайна. Дело в том, что в своей апологетике капитализма как «самой прекрасной, совершенной, прочной, всемирной и справедливой из всех ассоциаций» ¹⁹⁶ Ф. Бастиа, пожалуй, превзошел всех современных ему экономистов.

Исходный пункт социально-экономических воззрений Ф. Бастиа образует учение о всеобщей гармонии, изначально положенной божественной Мудростью. Последняя, по его мнению, предопределяет разумность существующего мироустройства, естественные законы, по которым развивается социальный и материальный мир. «Насколько разум выше материи, настолько и социальный мир выше того материального мира, которым так восхищался Ньютон, так как небесный механизм повинуется законам, не сознавая их. Во сколько раз больше оснований имеем мы преклониться перед Вечной Мудростью, созерцая социальный механизм, в котором также живет вечная идея “разум правит материей”...» ¹⁹⁷.

Будучи формой проявления Мудрости божественных законов, гармония царит во всем окружающем мире, пронизывает все сферы общественной жизни. Поэтому в современном обществе «*все законные интересы гармоничны*», ¹⁹⁸ поскольку эти «интересы, предоставленные

¹⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 233.

¹⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 18.

¹⁹⁶ Сэй Ж.Б., Бастиа Ф. Указ. соч. С. 171.

¹⁹⁷ Там же. С. 193.

¹⁹⁸ Там же. С. 160.

сами себе, стремятся к гармоническим сочетаниям, к прогрессивному преобладанию общего блага». ¹⁹⁹ Такое сочетание становится возможным только в том случае, когда каждый человек действует свободно, сообразуя свои поступки с принципом всеобщей справедливости.

Согласно Ф. Бастиа, решение этой социальной задачи предполагает прежде всего четкое понимание сути исходной посылки: «гармоничны ли между собой или враждебны друг другу самые интересы».

В первом случае решение надо искать в свободе, во-втором – в принуждении. В первом не надо только мешать, во втором надо мешать непременно». ²⁰⁰

В этой связи Ф. Бастиа осуждал социалистов-утопистов, которые стремятся найти какую-нибудь искусственную организацию только потому, что современная естественная организация дурна и неудовлетворительна, поскольку в ней человеческие интересы в корне враждебны друг другу, вследствие чего необходимо обратиться к принуждению. Поэтому «они (социалисты-утописты – Н. С.) видели антагонизм повсюду: между собственником и пролетарием, между капиталом и трудом, между народом и буржуазией, между земледелием и фабрикой, между поселянином и горожанином, между уроженцем и иностранцем, между производителем и потребителем, между цивилизацией и организацией».

Чтобы сказать короче – между свободой и гармонией». ²⁰¹

Более того, «они охотно уничтожили бы капиталиста, банкира, спекулянта, предпринимателя, торговца и негодянта, обвиняя всех их в том, что они становятся помехой между производством и потреблением, вымогая деньги у той и другой стороны и не доставляя им взамен ровно ничего. Или, еще лучше, они хотели бы возложить на государство дело, исполняемое этими лицами, потому что тогда это дело не могло бы быть уничтожено». ²⁰²

В противоположность социалистам-утопистам, по мнению Ф. Бастиа, экономисты исходили не из враждебности интересов, а их гармонии, что позволило им прийти к свободе. Однако они не могли точно установить отправную точку самой свободы – гармонию интересов.

Вслед за Ж.Б. Сэем Ф. Бастиа утверждал, что эта гармония устанавливается посредством обмена услугами, поскольку «общество представляет собой совокупность услуг, которые люди добровольно или по принуждению оказывают друг другу, т. е. *совокупность услуг общественных или частных*». ²⁰³ Если общественные услуги, предписываемые и регламентируемые законом, часто страдают неподвижностью и могут превратиться в общественные притеснения, то частные услуги, будучи делом доброй воли и личной ответственности, развиваются на основе взаимного соглашения и по закону прогресса. ²⁰⁴

Опираясь на учение А. Смита, Ф. Бастиа полагал, что необходимость обмена услугами обусловлена разделением труда. «Все лица, составляющие общество, поглощают каждое в

¹⁹⁹ Там же. С. 165.

²⁰⁰ Там же. С. 161. «Но свобода имеет только одну форму. Всякий, кто убежден, что каждая частица, входящая в состав жидкости, содержит в себе самой силу, устанавливающую общий уровень, придет к заключению, что самое простое и самое верное средство достигнуть такого уровня – не мешать. Следовательно, всякий, кто признает, что эта точка отправления верная, т. е. что интересы гармоничны, согласится и с практическим решением социальной задачи: воздерживаться от вмешательства и не перемещать интересов. Принуждение, наоборот, может обнаруживаться, смотря по различным точкам зрения, в бесчисленных формах. Школы, исходной точкой которых служит то положение, что *интересы враждебны друг другу*, еще ничего не сделали для решения задачи, они только исключили из нее свободу. Им еще придется отыскивать среди бесконечных форм принуждения наиболее подходящую форму, если только она может быть найдена. А потом им придется преодолеть последнее затруднение – заставить всех, т. е. людей свободных, признать эту предпочтительную форму принуждения» / Там же.

²⁰¹ Там же. С. 163. «И этим объясняется, каким образом в их сердцах живет еще какая-то сентиментальная филантропия, тогда как из уст истекает ненависть. Каждый из них бережет всю свою любовь для общества, но такого общества, которое создает в своем воображении, а что касается общества действительно существующего, в котором нам приходится жить, то чем скорее рухнет оно к их удовольствию, тем лучше, потому что на развалинах его создается новый Иерусалим» / Там же.

²⁰² Там же. С. 141.

²⁰³ Там же. С. 140.

²⁰⁴ См., там же.

отдельности в миллион раз больше того, что они могут произвести, и в то же время они взаимно не обирают друг друга».²⁰⁵ В результате каждый человек получает вознаграждение за свой труд, а в обществе устанавливается равновесие.

Переходя к трактовке проблемы ценности (стоимости), Ф. Бастиа указывал на значимость *метода робинзонады*. В этой связи он отмечал, что если рассматривать каждого человека как обособленного, живущего своей жизнью, существа, то он представлял бы собой одновременно и капиталиста, и предпринимателя, и рабочего, и производителя, и потребителя. Составными элементами такого существа являются потребность, усилие, удовлетворение, даровая и трудовая полезность. В своей совокупности эти элементы составляют социальный механизм в его простейшей форме.

При этом Ф. Бастиа подчеркивал, что нельзя смешивать даровые силы и трудовые усилия. «Человек всегда хорошо знает, когда силы или материя даются ему даром природой, без всякого участия его труда, даже и в том случае, когда они вмещиваются, чтобы сделать его более производительным».²⁰⁶

Именно поэтому Ф. Бастиа отводил труду и природе различную степень участия в процессе производства продукта, в зависимости от места и климата. Участие природы в этом процессе – даровое. Напротив, участие труда, требующее напряжения усилий человека, является источником ценности продукта, а потому должно быть оплачено. Полагая, что все даровое не имеет ценности, что ценность образуется за счет трудовых усилий, Ф. Бастиа писал: «Мне известны очень немногие из тех, кто не придавал бы *ценности* естественным деятелям природы, тем даровым благам, которыми Бог щедро одарил человека. Слово *ценность* необходимо предполагает, что мы не уступим даром, без вознаграждения, того, что обладает ею».²⁰⁷

По мнению Ф. Бастиа, чтобы воздействовать на естественные силы природы с целью создания полезного продукта, Робинзону, живущему в одиночестве, необходимы, во-первых, орудия и инструменты, сберегающие его трудовые усилия; во-вторых, материалы, требующиеся для изготовления новых орудий; в-третьих, определенные запасы, пригодные для удовлетворения не только насущных, но и будущих потребностей. «Орудия, материалы, запасы – вот что Робинзон, без сомнения, назовет своим капиталом и охотно признает, что чем более будет капитал, тем лучше он приспособит себе естественные силы природы, тем лучше и больше они будут помогать ему в его труде и, наконец, тем больше его усилия будут соответствовать удовлетворению его потребностей».²⁰⁸

Рассматривая капитал как внеисторическое явление и отождествляя его со средствами производства, Ф. Бастиа утверждал, что подобное понимание этого явления распространяется и на современное общество, ибо «капитал и здесь также состоит из рабочих инструментов, материалов и припасов, без которых никто, ни в одиночестве, ни в обществе, не мог бы предпринять никакой продолжительной работы».²⁰⁹

В этой связи Ф. Бастиа трактовал капитал как продукт затраченных усилий и лишений его владельца. Для последнего уступить свой капитал другому лицу – значит лишиться себя выгоды, т. е. оказать ему *услугу*. Отсюда проистекает всеобщий принцип *взаимности услуг*, согласно которому люди совершенно свободно оказывают друг другу определенные услуги, обмениваясь тем самым результатами своих предшествующих усилий и лишений. Реализация данного принципа предполагает соблюдение трех условий: 1) действие любого лица должно быть свободным; 2) чтобы это лицо было непогрешимым и соответствовало своему статусу; 3) чтобы

²⁰⁵ Там же. С. 179.

²⁰⁶ Там же. С. 193.

²⁰⁷ Там же. С. 165.

²⁰⁸ Там же. С. 195–196.

²⁰⁹ Там же. С. 196.

третье лицо не получало за это никакой платы (речь идет о кредитных отношениях, в которых наряду с заимодавцем и заемщиком может выступать посредник).

Согласно Ф. Бастиа, капитал, состоящий из орудий, материалов и припасов, включает в себя две стороны: *полезность* и *ценность*. Всякий, кто уступает свой капитал другому лицу, требует себе в уплату только *ценность*, т. е. услугу, оказанную им в свое время вместе с трудом, который он сберег заемщику. В результате капитал становится реальным капиталом только в процессе оказания подобного рода услуг. Вне этого процесса капитал есть некий продукт, который может быть использован различным образом. Поэтому «взаимный обмен совершается по следующему неизменному принципу: ценность за ценность, услуга за услугу, а все, что представляет собой даровую полезность, стоит вне торга, потому что даровой продукт не имеет ценности, а предмет меновых сделок бывает только ценность. В этом отношении сделки капиталами ничем не отличаются от всяких других сделок».²¹⁰

Таким образом, Ф. Бастиа рассматривал капитализм как «гармоничное общество», в котором происходит эквивалентный обмен услугами между различными классами. При этом понятие «услуга» определялось Ф. Бастиа в самом широком смысле слова. Оно охватывало и трудовые усилия, и полезность капитала, и сам капитал, и его ценность. В контексте подобной трактовки ценность есть отношение между обмениваемыми услугами, или полезностями, складывающееся под влиянием свободной конкуренции, в ходе которой устанавливаются цены этих услуг.

В письме к Ф. Энгельсу от 18 июля 1868 г. К. Маркс привел следующее высказывание Ф. Бастиа: «Если кто-нибудь, исходя из определения стоимости рабочим временем, объяснил бы мне, почему воздух не имеет никакой стоимости, а алмаз имеет высокую, я бросил бы свою книгу в огонь».

Далее в качестве примера К. Маркс указывал, «каким образом господин Бастиа выводит стоимость алмаза, может служить следующий типично коммивояжерский разговор: «Сударь, уступите мне Ваш алмаз. Охотно, сударь; дайте мне в обмен весь Ваш годичный труд».

Вместо того чтобы ответить: «Милейший, если бы я был вынужден работать, то Вы сами понимаете, что мне пришлось бы покупать не алмазы, а другие вещи», – его собеседник говорит: «Но, сударь, ведь на приобретение Вашей вещи Вы потратили не больше минуты. Что же, постарайтесь и Вы иметь такую минуту. – Но по принципу справедливости мы должны класть в основу обмена *равный труд*. – Нет, по принципу справедливости Вы оцениваете свои услуги, а я – свои. Я Вас не принуждаю, почему же Вы хотите принуждать меня? Дайте мне целый год, или ищите себе алмаз сами. – Но мне пришлось бы затратить десять лет на мучительные поиски, не говоря уже о весьма возможном разочаровании в конце концов. Я считаю более разумным и более выгодным использовать эти десять лет как-нибудь иначе. – Совершенно верно, потому-то я и считаю, что оказываю Вам *услугу*, требуя от Вас в обмен лишь один год. Я Вам сберегаю этим девять лет, вот почему я столь *ценю* эту *услугу*».

И далее К. Маркс дал следующую оценку трактовки стоимости (ценности) Ф. Бастиа: «... Немецкие бастианцы не знают, что злосчастная фраза, будто стоимость товаров определяется не количеством труда, на них затраченным, а тем его количеством, которое они *сберегают* покупателю (детский лепет о связи обмена с разделением труда), выдумана не Бастиа, как и любая из его категорий, достойных коммивояжера винной фирмы».²¹¹

В другом месте, резюмируя суть концепции ценности (стоимости) Ф. Бастиа, К. Маркс писал: «... Бастиа в действительности не дает никакого анализа стоимости. Он лишь переже-

²¹⁰ Там же. С. 197–198.

²¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 97–98.

выводит бессодержательные понятия для утешительного доказательства, что «мир полон великих, прекрасных, полезных услуг».²¹²

«... Тайным источником гармонической мудрости»²¹³ Ф. Бастиа и других представителей современного фритредерства явилось сочинение американского буржуазного экономиста Г. Кэри «Принципы политической экономии» (1837–1840). Изложенный здесь американский вариант теории «гармонии интересов» получил наиболее обстоятельную разработку в его главном труде «Основания социальной науки» (1857–1859) и в более кратком издании этого труда «Руководство к социальной науке» (1865).

Опираясь на методологию прагматизма, Г. Кэри утверждал, что предмет социальной науки есть человек – разумное существо, являющееся частицей общества. Подобно другим животным, человек постоянно требует пищи, питья, сна. Однако главная его потребность заключается в сообществе с другими людьми, которое осуществляется посредством языка и разума. «Изолируйте человека, – писал Г. Кэри, – и, с потерей способности говорить, он теряет и силу разума, а с ними вместе и свои отличительные свойства. Возвратите его в общество, и, с возвратом способности говорить, он снова становится мыслящим человеком».²¹⁴

Согласно Г. Кэри, будучи разумным существом, человек, в сравнении с другими животными, характеризуется следующими отличительными качествами. Во-первых, принадлежностью к ассоциации, в которой он обретает свое социальное бытие.²¹⁵ Во-вторых, своей индивидуальностью, которая пропорциональна разнообразию его природных способностей и деятельности.²¹⁶ В-третьих, ответственностью за свои действия перед самим собой и другими людьми, живущими в рамках данной ассоциации.²¹⁷ Наконец, в-четвертых, способностью к прогрессу как неотъемлемому атрибуту существования и развития ассоциации, в которой непрерывно осуществляется обмен различными продуктами трудовой деятельности, или определенными услугами.²¹⁸

²¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 326.

²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 575.

²¹⁴ Кэри Г. Руководство к социальной науке. СПб., 1869. С. 38.

²¹⁵ «Необходимость заставляет человека тяготеть к другим людям. Из всех животных в нем сильнее других проявляется склонность к общительности.» «Непременным следствием отсутствия ассоциации является варварство. Человек, лишенный ассоциации, теряет свои отличительные качества и перестает быть предметом социальной науки» / Там же. С. 39, 49.

²¹⁶ «Где бы мы ни взяли крысу и кролика, лисицу и волка, они всюду являются типами своих пород и обладают инстинктами и привычками, общими всей породе. Совсем другое в отношении человека, у которого вкус, чувства и способности столь же разнообразны, как и его наружность. Но для развития этого разнообразия, однако, необходимо, чтобы человек жил в сообществе с другими людьми. Где этого нет, там не может быть индивидуальности, как и между лисицами и волками. Дикари Германии и Индии так мало отличаются друг от друга, что, читая описание одних, легко можно принять, что речь идет о других. Переходя затем к низшей форме общности, какую мы встречаем у диких племен, мы находим больше разнообразия индивидуального характера. Высшую же ступень этого различия должно искать там, где существует значительный спрос на умственный труд, где есть наибольшее разнообразие в занятиях, где, следовательно, существует значительное развитие склонности к ассоциации, то есть в городах и столицах» / Там же. С. 49.

²¹⁷ «Раб – неответственное существо, потому что он только повинуется своему господину. Солдат не отвечает за совершенные им убийства, потому что он играет роль простого орудия в руках своего командира, который, в свою очередь, повинуется безответственному главе государства. Бедняк также есть безответственное существо, хотя люди часто считают его ответственным. Ответственность возрастает с возрастанием индивидуальности, а последняя, как мы видели, возрастает с увеличением склонности к ассоциации» / Там же. С. 55.

²¹⁸ «Заяц, волк, бык и верблюд в настоящее время точно такие же, какими они были в дни Гомера или во времена египетских царей, оставшиеся после которых пирамиды свидетельствуют об отсутствии индивидуальности между их подданными. Один только человек обладает способностью собирать то, что видит и чему научился, и умеет извлекать пользу из трудов своих предков. Но для этого ему необходим язык; а для возникновения языка необходима ассоциация. Прогресс возможен только при существовании движения, которое есть результат непрерывного сложения и разложения вещества; ассоциация же есть постоянное сложение и разложение различных сил человека. Куча газет представляет нам результат труда тысячи лиц, начиная от рудокопа, добывающего железо, свинец и каменный уголь, и тряпичника, до словолитчика, бумажного фабриканта, машиниста, механика, наборщика, прессовщика, писателя, издателя и собственника, и, наконец, мальчика, разносящего газеты. Этот обмен услуг совершается изо дня в день, без перерыва, в течение целого года, причем каждый участник в труде имеет свою долю в плате, а каждый читатель газеты пользуется известной долей этого труда» / Там же. С. 58.

Исходя из механистического понимания окружающего мира, Г. Кэри считал, что законы бытия одни и те же как для природы (материи, по его терминологии), так и для человека и общества. Поскольку «эти законы справедливы по отношению к обществам, то они должны быть справедливы и по отношению к каждому отдельному индивидууму, из которых состоят общества, подобно тому, как законы, касающиеся всей атмосферы в целом, вполне применимы к атомам, из которых она состоит».²¹⁹ Вместе с тем Г. Кэри указывал на свободу воли как важнейшее отличительное качество индивидуума, посредством которой он, живя в ассоциации, осознает свою ответственность за наилучшее употребление своих способностей на пути к дальнейшему прогрессу.

В этой связи Г. Кэри полагал, что *принцип индивидуализма* является основополагающим в социальной науке. Подытоживая суть своих размышлений о ее природе, он писал: «Социальная наука имеет предметом человека и его деятельность, стремящуюся поддерживать и улучшать свое положение. Она есть наука о законах, управляющих человеком в его деятельности, стремящейся упрочить за ним высшую степень индивидуальности и развивать в нем наибольшую склонность к ассоциации с себе подобными».²²⁰

В соответствии с подобной трактовкой Г. Кэри разработал метод робинзонады, который он широко использовал при исследовании такой сложной проблемы, как происхождение общества. Опираясь на этот метод, Г. Кэри утверждал, что первоначально Р. Крузо, живя на необитаемом острове, вынужден был работать один. Но как только к нему присоединился Пятница, возникло общество. В чем же заключается сущность самого общества? Не в том ли, что вместе с Р. Крузо на острове существовало другое лицо? – спрашивал Г. Кэри. И отвечал: «Конечно, нет. Потому что, если бы Пятница не заговорил с Крузо и не стал бы обмениваться с ним услугами, то общества еще не существовало бы. – Общество, или, другими словами, ассоциация возникла с появлением обмена услуг. Так как каждый акт ассоциации есть в то же время акт сношения, то слова «общество» и «сношение» суть только различные выражения того же понятия».²²¹

Согласно Г. Кэри, для возникновения такого отношения необходимо наличие различий между указанными лицами. Дело в том, что «если бы Крузо и Пятница обладали одними и теми же способностями, то между ними не могло бы существовать сношений, как между двумя атомами кислорода или двумя атомами водорода. Но если привести эти элементы в соприкосновение друг с другом, то произойдет соединение; тоже и с человеком. Общество состоит из соединений, происходящих от существования различий. В обществе, ограничивающемся одним земледелием, едва ли существует ассоциация; но она встречается в полной силе там, где земледелец, адвокат, торговец, плотник, кузнец, каменщик, мельник, прядильщик, ткач, архитектор, железный заводчик и фабрикант машин входят в состав общества».²²² Иначе говоря, общество возникает лишь при наличии такого существенного условия, как разделение труда между отдельными индивидами, каждый из которых занимается определенным видом хозяйственной деятельности.

По мнению Г. Кэри, как и в органическом мире, в обществе склонность к ассоциации увеличивается по мере возрастания различий. Однако эта тенденция находится в прямом отношении к гармонии условий существования его отдельных частей. Поскольку человек, в отличие от других животных, обладает способностью к прогрессу, то эта склонность растет вместе с развитием его способностей, упрочением данных условий, соответствующих жизнедеятельности каждого человека. «Таким образом, ассоциация возрастает с возрастанием различий и

²¹⁹ Там же. С. 59.

²²⁰ Там же. С. 60–61.

²²¹ Там же. С. 156.

²²² Там же. С. 156–157.

уменьшается с их уменьшением, пока, наконец, не прекратится всякое движение, как это случилось во всех тех странах, в которых уменьшилось богатство и народонаселение». ²²³

В целом, по Г. Кэри, процесс возникновения общества осуществляется следующим образом. Сначала уединенный поселенец бродит по обширному пространству в поисках пищи, чтобы не умереть с голоду. Поэтому он вынужден, в случае большой удачи, заниматься различными видами деятельности, а именно, быть попеременно то портным, то каменщиком, то плотником. Но с течением времени он находит другое лицо и тогда между ними начинается взаимный обмен услугами. Однако здесь неизбежно возникают трудности, обусловленные спецификой самого обмена, характером вовлекаемых в него продуктов. ²²⁴

Согласно Г. Кэри, по мере развития общества, возрастания богатства и народонаселения обмен услугами становится более разнообразным, охватывая внутрисемейные, межсемейные и иные отношения. В результате образуется общественная система, соответствующая той, которая существует во всей вселенной. ²²⁵

Такова довольно примитивная суть классической концепции робинзонады, выработанной Г. Кэри. Ее главные постулаты лежат в основе его теории ценности. По мнению Г. Кэри, с увеличением населения и склонности к ассоциации человек всюду становится господином природы, т. е. начинает обладать многочисленными предметами, с которыми он соединяет понятие ценности. Поясняя свою мысль, Г. Кэри вновь обращается к своему излюбленному приему, согласно которому Р. Крузо, обремененный поиском пищи, сначала работает лишь своими руками (например, при употреблении дикорастущих плодов земли). Однако позднее Р. Крузо стал изготавливать простейшие орудия (лук и баядарку), что позволило ему добывать немного мясной пищи. Последней он придавал большое значение по труду, употребленному на ее приобретение. Поэтому «здесь мы видим уже понятие ценности. Она, просто-напросто, представляет нам оценку противодействия, которое нам предстоит преодолеть, чтобы достигнуть обладания желаемым предметом. Это противодействие уменьшается по мере увеличения в человеке способности располагать даровыми силами природы, и, таким образом, объясняется замечаемый нами факт, что во всех развивающихся обществах обнаруживается возрастание ценности труда, в сравнении с жизненными потребностями, и уменьшение ценности жизненных потребностей, в сравнении с трудом». ²²⁶

Подобная трактовка ценности всецело предопределяется методологией прагматизма. Напомним, последний сосредоточил свое внимание на исследовании свободной индивидуальной деятельности человека, базирующейся на принципе максимальной эффективности. Эта деятельность всегда имеет нормативный характер, а потому поддается нормативной оценке с точки зрения полученных результатов. В соответствии с этим определяется и задача любой науки – изыскать пути достижения данных результатов наиболее эффективным образом. Любое научное положение считается истинным только тогда, когда оно приносит определен-

²²³ Там же. С. 157.

²²⁴ «При этом происходят несогласия относительно условий торговли. У рыболова много наловлено рыбы, но так как охотник случайно добыл себе порядочный запас рыбы, то ему нужны только плоды, которых нет у рыболова. Отсутствие различия служит препятствием для ассоциации, и такого рода препятствия встречаются во всяком обществе, в котором нет разнообразия в занятиях. Земледельцу или огороднику редко приходится обмениваться своими произведениями с таким же земледельцем и огородником, точно также башмачнику нечего менять с другим башмачником. Недостаток в различии, необходимом для образования целого, единицы, есть та причина, по которой в обществе, в период его младенчества, представляется столько трудностей для сношений, что торговец, посвящающий свою деятельность на их устранение, становится таким важным членом общества» / Там же. С. 159.

²²⁵ «С возрастанием богатства и народонаселения в обществе умножается движение: муж обменивается услугами с женою, дети с родителями и между собою. Каждое из окружающих семейств вращается около своей собственной оси, тогда как общество, коего они суть члены, обращается, в свою очередь, вокруг общего центра. Таким образом, перед нами последовательно раскрывается система, во всем соответствующая той, которая поддерживает данный порядок во вселенной» / Там же. С. 159–160.

²²⁶ Там же. С. 126.

ную практическую полезность, понимаемую как удовлетворение субъективных потребностей человека.

Именно поэтому Г. Кэри, исходя из этой посылки, утверждал, что ценность есть субъективная оценка противодействия, которое человек должен преодолеть, чтобы приобрести необходимый для жизни предмет. Это противодействие уменьшается по мере того, как человек научился изготавливать простейшие орудия труда, с помощью которых он получает даровые вещества природы. При этом ценность самого труда возрастает, а ценность жизненных потребностей уменьшается.

Развивая этот тезис, Г. Кэри считал, что применение новых, более совершенных орудий труда ведет, с одной стороны, к изменению соотношения относительных ценностей потребляемых благ, на приобретение которых затрачивается уже гораздо меньше рабочего времени;²²⁷ с другой стороны, к уменьшению ценности прежних орудий труда, вследствие уменьшения стоимости издержек на их воспроизводство.²²⁸

По мнению Г. Кэри, наличие и характер применяемых орудий труда служат важнейшим условием установления меновой системы, где каждый стремится за свой труд получить аналогичный труд другого, получая тем самым собственную выгоду.²²⁹ Таким образом, «ценность при обмене определяется по тем же правилам, как если бы каждый сам по себе работал. Оба теперь в выигрыше в том, что соединяют свой труд с целью улучшить свое положение; каждый приобретает возможность, с меньшими препятствиями, посвятить себя той деятельности, к которой он чувствует себя наиболее пригодным, и производительность труда возрастает по мере того, как более и более развивается индивидуальность».²³⁰

Поэтому с идеей ценности, указывал Г. Кэри, неразрывно связана идея сравнения. «Мы сравниваем добытые жизненные потребности с умственным и физическим трудом, употреб-

²²⁷ «Сначала Крузо мог получать растительную пищу с меньшим напряжением, чем мясную; но, при посредстве лука, мясо добывается скорее, чем плоды. Это сразу же производит изменение в относительных ценностях: цена птиц и кроликов падает в сравнении с плодами. Но рыбы он еще не может ловить и с удовольствием отдал бы дюжину кроликов за одного налима. Приготовив из кости крючок для удочки, он получает рыбу за меньшую цену, как и всякую пищу. Цена рыбы падает сразу же, в сравнении с прежнею пищею; ценность же человека, вследствие того господства, которого он достиг над силами природы, возвышается, в сравнении со всеми этими жизненными потребностями. Теперь он получает свою пищу ценою половины потраченного времени и может, поэтому, употребить остальное время на приготовление платья, устройство более просторного жилища и улучшение всех своих орудий» / Там же. С. 126.

²²⁸ «Ценность его прежних орудий уменьшается с каждым новым шагом, вследствие уменьшения стоимости издержек на их воспроизведение. Сначала он с большим трудом добывал тетиву для своего лука; теперь же, этот самый лук дает ему возможность убивать птиц и кроликов, доставляющих ему тетиву; таким образом, сам лук служит причиной уменьшения своей собственной ценности. То же самое происходит со всем остальным. Уголь помогает нам добывать запасы железной руды, и цена железа сразу же уменьшается; железо, в свою очередь, дает возможность добывать большие запасы угля, и цена топлива тотчас падает, тогда как ценность человека, в то же время, возрастает» / Там же.

²²⁹ «Совершив поездку в байдарке вдоль морского берега, Крузо встречается с другим человеком, находящимся в таком же положении, как и он сам, с тою только разницею, что, в одном отношении, тот приобрел меньшую, а в другом – большую власть над природою, чем он сам. Последний не имеет лодки, но у него стрелы лучше, так что он в один день может добыть столько птиц, сколько Крузо в неделю. Поэтому, в его глазах цена их меньше, тогда как цена рыбы больше. Вот каковы условия, предшествующие становлению меновой системы. Наловив рыбы и обменяв ее своему соседу, первый может этим косвенным путем получить больше мяса в один день, чем если бы он мог добыть сам в целую неделю своим плохим луком и стрелами; между тем как другой, точно так же, может добыть больше рыбы, если он употребит один день на охоту за птицами, чем если бы он сам мог наловить ее в месяц, так как у него нет ни крючка, ни леси; оба видят, что путем мены их труд становится производительней. При этом, однажды, каждый старается за свой дневной труд получить дневной труд другого. У одного много различных сортов рыбы, и он ценит каждую по трудности, с которою он ее поймал; поэтому одного соленого щетинозуба он ценит дороже, чем шесть налимов. У другого есть различные животные, и он точно так же одного индейского петуха считает равноценным шести кроликам» / Там же. С. 126–127.

²³⁰ Там же. С. 127. «Если бы наш островитянин был настолько счастлив, чтобы, вместо соседа мужчины, найти соседку женщину, то от этого возникла бы подобная система мены. Он занялся бы охотой, а она стала бы варить мясо и выделывать из кожи одежду. Он стал бы возделывать лен, а она выделывала бы из него ткани. В случае умножения семейства, один занялся бы полем, другой добывал бы дичь, третий посвятил бы себя домашнему хозяйству: приготовлению пищи и одежды. Здесь возникла бы целая система мены, которая, в своей сфере, настолько же была бы совершенна, как и та, которая имеет место в большом городе» / Там же.

ленным на их производство. При обмене, всего естественнее давать труд за труд и каждый стремится к тому, чтобы не давать больше того, что он получает по количеству труда».²³¹

Положение о труде как субстанции меновых отношений, а стало быть, мериле стоимости, Г. Кэри позаимствовал у классиков английской политэкономии, прежде всего у А. Смита, на главную работу которого он неоднократно ссылался. Вместе с тем это положение Г. Кэри интерпретировал весьма своеобразно, стремясь механически соединить его с основными постулатами субъективной теории ценности. Поэтому в представлении Г. Кэри ценность есть не объективное, а субъективное явление, проистекающее из вечной природы отдельного человека, его изначальной способности дать оценку трудовых усилий, связанных с приобретением тех или иных полезных благ. Эти усилия рассматривались им как порождение внешней необходимости, обуславливающей жизнедеятельность каждого индивидуума, вынужденного, в силу разделения труда, вступать во взаимный обмен услугами с другим индивидуумом.

Следовательно, связь между отмеченным положением и теорией ценности Г. Кэри чисто внешняя, поскольку он никогда не понимал двойственного характера труда, воплощенного в товаре. Это обстоятельство не позволило ему также понять социальной природы и полезности, и стоимости (ценности, по терминологии автора), хотя он и правильно указывал на противоположные стороны их движения по мере роста кооперации людей, ведущей к повышению производительности труда. «Полезность есть мерило силы человека над природою; ценность есть мерило силы природы над человеком. Первая возрастает, последняя падает вместе с комбинацией людей. Обе, таким образом, двигаются по противоположным направлениям и поэтому находятся всегда в обратном отношении друг к другу».²³²

Опираясь на теорию ценности, Г. Кэри полагал, что капитализм – это вечная, естественная и разумная ассоциация, которая покоится на всеобщей гармонии интересов. Последняя, по его мнению, предопределяется «великим законом, управляющим распределением произведенной труда». В этой связи Г. Кэри писал: «Из всех законов, открытых наукою, он может быть самый прекрасный, будучи именно тем началом, которое устанавливает совершенную гармонию реальных и истинных интересов между различными классами человеческого рода». И далее цинично заявлял, что этот «закон» «подтверждает тот факт, что как бы ни был велик гнет, тяготеющий на большинстве со стороны меньшинства, что как бы ни было значительно накопление, истекающее из одной силы апроприации, что как бы ни были поразительны различия, существующие между людьми, – все это необходимо для установления повсеместного и совершенного равенства перед законом и для дальнейшего уравнивания социальных условий; что все это есть следствие системы, стремящейся установить на высокой степени силу ассоциации и развития индивидуальности, следовательно, стремящейся поддержать мир, т. е. спокойствие, и увеличить богатство и народонаселение внутри и извне».²³³

Если перевести это «мудрое» рассуждение Г. Кэри на простой человеческий язык, то получим следующее: согласно «прекрасному закону распределения», гнет, эксплуатация большинства меньшинством в условиях капиталистического общества и вытекающие отсюда коренные социально-экономические различия между классами есть объективная необходимость для установления всеобщего и справедливого равенства всех перед данным законом. Это положение является неизбежным следствием существующей системы как высшей ступени общественного прогресса, стремящейся к установлению и укреплению совокупной ассоциации и отдельной индивидуальности и в конечном счете к обеспечению и поддержанию гражданского мира, росту богатства и народонаселения.

²³¹ Там же. С. 128.

²³² Там же. С. 143.

²³³ Там же. С. 507.

Воистину экономическая апологетика Г. Кэри не знает границ! Рассматривая «прекрасный закон распределения» как вечный и естественный, Г. Кэри утверждал, что в капиталистическом обществе не существует классового антагонизма, поскольку это общество базируется на абсолютной гармонии интересов всех сословий. Поэтому Г. Кэри обрушился с резкой критикой на классическую школу политэкономии, указывая на социальную опасность теоретической системы Д. Рикардо, в которой он видел систему всеобщей вражды, ведущей к возбуждению войны как между сословиями, так и между нациями. Г. Кэри критиковал также и представителей неклассической политэкономии Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Д. Мак-Куллоха, Дж. С. Милля и др., которые, по его мнению, якобы доказывали неизбежный и постоянно растущий антагонизм между различными классами как порождение экономических основ их существования, раскалывая тем самым общество на отдельные части и подготавливая гражданскую войну.

В противоположность подобным воззрениям Г. Кэри считал, что в капиталистическом обществе воцарилась совершенная гармония, ибо только она придает людям уверенность в их существовании и позволяет им оценить выгоду совместной деятельности против антагонизма, побуждая тем самым «всех честных и просвещенных людей соединять свои усилия с целью содействовать ближним в их естественном стремлении к ассоциации, так чтобы земледelec и ремесленник жили друг возле друга. Когда необходимость этого и выгоды, отсюда проистекающие, будут яснее осознаны всеми, французом и британцем, турком и христианином, мир и сношение заменят собою жадность торгашей и всеобщую вражду. Гармония между сословиями повлечет за собою гармонию между нациями и любовь мира распространится по всей земле».²³⁴

Разоблачая апологетическую суть представлений Г. Кэри о капитализме как гармоничной общественной системе, К. Маркс писал: «В качестве проповедника гармонии интересов он (Г. Кэри – Н. С.) прежде всего доказывал, что не существует никакого антагонизма между капиталистом и наемным рабочим. Вторым шагом была попытка доказать существование гармонии между земельным собственником и капиталистом; для обоснования этого земельная собственность рассматривалась как нормальное явление там, где она еще не развилась».²³⁵

Будучи яростным защитником капиталистических производственных отношений и отношений рабства, Г. Кэри стремился рассматривать эти отношения абстрактно, независимо от присущих им антагонистических противоречий, в виде естественной ассоциации, лишенной всякого классового содержания. В этой связи К. Маркс писал: «Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации... Янки Кэри с таким же успехом проделывает порой этот же фокус... применительно к отношениям рабской системы».²³⁶

Поскольку Г. Кэри рассматривал капитализм как вечную и естественную систему, то он стремился «показать, что *экономические* условия – рента (земельная собственность), прибыль (капитал) и заработная плата (наемный труд) – представляют собой условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма. В действительности же он доказывает лишь то, что “незрелые” общественные отношения в Соединенных Штатах расцениваются им как “нормальные отношения”».²³⁷

²³⁴ Там же. С. 525. «Тогда все придет к сознанию, что в законах, управляющих отношениями человека с ближним, царствует та же прекрасная простота и гармония, которые проявляются всюду с такой очевидностью; все постепенно познают, что их собственные интересы наилучшим образом споспешествуемы, когда они станут уважать в других права личности и имущества, которые для них желательны, чтобы они были уважаемы и в них самих; и все, под конец, убедятся, что вся социальная наука заключается в немногих словах великого основателя христианского учения: “делай другим то, что ты желаешь, чтобы они для тебя делали”» / Там же.

²³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 326.

²³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 542.

²³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 424. Заметим, в отличие от Ф. Бастиа, Г. Кэри был сторонником не фритредерства,

Одним из первых с критикой трудовой теории стоимости выступил английский экономист Т. Мальтус. Выражая интересы обуржуазившейся земледельческой аристократии (ленд-лордов), он изложил свои взгляды в ряде произведений, наиболее известное из которых – «Принципы политической экономии» (1820).

Подобно Ж.Б. Сэю, Т. Мальтус считал себя «последователем» А. Смита. Вместе с тем у него было и весьма важное отличие от Ж.Б. Сэя, состоящее в принципиально ином концептуальном подходе к апологетике капитализма. Если Ж.Б. Сэй трактовал капитализм как общество, покоящееся на гармонии экономических интересов, то Т. Мальтус указывал на глубину противоречий, присущих этому обществу, рассматривая, однако, в качестве их причины не социально-экономические условия, а чисто природные или естественные факторы (прежде всего диспропорциональность между ростом населения и ростом средств существования).

Влияние классической школы на Т. Мальтуса было столь значительным, что ему пришлось выступать со словесными заверениями в приверженности трудовой теории стоимости. Как отмечал К. Маркс, Т. Мальтус в ряде случаев придерживался «... смитовского определения стоимости – определения ее тем количеством капитала (накопленного труда) и труда (непосредственного), которое необходимо для производства того или другого предмета». ²³⁸

Причисляя себя к сторонникам трудовой теории стоимости, Т. Мальтус заявлял, что у него имеются лишь терминологические разногласия с классиками политэкономии в трактовке понятия стоимости. В этой связи Т. Мальтус писал: «Мы в действительности в праве назвать стоимостью товара труд, затраченный на его производство, но, поступая так, мы употребляем слова в ином значении, чем то, в котором они обычно употребляются...». ²³⁹ Обращая внимание на подобного рода высказывания Т. Мальтуса, Д. Рикардо отмечал, что «... г-н Мальтус неизменно допускает, что количество труда, затраченное на производство товаров, есть главная причина их стоимости». ²⁴⁰

Однако за чисто словесными заверениями приверженности трудовой теории стоимости в действительности скрывалась завуалированная, последовательная и настойчивая борьба Т. Мальтуса с основными постулатами этой теории, с необходимостью их применения при исследовании капиталистической экономики. «Вульгаризация Т. Мальтусом трудовой теории стои-

а протекционизма. В этой связи К. Маркс отмечал, что Г. Кэри «... сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную гармоническую игру, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, – влияние, по-видимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, – вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно защиты этих “законов природы и разума”, alias (иначе) – необходимость системы протекционизма». И далее К. Маркс с иронией продолжал: «Он (Г. Кэри – Н. С.) открыл далее, что не теоремы Рикардо и других, в которых сформулированы существующие общественные противоположности и противоречия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других. Он открыл, наконец, что врожденные прелести и гармонии капиталистического способа производства разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой ужасающей нескритичностью и такой ложной ученостью, заслужил того, чтобы, несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 574–575. Как убежденный сторонник протекционизма, Г. Кэри выражал интересы национального развития Соединенных Штатов, указывал на противоположности интересов Соединенных Штатов и Англии, конкуренцию между ними. Для этого, по его мнению, Соединенным Штатам нужно разрушить распространяемый Англией индустриализм путем более быстрого развития его у себя дома при помощи покровительственных пошлин, насильственного национального ограждения от разрушительного действия английской крупной промышленности. «Последним убеждением “экономических гармоний”, – подчеркивал К. Маркс, – оказывается, таким образом, государство, которое Кэри первоначально клеймил как единственного нарушителя этих гармоний» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 6.

²³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 4.

²³⁹ Цит. по: Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии (Очерк теории). С. 223.

²⁴⁰ Рикардо Д. Соч. Т. III. М., 1955. С. 133.

мости Д. Рикардо по существу была направлена на разрушение центрального пункта методологии классической школы».²⁴¹

При этом Т. Мальтус исходил из обнаруженных, но не объясненных А. Смитом и Д. Рикардо внутренних противоречий трудовой теории стоимости: с одной стороны, между законом стоимости и законом прибавочной стоимости; с другой стороны, между законом стоимости и законом средней нормы прибыли. Тонко подметив эти противоречия, Т. Мальтус опирался на них не для того, чтобы объяснить их природу, а для того, чтобы опровергнуть данную теорию, показать ее несостоятельность с точки зрения «здравого смысла», затушевать действительный источник прибавочной стоимости (прибыли).

Для опровержения трудовой теории стоимости Т. Мальтус использовал ряд вульгарных приемов. Во-первых, сознательное выпячивание на первый план нетрудовой, или доходной, теории стоимости А. Смита. В соответствии с ней Т. Мальтус отождествлял стоимость с издержками производства и утверждал, вслед за А. Смитом, что стоимость как таковая определяется количеством покупаемого труда, или количеством труда, которое можно получить в свое распоряжение в обмен на данный товар. Но такое определение стоимости, по словам К. Маркса, не выходит за рамки простой тавтологии и вращается в порочном кругу.²⁴²

Во-вторых, противопоставление труда как источника и как внутренней меры стоимости. В этой связи Т. Мальтус писал: «Труд, производящий товар, является основной причиной его стоимости, но он... не есть ее мера».²⁴³ Отсюда видно, что хотя Т. Мальтус рассматривал затраченный труд в качестве источника стоимости, но в то же время он отрицал за ним функцию меры стоимости. Между тем, как установили основоположники трудовой теории стоимости, труд есть субстанция стоимости и ее внутренняя мера, ибо только он создает стоимость. Отрицание же Т. Мальтусом труда как меры стоимости неизбежно ведет к отрицанию труда как субстанции, а следовательно, и как источника стоимости. Такова цель данного противопоставления.

В-третьих, отождествление простого товарного обмена с капиталистическими отношениями, т. е. обменом между капиталом и наемным трудом. Исходя из этой посылки, Т. Мальтус утверждал, что стоимость товара изначально включает в себя прибыль, которая возникает вследствие неэквивалентного обмена, т. е. такого обмена, при котором продажа товара всегда обеспечивает получение большего количества труда. Тем самым Т. Мальтус рассматривал прибыль в качестве избытка над трудом, затраченным на производство товара. По существу прибыль сводилась им лишь к номинальной надбавке к издержкам производства товара. Подобная трактовка свидетельствует о том, что Т. Мальтус не понимал разницы между трудом, заключенным в товаре, и содержащимся в нем оплаченным трудом. Именно эта разница и является источником прибыли. Всячески затушевывая это обстоятельство, Т. Мальтус возвращался к

²⁴¹ Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 224.

²⁴² Согласно К. Марксу, это определение означает, что «стоимость товара равна сумме денег, которую должен заплатить покупатель, а эта сумма денег лучше всего оценивается той массой простого труда, которая может быть куплена на эти деньги. Но чем определяется эта сумма денег, об этом здесь, конечно, не сказано ни слова. Перед нами совершенно вульгарное представление, какое люди имеют об этом предмете в обыденной жизни, – простая тривиальность, высокопарно выраженная. Другими словами, это означает не что иное, как отождествление *цены издержек* и *стоимости*, – смешение, которое у А. Смита и еще более у Рикардо противоречит их действительному анализу, но которое Мальтус возводит в закон. Тем самым здесь перед нами то представление о стоимости, которое свойственно погрязшему в конкуренции и знающему только создаваемую ею видимость филистеру мира конкуренции. Чем же определяется цена издержек? Величиной авансированного капитала плюс прибыль. А чем определяется прибыль? Откуда берется фонд для нее, откуда берется прибавочный продукт, в котором представлена эта прибавочная стоимость? Если речь идет лишь о номинальном повышении денежной цены, то повысить стоимость товаров – самое легкое дело. А чем определяется стоимость авансированного капитала? *Стоимостью* содержащегося в нем труда, – говорит Мальтус. А чем определяется последняя? *Стоимостью* тех товаров, на которые расходуется заработная плата. А стоимость этих товаров? *Стоимостью* труда плюс прибыль. Мы так и не перестаем вращаться в порочном кругу» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 24–25.

²⁴³ Цит. по: Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 224.

вульгарным представлениям монетарной системы, согласно которым прибыль образуется от отчуждения, т. е. потому, что товар продается дороже, чем покупается. «Таким образом, вместо того чтобы пойти дальше Рикардо, Мальтус в своем изложении пытается отбросить политическую экономию назад не только по сравнению с Рикардо, но даже по сравнению со Смитом и физиократами».²⁴⁴

В-четвертых, стремление стереть проведенное Д. Рикардо различие между понятиями «стоимость труда» и «количество труда». Отождествляя эти понятия, Т. Мальтус сводил их сущность к обмену данного количества труда на заработную плату. Однако сами по себе указанные понятия выражают не что иное, как «простую тавтологию, нелепый трюизм. Так как *заработная плата* или то, “на что оно” (данное количество труда) “обменивается”, составляет *стоимость* этого количества труда, то тавтологией является утверждение: стоимость определенного количества труда равняется той *заработной плате*, или той массе денег или товаров, на которую обменивается этот труд. Другими словами, это означает не что иное, как то, что меновая стоимость определенного количества труда равняется меновой стоимости этого количества труда, которую иначе называют заработной платой. Но (не говоря уже о том, что на заработную плату обменивается непосредственно не труд, а рабочая сила, каковое смешение и делает возможной нелепую конструкцию) из указанной тавтологии отнюдь не следует, что определенное количество труда равно тому количеству труда, которое содержится в заработной плате, или в деньгах или товарах, составляющих заработную плату».²⁴⁵

Следовательно, Т. Мальтус, как и его предшественники, не проводил различия между стоимостью рабочей силы (стоимостью труда, или заработной платой, по его терминологии) и стоимостью, созданной этой рабочей силой. Но именно уяснение сути этого различия открывает путь к пониманию происхождения прибавочной стоимости (прибыли).

В-пятых, сознательное противопоставление стоимости товара и его цены производства, которые непосредственно не совпадают друг с другом. При этом Т. Мальтус опирался на смешение данных понятий в теории Д. Рикардо, не позволившее ему объяснить механизм образования общей, или средней, нормы прибыли на равновеликие капиталы, вложенные в различные отрасли производства. Спекулируя на трудностях, связанных с решением этой проблемы, Т. Мальтус обращал внимание на видимое противоречие между стоимостью и ценой производства с целью опровержения трудовой теории стоимости. Суть этого опровержения такова. Отрывая цену производства от ее внутренней основы – стоимости, Т. Мальтус утверждал, что стоимость товаров вовсе не пропорциональна труду, который был затрачен на их производство, а равна затраченному капиталу и обычной прибыли.

В целом, теория стоимости Т. Мальтуса покоится на наиболее слабых, уязвимых положениях трудовой теории стоимости классиков политэкономии. Не имея собственной теоретической базы, он использовал эти положения не для дальнейшего развития данной теории, а для ее разрушения. Резюмируя свою оценку взглядов Т. Мальтуса, К. Маркс писал: «Мы видели, как ребячески слаб, тривиален и бессодержателен Мальтус там, где он, опираясь на слабую сторону воззрений А. Смита, пытается построить контртеорию в противовес той теории, которую

²⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 8.

²⁴⁵ Там же. С. 18. Поясняя свою мысль, К. Маркс далее отмечал, что «если рабочий работает 12 часов и получает в качестве заработной платы продукт 6 часов, то этот продукт 6-часового труда составляет стоимость, даваемую за 12 часов труда (ибо он составляет заработную плату, товар, обмениваемый на 12 часов труда). Отсюда не следует, что 6 часов труда равны 12 часам, или что товар, в котором представлено 6 часов, равен товару, в котором представлено 12 часов; не следует, что стоимость заработной платы равна стоимости того продукта, в котором представлен (обмененный на эту заработную плату) труд. Отсюда следует только то, что стоимость труда (так как она измеряется стоимостью рабочей силы, а не выполненным ею трудом), стоимость определенного количества труда содержит меньше труда, чем она покупает; что поэтому стоимость того товара, в котором представлен купленный труд, весьма отлична от стоимости тех товаров, на которые данное количество труда было куплено или которые распоряжаются этим трудом» / Там же.

построил Рикардо, опираясь на сильную сторону воззрений А. Смита. Едва ли можно встретить более комические потуги немощности, чем сочинение Мальтуса о стоимости».²⁴⁶

Выступление Т. Мальтуса против трудовой теории стоимости Д. Рикардо положило начало оживленной полемике вокруг этой теории. В своих сочинениях ее сторонники пытались систематизировать воззрения Д. Рикардо, разработать основные положения его теории в деталях, устранить присущие ей противоречия. Однако эти попытки не увенчались успехом. Напротив, они привели к разложению рикардианской школы.

Согласно К. Марксу, разложение этой школы начинается с Дж. Милля, который был первым, кто изложил учение Д. Рикардо в систематической, хотя и довольно абстрактной, форме. Но при этом между Д. Рикардо и Дж. Миллем имеется и существенное различие. Если Д. Рикардо исходил из реальных противоречий капиталистической экономики, то Дж. Милль доказывал, что эти противоречия представляют собой лишь кажущиеся противоречия. Стремясь выйти за пределы теоретической системы Д. Рикардо, Дж. Милль вместе с тем «защищает те же исторические интересы, что и Рикардо, – *интересы промышленного капитала против земельной собственности*»²⁴⁷ – и в трактовке ряда теоретических и практических вопросов идет значительно дальше Д. Рикардо. Так, опираясь на теорию земельной ренты, Дж. Милль более решительно, чем Д. Рикардо, выступал против частной собственности, требуя ее национализации, т. е. перехода в государственную собственность.

Будучи последовательным сторонником рикардианской теории стоимости, Дж. Милль в то же время выражал сомнение в том, каким способом Д. Рикардо пытался разрешить противоречие между законом стоимости и законом средней нормы прибыли. По мнению Д. Рикардо, действие закона стоимости модифицируется под влиянием не только различий в органическом составе капитала, но и различий в продолжительности обращения капитала. Свою точку зрения Д. Рикардо пояснял на примере с вином. В этой связи в письме к Д. Мак-Куллоху от 8 августа 1823 г. Д. Рикардо писал: «Трудный предмет стоимости занял мои мысли, но я не смог найти удовлетворительный выход из лабиринта... Я не могу преодолеть затруднение с примером вина, которое выдерживается в погребе в течение трех или четырех лет, или дуба, на который первоначально затрачено было труда, быть может, всего на 2 шилл. и который теперь стоит 100 ф. ст.».²⁴⁸

В другом письме к Д. Мак-Куллоху от 21 августа 1823 г., подчеркивая, что в рассматриваемом случае с вином на стоимость товара, кроме затраченного труда, оказывает воздействие и прибыль на капитал, Д. Рикардо писал: «Когда мы видим, таким образом, что стоимость товаров изменяется в зависимости от изменения прибыли, будет ли правильно утверждать, что не было никакой другой причины для измерения, кроме большего или меньшего количества примененного труда, необходимого для их производства. Практически стоимость товаров очень мало изменяется в зависимости от изменения прибыли, потому что прибыль вообще изменяется очень незначительно, но тем не менее мы обязаны на этом основании признать, что если изменяется прибыль, то изменяется и стоимость товаров».²⁴⁹

²⁴⁶ Там же. С. 48. «Но лишь только он переходит к практическим выводам и тем самым снова вступает в ту область, в которой он подвизался как своего рода экономический Абрагам а Санта Клара, он оказывается вполне в своей стихии. Однако он и здесь не изменяет своей натуре прирожденного плагиатора. Кто с первого взгляда поверил бы, что «Principles of Political Economy» Мальтуса представляют собой лишь мальтузианизированный перевод книги Сисмонди «Nouveaux Principes d'économie politique»? И все же это так. Книга Сисмонди появилась в 1819 году. Год спустя увидела свет Мальтусова английская карикатура этой книги. Как раньше у Таунсенда и Андерсона, так теперь у Сисмонди Мальтус снова нашел теоретическую точку опоры для одного из своих многочисленных экономических памфлетов, причем ему наряду с этим пригодились еще и почерпнутые из рикардианских «Principles» новые теории» / Там же.

²⁴⁷ Там же. С. 82.

²⁴⁸ Рикардо Д. Соч. Т. V. М., 1961. С. 233.

²⁴⁹ Там же. С. 237.

Таким образом, Д. Рикардо считал, что в этом случае стоимость товара определяется не только затраченным на его производство трудом, но и прибылью на авансированный капитал, продолжительностью времени, в течение которого функционирует этот капитал.

Подобная трактовка не удовлетворяла Дж. Милля. В своем главном труде «Элементы политической экономии» (1821) он писал: «Время не может ничего делать... Как же в таком случае оно может увеличивать стоимость? Время есть лишь абстрактный термин. Оно – слово, звук. И получается один и тот же логический абсурд, говорить ли об абстрактной единице как мере стоимости или о времени как создателе стоимости».²⁵⁰

В этой связи Дж. Милль предложил свое решение данной проблемы, суть которого сводится к следующему. Наряду с живым трудом, стоимость товара создается прошлым или овеществленным трудом, капиталом, который понимается как накопленный труд. Такое решение означает фактический отказ от трудовой стоимости, специфическую разновидность ее вульгаризации.

Данная тенденция выражается еще и в том, что, подобно Т. Мальтусу, Дж. Милль отождествлял капиталистическое отношение с простым товарным обменом. Поэтому отношение между капиталистом и рабочим Дж. Милль изображал как обыкновенную сделку между двумя товаровладельцами, т. е. между покупателем и продавцом. Но в этом случае прибыль может возникнуть лишь вследствие нарушения закона стоимости, т. е. если капиталист будет не полностью оплачивать труд рабочего. Чтобы выйти из этого затруднения, Дж. Милль утверждал, что капиталист авансирует рабочего, создавая условия для производства определенного продукта. В результате каждый из них получает свою долю в этом продукте, которая регулируется в конечном счете соотношением между спросом и предложением. Но такое объяснение Дж. Милля, не выходящее по существу за рамки плоской тавтологии, «доказывает только то, что он здесь чувствует в теории Рикардо какой-то камень преткновения, который он преодолевает лишь благодаря тому, что вообще оказывается вне теории».²⁵¹

Наряду с Дж. Миллем одним из первых вульгаризаторов трудовой теории стоимости Д. Рикардо является Р. Торренс, выпустивший в 1821 г. свою работу «Очерк о производстве богатства». Исходный пункт данной работы образует анализ обнаруженного Д. Рикардо противоречия между законом стоимости и средней прибылью на равновеликие капиталы неодинакового строения. Однако Р. Торренс не разрешил этого противоречия. Описывая среднюю прибыль, Р. Торренс не объяснял, откуда она берется. Не имея даже смутного представления о ее связи с законом стоимости, Р. Торренс утверждал, что средняя прибыль есть лишь явление рыночной конкуренции. Поэтому он пришел к выводу, согласно которому при капитализме «происходит переворот в законе стоимости, т. е. что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит явлениям капиталистического производства».²⁵² Вслед за А. Смитом Р. Торренс считал, что этот закон действует только «в ранний период развития общества», когда люди противостоят еще друг другу лишь как товаровладельцы, обменивающиеся товарами, стоимость которых определяется содержащимся в них рабочим временем. Но такое положение вещей не имеет места там, где возникает капитал и частная собственность на землю.

Вульгаризируя трудовую теорию стоимости Д. Рикардо, Р. Торренс отмечал, что стоимость товара определяется количеством накопленного, или овеществленного, труда, т. е. капиталом, затраченным на производство этого товара. Стоимость последнего включает в себя все элементы издержек производства: во-первых, стоимость потребленного основного капитала;

²⁵⁰ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 84.

²⁵¹ Там же. С. 95.

²⁵² Там же. С. 69.

во-вторых, стоимость сырья; в-третьих, стоимость труда, овеществленного в деньгах или товарах, функционирующих в качестве заработной платы.

Отождествляя стоимость товара с издержками его производства, Р. Торренс полагал, что источник прибыли следует искать в сфере обращения. По его мнению, покупатели якобы «имеют склонность» давать за товар больше, чем стоило его производство. Тем самым капиталистическое отношение здесь смешивается с отношением простого товарного обмена.

Таким образом, Р. Торренс, как и его предшественники, не понимал органической связи между законом стоимости и законом средней нормы прибыли и цены производства, тех промежуточных звеньев, которые связывают эти законы. Именно поэтому Р. Торренс прибегает «к фикции, что капитал, а не труд определяет стоимость товаров, или, точнее, что стоимость вообще не существует».²⁵³

Совершенно иные приемы вульгаризации трудовой теории стоимости Д. Рикардо использовали те экономисты, которые прямо выступили против нее. Так, характеризуя содержание появившейся в 1825 г. работы С. Бейли «Критическое рассуждение о природе, мерах и причинах стоимости», К. Маркс писал: «Это – главное сочинение против Рикардо (оно направлено также и против Мальтуса). Пытается опрокинуть основу доктрины – *стоимость*. В положительном смысле не представляет никакой ценности, за исключением определения “меры стоимости”, или, точнее, денег в этой их функции».²⁵⁴

В своей борьбе с трудовой теорией стоимости Д. Рикардо С. Бейли опирался на *меновую концепцию*. Согласно этой концепции, стоимость товара не есть нечто абсолютное, а потому ее нельзя рассматривать как нечто самостоятельное, отличное от меновой стоимости, выражающейся в потребительных стоимостях. Следовательно, существует лишь меновая стоимость, которая на поверхности явлений выступает как количественное отношение обмениваемых товаров. «Таково *непосредственное явление*, – писал К. Маркс. – И за него-то и цепляется Бейли. Та наиболее поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как количественное отношение, в каком товары обмениваются друг на друга, и есть, по мнению Бейли, их стоимость. От поверхности идти дальше вглубь не дозволяется».²⁵⁵ При этом С. Бейли не интересовали вопросы о том, что лежит в основе обмена товаров, почему один товар обменивается на другой в определенной пропорции и т. п.

Как видим, С. Бейли отождествлял стоимость с внешней формой ее проявления – меновой стоимостью. В этой связи он писал: «Стоимость есть отношение между современными товарами, так как только такие товары могут обмениваться друг на друга; а когда мы сравниваем стоимость товара в одно время с его стоимостью в другое время, то это только сравнение того отношения, в котором данный товар находился к какому-нибудь другому товару в эти различные моменты времени».²⁵⁶

Подобное понимание стоимости было направлено прежде всего против Д. Рикардо, который проводил различие между действительной стоимостью товара (т. е. количеством труда, затраченного на его производство) и его относительной стоимостью (т. е. количественной пропорции, в которой товары обмениваются друг на друга). В противоположность этому С. Бейли отрицал стоимость как таковую, сводя ее к меновой стоимости и в конечном счете – к цене.²⁵⁷

²⁵³ Там же. С. 80.

²⁵⁴ Там же. С. 125.

²⁵⁵ Там же. С. 141.

²⁵⁶ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 156.

²⁵⁷ «Если классическая школа в лице Д. Рикардо шла к разграничению стоимости и к меновой стоимости товара, разграничению важному, в частности, с той точки зрения, что оно поднимает вопрос о различии субстанции стоимости и ее внешнего проявления и подводит к вопросу об источнике стоимости, то вульгарная политическая экономия в лице С. Бейли именно по этим причинам стремилась отождествить стоимость с меновой стоимостью товара и устранить само понятие стоимости. Имманентную меру стоимости С. Бейли смешивает с ее внешней мерой, с ее выражением в товарах или ценах, а потому и отождествляет в конечном итоге стоимость товара с его ценой и тем самым возвращает экономическую науку к тому пункту,

Исходя из такой трактовки, С. Бейли пытался опровергнуть «закон Рикардо», согласно которому заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу. При этом С. Бейли не понимал, что по существу этот закон правилен, поскольку он выражает противоположные интересы двух классов буржуазного общества.

В соответствии со своей меновой концепцией С. Бейли рассматривал стоимость труда, т. е. заработную плату, как определенное количество товаров (потребительных стоимостей), на которое обменивается труд. Прибыль же, по его мнению, напротив, выражает отношение стоимости, характеризующей долю капиталиста в совокупном продукте. Однако в действительности между этими явлениями не существует ни обратного, ни какого-либо иного отношения, так как они не имеют общей основы и в силу этого несоизмеримы. Но С. Бейли рассуждал по-другому, полагая, что указанные явления по своей сути соизмеримы. Отсюда следовал вывод, что поскольку с ростом производительности труда количество потребительных стоимостей, получаемых рабочим, остается неизменным, а отношение стоимости прибыли к стоимости капитала возрастает, то «закон Рикардо» ошибочен. «Это нелепое рассуждение, – писал К. Маркс, – направленное против Рикардо, бьет совершенно мимо цели, так как Рикардо утверждает лишь, что стоимость обеих долей должна повышаться и падать в обратном отношении друг к другу».²⁵⁸

Отвергая трудовую теорию стоимости Д. Рикардо, С. Бейли высказывал различные суждения об источнике (причине, по его терминологии) стоимости товаров. Так, С. Бейли писал: «Все обстоятельства..., которые, опосредованно или непосредственно, оказывают определяющее воздействие на сознание людей при обмене товаров, могут рассматриваться как причины стоимости».²⁵⁹

Отсюда видно, что источник, или причину, стоимости, а стало быть, эквивалентности обмена товаров С. Бейли искал в неэкономической сфере – в сознании людей, поскольку, по словам К. Маркса, «по части теории он (С. Бейли – Н. С.) зашел в тупик».²⁶⁰ Ведь подобная трактовка по существу означает, что причиной стоимости обмениваемых товаров являются субъективные мотивы, побуждающие продавцов и покупателей признавать нечто за стоимость, или эквивалент, данных товаров.

Вместе с тем С. Бейли еще не рассматривал сознание продавцов и покупателей в качестве главной причины стоимости товаров, как это впоследствии стали делать сторонники теории субъективной ценности австрийской школы. Такой причиной, по его мнению, являются все те обстоятельства, которые оказывают влияние на агентов меновой сделки не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они воздействуют на сознание этих агентов. Поэтому С. Бейли заявлял о своей согласии с Р. Торренсом относительно того, что стоимость товаров определяется авансированным на их производство капиталом, т. е. издержками производства.

с которого начали меркантилисты» / *Афанасьев В.С.* Указ. соч. С. 234.

²⁵⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 156.

²⁵⁹ Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 166.

²⁶⁰ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.